

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2008

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msp.s.ru

*Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинз (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Корректор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *В. Иванов, О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Шведского агентства по международному
сотрудничеству для развития и группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 3-4 (46) 2008

К читателю 5
Юрий Сенокосов

Семинар

Власть и общество 7
Людмила Алексеева

Дискуссия 18

Заметки с семинара 25
Алиса Лисицына

Тема номера

Сценарий модернизации 27
Андрей Клепач

О российской трансформации 34
Руслан Гринберг

Две философии, два подхода к модернизации 38
Андрей Рябов

Модернизационная теория и традиционные культуры 47
Рональд Инглхарт, Кристиан Велцель

Вызовы и угрозы

Роль ООН в поддержании международной безопасности в XXI веке 58
Томас Николс

Прогноз

Внешняя политика имеет значение 64
Дмитрий Тренин

Общество

Доверие и солидарность 68
Борис Дубин Наталья Зоркая

Концепция

Мифология культурной предопределенности авторитаризма в России 74
Эмиль Паин

О вертикали, которая живет в головах 86
Дмитрий Грушевский

Ценности и интересы

Разговор на внутреннем языке
Максим Трудолюбов 92

Мифология и политика
Антон Чаблин 97

Точка зрения

Местная власть: дефицит очевидности
Виктор Панкращенко 102

Проблема морального лидерства в России
Алексей Макаркин 107

По поводу модернизации
Александр Волков 116

Жизнь в профессии

Что значит быть современным политиком?
Лорд Джордж Робертсон 119

Опыт регионов

Кабардино-Балкарская Республика и сеть Интернет
Мадинат Кумыкова 124

Идеи и понятия

Просвещение
Ирина Бусыгина 130

Горизонты понимания

Куда делась утопия?
Алессандро Скафи 137

In memoriam

Свобода как идея и идеал
Алексей Салмин 148

Наш анонс

Демократия и проблемы безопасности
Информационная революция в Китае
Минсин Пей 156

Книги

Билет в один конец
Андрей Захаров 163

Региональное книжное обозрение
Виктория Евликова
Ольга Артамонова 165

Контрапункт
Александр Архангельский 169

Nota bene

Бюрократия как отражение качества образования
Сергей Магарил 172

В оформлении номера использованы работы художников из Великобритании, Германии, Израиля, Италии, России, Словакии, Франции, США, Швейцарии.

К читателю

Политическая свобода, обладая замечательной способностью создавать между гражданами необходимые связи и взаимозависимости, в то же время не всегда делает людей похожими друг на друга. Только единоличное правление в конце концов всегда неизбежно делает людей похожими друг на друга и одинаково равнодушными к своей судьбе.

А. де Токвиль. Старый порядок и революция

Слово «оппозиция» (от лат. *oppositio* — противопоставление) вошло в русскую культуру в конце XIX века после появления в Европе оппозиционных политических партий. В «Энциклопедическом словаре» Брокгуза и Ефрона (том XXII, 1897 год) читаем: «В современных конституционных государствах оппозиции отводится область, в пределах которой она может действовать свободно; ей предоставлено право свободной критики правительственных мероприятий в печати, в представительных собраниях, на народных митингах и т.д. ... *Легализованная таким образом оппозиция приняла совершенно новые формы.* Центром ее деятельности являются теперь, во-первых, парламенты, во-вторых — печать. Все члены парламента, противодействующие официальной политике, являются оппозицией *в наичаще употребительном ныне смысле этого слова*, а вся периодическая печать, более или менее враждебно критикующая деятельность правительства, называется оппозиционной печатью. По распространенному ныне в западноевропейских государствах убеждению, *такого рода оппозиция, в общем, не только не вредна, но является необходимым условием мирного, здорового прогресса.*» (Курсив мой. — Ю.С.)

И дальше, рассматривая историю формирования такой оппозиции во Франции, Германии, Англии и других странах, автор словарной статьи отмечает, что только в Англии она стала **необходимым институтом государственного права**. «Там оппозиция призвана к постоянному участию в делах управления... в ходе которого правительство было бы поставлено в весьма неудобное положение, если бы на выборах в палату общин прошли исключительно его сторонники и оно осталось бы в палате без оппозиции. Поэтому в Англии говорят не только о “правительстве Ея Величества”, но с тем же основанием и об “оппозиции Ея Величества”». О России при этом автор даже не упоминает, и понятно почему.

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

Легальная оппозиция в нашей стране появится только через десять лет после публикации статьи, в ходе буржуазно-демократической революции 1905–1907 годов. До этого в условиях самодержавия любое проявление оппозиции преследовалось. Но прошло еще десять лет, и в годы победившей советской власти — «государственной формы диктатуры пролетариата» (выражение И. Сталина) — была уничтожена вначале еще существовавшая легальная оппозиция, а затем и так называемый внутрипартийный оппозиционный блок (Каменева, Зиновьева, Троцкого). На том основании, что «без железной дисциплины партии, — заявил Сталин на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) в 1926 году, — ...невозможна диктатура пролетариата». «Поэтому очередная задача партии состоит в том, чтобы вскрыть принципиальную несостоятельность основных взглядов оппозиционного блока... на предмет их полного преодоления»*.

К чему привело на протяжении последующих десятилетий отсутствие в стране легальной оппозиции — известно: вначале исчезла КПСС, а затем распался Советский Союз. Разумеется, не только по названной причине, но отсутствие политической и экономической конкуренции, безусловно, сыграло в этом не последнюю роль.

Нараставшие при М. Горбачеве оппозиционные настроения под лозунгом «Больше социализма, больше демократии» закономерно привели в 1990 году к созданию демократической платформы внутри КПСС и оформлению Антикommунистического движения «Демократическая Россия», которую возглавили выходцы из компартии. Через десять лет массовые опросы показали, что право на оппозицию и критику властей в СМИ закрепилось в сознании российского населения как обязательный принцип демократии. С 1993 года после принятия новой Конституции РФ до 2003-го в Государственную думу наряду с «партией власти» постоянно выбирались оппозиционные партии правой и левой ориентации. Однако и в эти годы, не говоря уже о следующих, неопределенность правового статуса оппозиции позволяет власти сдерживать политическое инакомыслие и критику своих действий, как в центре, так и в регионах под предлогом сохранения стабильности в обществе. Еще в 1996 году в Госдуме начинает обсуждаться закон о правовых основах оппозиционной деятельности. Дума приняла его в третьем чтении, передала в Совет Федерации, но закона до сих пор нет.

В настоящее время, судя по опросам общественного мнения, большинство наших граждан полагает, что в стране необходима «политическая оппозиция власти». В частности, согласно опросу «Левада-центра», в конце июля этого года так думали 62 процента от числа опрошенных респондентов. В 2000 году эта цифра, по данным того же аналитического центра, составляла 47 процентов. Однако, одобряя критику власти, мало кто из россиян воспринимает оппозицию в качестве силы, которая предназначена для смены существующей власти.

Чтобы оппозиция могла действовать, не опасаясь репрессий со стороны власти, считают социологи, она должна быть институционализована. Власть и общество должны учиться общаться и совместно вырабатывать социальные цели.

* И. Сталин. Сочинения. Том 8. — М., 1948. — С. 225, 216.

Власть и общество*

Взаимоотношения власти и общества — предмет для исследования и обсуждения не только экспертов-профессионалов — политологов, социологов, философов. На мой взгляд, об этом, не формулируя проблему в этих терминах, думает в какой-то момент любой человек, в любой исторический период, если он оказывается в ситуации, когда может сказать: «Они нас достали». Взаимоотношения власти и общества определяют жизнь всякого человека, когда и где бы он ни жил: без преувеличения, миллионы людей, если мыслить в масштабах всей истории человечества, жестоко страдали и даже платили жизнью за несовершенство этих взаимоотношений. Я не эксперт в этой области, но, будучи правозащитником, практически ежедневно сталкиваюсь с проблемой, когда власть калечит моих сограждан.

В чем несовершенство отношений власти и общества в нашей стране, в наше время? Будучи по образованию историком и размышляя о том, как институты власти влияют на жизнь рядового гражданина, я хочу сказать, что на эти мои размышления повлияло не только мое историческое образование, но и великая русская литература, которая вся проникнута болью за человека, на которого давит равнодушная к его судьбе государственная машина.

Эти размышления, повторюсь, не философа, не политолога, а человека, воспитанного на русской литературе, и гражданина, пережившего сталинские времена. Мне было 25 лет, когда умер Сталин, кроме того, я пережила и послесталинские времена, и вот живу в постсоветские — есть с чем сравнивать.

Институты власти действуют в любое время, в любой стране на основании не столько писаных законов, сколько некоего не подписанного формально, но имеющего определенные рамки договора с обществом: что можно, чего нельзя и властным структурам, и обществу, гражданам. Существование этого договора подтверждается жизненным опытом. Скажем, при Сталине осуществлялся массовый политический террор. По-

*Людмила Алексеева,
председатель Московской
Хельсинкской группы*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 28 июля 2008 года.

чему это было возможно? Сталин был изувером, конечно! Но только ли в этом дело? Ведь для массового террора необходимо много исполнителей. Не сам же он подписывал многочисленные ордера на аресты, не сам пытал арестованных и не сам их расстреливал, не сам охранял многочисленные места заключения, не сам осуществлял сыск по всей стране, не сам писал доносы на соседей и сослуживцев, на друзей и родственников, ведь и такое бывало. Не помню, но кто-то так охарактеризовал сталинские времена: «полстраны сидело, а полстраны охраняло сидевших». Причиной покорности был страх за себя и за близких, но ведь в то же самое время, в годы Великой Отечественной войны, наш народ показал себя героическим и бесстрашным. Люди шли на смерть в бою. Почему же не хватило смелости сопротивляться приказам изувера об уничтожении невинных людей? Ведь многие даже в ближнем окружении Сталина сознавали, что это расправы с невинными. Например, у Молотова любимая жена отбыла много лет в лагерях, а он все эти годы верно служил тирану и не смел просить его об освобождении жены. Таких примеров не счесть. В чем же дело? Все эти люди были трусы? Однако все трусостью не объяснишь. Я думаю, дело вот в чем.

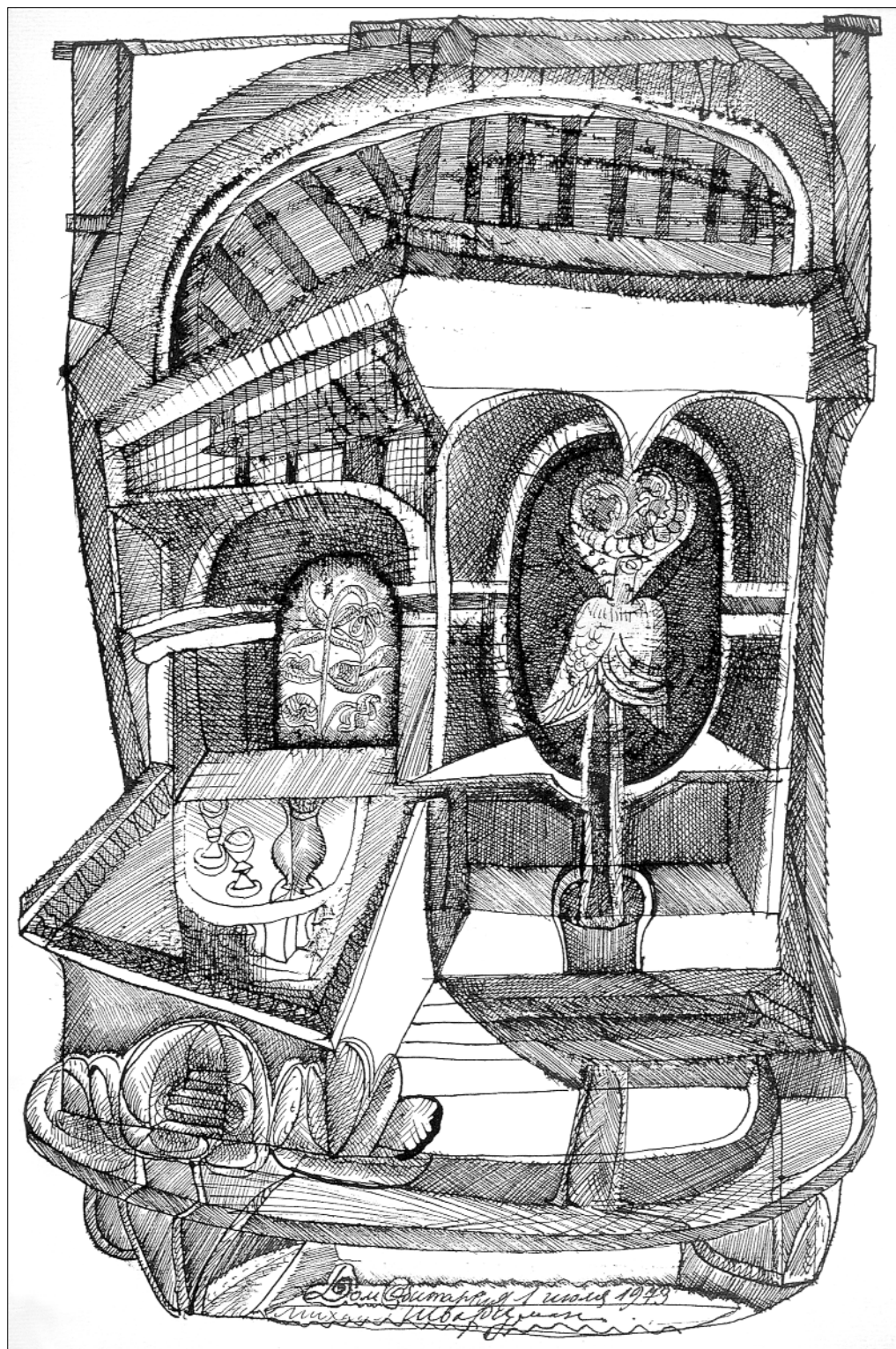
Масса наших граждан, переживших в начале XX века три войны — японскую, Первую мировую и Гражданскую, особенно жестокую, коснувшуюся каждого, — перестали относиться к человеческой жизни, даже к своей собственной и своих близких, как к чему-то священному, драгоценному. Только у таких людей, не ценящих человеческой жизни, мог появиться такой владыка, как Сталин. В нормальном обществе это было бы невозможно. После смерти тирана человек из его ближнего окружения, Никита Сергеевич Хрущев, решился изменить установившийся порядок отношений между властью и обществом. Он отменил безусловное право власти рас-

поряжаться жизнью каждого человека. Как ни странно, но далеко не сразу и не все советские граждане положительно отнеслись к этому благу для общества изменению. Когда Хрущев закончил свой трехчасовой доклад, делегаты XX съезда сидели в оцепенении. Не было обычных бурных аплодисментов, хотя власть устами Хрущева заявила: «Арестовывать и убивать без причины больше не будем». Как можно было этому не обрадоваться? Но делегаты партийного съезда, да и многие наши сограждане не только боялись Сталина, но еще и замирали перед ним в экстазе, ослепленные тотальной пропагандой, и развенчание кумира переживали болезненно. Это жуткий синдром рабского поклонения власти, которую люди в демократических странах воспринимают трезво: власть — это институт, необходимый обществу, но отнюдь не сакральный. Люди во власти — это всего лишь люди, которым демократическое общество на определенный срок (потому и существуют выборы) дает полномочия, но строго регламентированные и под постоянным контролем со стороны других институтов власти, и под гражданским контролем со стороны самого общества. Это как бы назначенные гражданами управляющие, которых хорошо оплачивают из средств граждан, собираемых в виде налогов, к которым относятся с уважением, ведь они выиграли выборы, значит, имеют качества, заслуживающие уважения. Но тех, кто не справился со своими обязанностями, те же граждане переизберут, заменив более достойными. А то и отзовут до срока, я имею в виду не только процедуру импичмента по отношению к президенту, но и правила отзыва парламентариев и судей и так далее. Теперь перейдем непосредственно к нашим проблемам — к взаимоотношениям власти и общества в наше время и в нашей стране.

По Конституции Российской Федерации власть у нас выборная, и все мы из-

биратели, то есть от нас должно зависеть, кто там сидит наверху и кто нами правит. По Конституции, принятой в те самые проклинаемые по телевидению «лихие 90-е», у нас, как и в странах Северной Америки и Западной Европы, все не хуже: выборы, свобода слова, свобода объединений, свобода митингов и демонстраций, парламент, не зависящий от президента, суд, не зависящий ни от исполнительной, ни от законодательной властей. Но история у нас другая. Традиции другие. Опыт жизненный другой. И менталитет, то есть склад ума, тоже другой. И поэтому Конституция у нас, как у них, а жизнь совсем другая. И дело, получается, прежде всего в нас самих, а не в том, что мы не тех выбрали. Иными словами, дело в том, что наше гражданское общество гораздо слабее нашей власти, и власти с ним могут не считаться и поэтому не считаются. Поэтому и нынешнего президента выбирали не мы, давайте смотреть на вещи реально. Единственным избирателем был Владимир Владимирович Путин, а мы так, сходили или не сходили на выборы, поскольку все уже было решено и без нас. Поэтому и конституционное большинство в Думе имеет «Единая Россия», которую и партией-то не назовешь, это корпорация чиновников и бизнесменов, обслуживающих не нас с вами, а власть. И суд у нас не независимый, и средства массовой информации контролируются властью в тех пределах, которые она сочла достаточными для манипулирования электоратом. А свободных журналистов убивают безнаказанно и неизвестно по чьему приказу. И правоохранительные органы охраняют не нас от преступников, а власть имущих от нас, и по-настоящему независимых политических партий у нас нет, и неполитические общественные организации под неусыпным контролем бюрократии, а митинги и демонстрации протеста против незаконий власти разгоняют дубинками. И

образовательная система такова, что граждане считают самым великим человеком в нашей истории не Александра Пушкина, не Дмитрия Шостаковича, не Андрея Сахарова, а величайшего злодея — Иосифа Сталина. Российская Федерация, наша с вами страна, не демократическое, а авторитарное государство, и мы явно не тянем на принадлежность к «золотому миллиарду». При огромном богатстве нашего государства треть населения живет, по международным стандартам, за чертой бедности. У стариков нет средств на качественные лекарства, у больниц нет средств на спасение детей, которым нужны дорогостоящие операции, у бедных семей, у трети населения, нет средств на хорошее образование даже талантливых детей и нет для них карьерных возможностей. Судя по опросам, наши граждане боятся милиции больше, чем бандитов. В местах заключения более 800 000 человек, и среди них, я как правозащитник это знаю, масса людей, не преступивших закона, а преступники гуляют на свободе. И чем больше вор украл, тем в большей он безопасности. И все это не потому, что у нас был плохой президент и он нам выбрал плохого президента, они такие потому, что мы таковы. Жить по-человечески мы станем лишь тогда, когда наше гражданское общество разрастется и профессионализируется настолько, чтобы власть имущие не могли с нами не считаться, не могли делать так, как удобнее и выгоднее им, а не нам, гражданам. Нарисовав эту мрачную картину, я, тем не менее, смотрю на будущее с оптимизмом. Я считаю, что лет через 10–15 мы будем демократической страной, и наша власть будет учитывать наши интересы и свободы. Такой страной мы, конечно, станем не вдруг, а постепенно, улучшения будут происходить по мере того, как мы будем их отвоевывать у власти. Почему я верю в наш успех? Потому что у нас впервые в истории появилось граждан-

Михаил Шварцман. Дом обитания. 1973

ское общество; несмотря на явное стремление сверху его уничтожить, оно живет, развивается, крепнет, следовательно, время работает на граждан, а не на власть. Почему я называю такой срок — 10–15 лет? Исходя из темпов формирования гражданского общества. Ведь его первые ростки появились в самом конце 80-х — в начале 90-х годов, то есть всего двадцать лет назад, когда началось изменение психологии людей, их мироощущения, именно в этом все дело, в наших головах. Такие изменения происходят очень медленно, и пока мы сделали самый трудный шаг: в массе своей избавились от иждивенческой психологии, которая была свойственна советским людям, перестали в решении своих судебных надеяться на государство и стали надеяться на себя. Я сужу об этом по опросу, проведенному, в частности, фондом «Общественное мнение» два года назад. Отвечая на вопрос: «Надеетесь ли вы на помощь государства в своей жизни», 47% респондентов ответили: нет, не надеюсь. А еще 25%, каждый четвертый, ответили, что государство мешает им устраивать свою жизнь. То есть в сумме более 70 процентов. Люди, не заботящиеся о себе сами, а надеющиеся на кого-то — на барина, на государство — не важно, это не граждане, а рабы. А 70% наших сограждан перестали быть рабами за этот исторически короткий срок, который отделяет нас от советского прошлого. Не потому, что мы какие-то особенные, а потому, что государство поступило с нами, как со щенком, которого бросают в воду. Или утонет, или выплывет и будет жить. Советское государство бросило своих беспомощных граждан на произвол судьбы в 80-е годы потому, что оно оказалось банкротом. Вместе с советским государством рухнула его экономика, рухнула система социального обеспечения, здравоохранения, образования. Государство было нищим, у него были только долги, а нефть при Ельцине стоила восемь долларов за

баррель. Доходов не было. Люди остались без сбережений, кто без работы, кто с работой, но подолгу без зарплаты, а кто и без крова над головой. Кто тогда надеялся на государство, те просто погибли. А те, кто выжил, обязаны этим самим себе. Это обеспечивает рост самоуважения человека к самому себе, что очень важно.

Сейчас цена на нефть и газ заоблачная. Казна захлебывается от нефтедолларов, но по-прежнему не отстраивается ни здравоохранение, ни система образования, ни пенсионная система. Национальные проекты потому и перестали называть реформами, что это точечная отстройка, и результаты тоже точечные. У нас богатое государство и бедное население. Государство не только не помогает тем, кто нуждается в его помощи: инвалидам, пенсионерам, мигрантам, системам здравоохранения, образования, культурным учреждениям, науке, оно мешает тем, кто хочет и может сам строить свою жизнь. Главное препятствие развития нашей экономики, науки, культуры — алчная бюрократия. И она — единственная опора нынешней власти. Это выбор нашей власти. Она опирается не на общество, а на бюрократию и силовиков.

Но нет худа без добра. Именно потому, что власть ведет себя таким образом, наши сограждане быстро отучились жить, ожидая милости от государства, и стали надеяться на самих себя, усвоили, что спасение утопающих есть дело рук самих утопающих. Вот эти люди, изменившие свою психологию, и стали основой нашего гражданского общества. Что такое гражданское общество? Как известно, общего определения этот феномен не имеет. Гражданское общество в разных странах формируется по-разному, и состав его в разных странах различен. Но есть общие критерии этого понятия. Так, очевидно, что гражданское общество это то, что не власть. Оно оппонирует власти, контролирует его

действия. Гражданское общество в любом государстве, конечно же, меньше, чем все население. Это каким-то образом структурированная часть граждан, обладающая энергетическим зарядом. У нас в России костяк гражданского общества составляют некоммерческие общественные организации: правозащитные, экологические, просветительские, социальные, культурные, благотворительные. Разные. К гражданскому обществу у нас относятся и политические незарегистрированные объединения. Они ведь тоже объединяют граждан, воодушевленных какими-то общими политическими идеями, и к власти не принадлежат. Сюда же можно отнести журналистов из независимых средств массовой информации, а частично и из контролируемых государством. Кое-кто из этих журналистов обслуживает государство, по возможности стараясь донести до нас что-то нам полезное. Сюда же нужно отнести и наш бизнес, за исключением того, который жиреет на бюджетных средствах и государственных льготах. Но большинство предпринимателей, особенно средних и мелких, входят как раз в те 25% наших граждан, которым государственная бюрократия не только не помогает, но очень мешает.

Так что гражданское общество у нас есть. И по размерам оно, может быть, не уступает гражданскому обществу таких стран, как Германия или Франция. Но там государство воспринимает гражданское общество как равного партнера. Там ни один важный для граждан вопрос власти не могут решить, пренебрегая мнением граждан. Иначе на ближайших же выборах они теряют власть в пользу своих политических конкурентов. А у нас демократия пока лишь декоративная, имитационная.

Почему? Потому что бюрократия у нас такая же опытная и ловкая, как в тех странах, а гражданское общество не имеет еще опыта оппонирования власти, и условия для этого у нас гораздо

сложнее, чем на Западе. Нет прочных связей между разными частями гражданского общества. Нет партнерских связей со структурами власти. Нет прочного финансового обеспечения активности структур гражданского общества. Это все требует времени. Но самое главное, наше общество пока не имеет такой массовой поддержки рядовых граждан, какую оно имеет в странах с развитой демократией.

Приведу пару примеров на этот счет.

Президент Путин решил в свое время поставить под контроль центральные каналы телевидения. С этого он начал построение вертикали власти. Первой жертвой стал лучший телеканал — НТВ. В демонстрации протеста тогда участвовали тысячи три москвичей из девяти миллионов населения города. А в других городах вообще не было никаких видимых протестов. И мы лишились НТВ. А потом и остальные телеканалы стали ежечасно «вешать нам лапшу на уши» в пользу власти. Мы лишились самого мощного из современных средств массовой информации — телевидения, которое для большинства наших граждан является единственным источником знания о происходящем и в нашей стране, и во всем мире. И теперь это большинство видит мир таким, каким угодно представить его нашим правителям. А вот в Праге, в столице Чехии, население которой гораздо меньше московского, когда несколько лет назад правительство объявило, что намерено взять телевидение под государственный контроль, на демонстрации протеста вышли сотни тысяч граждан, все центральные улицы и площади были заполнены народом, у нас по телевидению это показывали. И правительство отменило свое решение, чехи имеют независимое телевидение.

Еще один пример. В Испании правительство послало в Ирак испанских военных. Вскоре в стране произошли взрывы на железнодорожных вокзалах, это был террористический акт воинст-

вующих исламистов в отместку за отправку войск в Ирак. Правительство, чтобы отвести от себя обвинения, заявило, что эти террористические акты организовала местная террористическая организация баскских националистов. Это была ложь власти своим избирателям. Все это случилось незадолго до выборов. В Испании произошли не только массовые демонстрации протеста

против этой лжи, но на выборах с огромным перевесом победили конкуренты правящей партии. Наши же власти разных уровней лгут нам каждый день по множеству поводов. И мы знаем, что они лгут, и они знают, но никакой реакции на это в стране нет. Наши граждане на массовые протесты по таким поводам пока не способны. Еще нет политической культуры. Для большинства наших граждан президент, дума, выборы — это картинка по телевизору, к их повседневной жизни как бы не имеющая никакого отношения. Большинство россиян не понимает, что, как они проголосуют сегодня, так будут жить завтра. Это понимание придет со временем.

Я назвала срок — лет десять-пятнадцать. Мы очень быстро умнеем и набираемся политического опыта. Лучше всего об этом заботится сама власть своим наплевательским отношением к нам, гражданам. Эксперты по политическим делам считают, что давление общества, необходимое для изменения порядков в стране, может обеспечить критическая масса в 10 процентов недовольных от общего числа граждан. У нас, согласно опросу фонда «Общественное мнение», таких недовольных 25%, то есть гораздо больше, чем нужно для пересмотра существующего общественного договора между властью и обществом. Нынешний общественный договор действует лишь в силу неопытности и неорганизованности недовольных.

От уже сделанного нами первого шага — осознания, что нынешняя государственная власть не только не помогает, но и мешает устраивать гражданам их жизнь, осталось сделать еще один важный шаг —

Люди во власти – это всего лишь люди, которых демократическое общество на определенный срок назначило управляющими

осознать обществу необходимость объединения для защиты своих интересов и научиться объединяться без всяких бунтов и революций. И тогда государство согласится на существенные изменения нынешнего общественного договора. Я уверена, что если через десять-пятнадцать лет у нас будет президентом, скажем, Путин, а премьером Медведев, или наоборот, они будут такими же законопослушными представителями власти, как их коллеги из государств с развитой демократией. Если в Средние века существовала поговорка, что «короля делает свита», то в наше время президента делает гражданское общество. Как мы позволяем с собой обращаться нашим правителям, так они с нами и обращаются.

Остановлюсь на том, как я вижу пути взросления нашего гражданского общества. Я не жду стремительного объединения российских демократических партий в одну партию, или в коалицию. Они копошатся в этом направлении, дай им бог успеха. Но не объединяются не потому, что их лидеры плохи. Они не могут объединиться потому, повторяю, что в России нет достаточной политической культуры. А без сильных политических партий демократия, конечно, невозможна, потому что выборы без конкурирующих политических партий превращаются в фарс. Такие партии возникнут на последнем этапе объединительных процессов в гражданском обществе. И сейчас у нас уже созрели усло-

Михаил Шварцман. Из цикла «Иературы истины». № 25. Проблема. 1978

вия для роста социальных движений, для объединения граждан не в защиту каких-то духовных или политических ценностей, на чем основаны политические объединения, и даже не в защиту прав человека, на чем основано наше правозащитное сообщество, сформировавшееся в стране. Кстати, я не жду особого расширения этого сообщества. В защиту прав человека, а не «своих кровных» готовы выступать лишь альтруисты, а альтруистов в любом народе очень мало. А вот социальные движения — это объединения граждан в защиту интересов той группы населения, к которой эти граждане принадлежат. Тут никакого альтруизма, как у правозащитников, и никакого стремления войти во власть, как у политических партий. Тут стремление отстоять для себя и своей семьи возможность жить по-человечески.

Сейчас, пожалуй, самое известное из этих движений — движение автомобилистов. Я думаю, вы все о нем знаете, поэтому скажу коротко. Это движение владельцев автомобилей, которые добиваются исправления законопроектов, или законов, если они уже стали законами, дискриминационных по отношению к ним. Например, они добились отказа от законопроекта, запрещающего праворульные автомобили. Борются против объявления нарушителями правил дорожного движения тех, кто оказался на пути машин с мигалками и так далее. Сейчас они борются против заоблачных цен на бензин, которые у нас выше американских, притом что мы вывозим нефть, а они ввозят, и притом что заработки у нас в разы меньше, чем в Америке. И Путин уже отдал приказ разобрататься с ценами на бензин.

У этого социального движения нет офисов, нет освобожденных работников, нет специального финансирования, но его участники связываются по Интернету, или как-то еще, и проводят одновременно акции в разных городах. И почти всего, что они требуют, они добиваются.

Именно из-за массовости движения и конкретности его требований, далеких от политики. То же самое можно сказать и о движении обманутых дольщиков. Это те, кто внесли деньги за квартиру в строящихся домах и не получили ни квартиры, ни денег. Это движение собственников жилья в разных городах против перекосов законодательства по ЖКХ и диких методов его применения. Против точечной застройки, уничтожения детских площадок и так далее.

Это движение сельских жителей против земельного рейдерства. Они требуют обуздать нашу исполнительную и судебную власть в регионах, которые это рейдерство обслуживают.

Это выступление молодежных объединений против самоуправства милиции. Пока это мне известно только в Москве, но это уже началось.

Это студенческое движение против высоких цен на образование и низкого его качества. Это тоже только начинается, но имеет перспективу развития, так как касается очень многих молодых и энергичных людей.

Сейчас регистрируется движение бизнес-солидарности — объединения предпринимателей в защиту тех, у кого с помощью суда незаконно отбирают активы. Это движение тоже имеет большой резерв для развития. Судебные преследования предпринимателей, у которых есть что отнять, распространены очень широко. Эту опасность осознали уже многие из тех, кого напрямую это еще не задело.

В общем, похоже, что развитие гражданского общества у нас пошло не по европейской, а по американской модели.

В Европе сначала возникли политические партии. Потом вокруг них — всякие фонды, группы поддержки и другие виды активности. А в Америке две главные партии — демократическая и республиканская — это только машины для выборов, а вся гражданская активность, очень высокая в Соединенных Штатах, — вне

политических организаций. В том числе великое множество и больших, и малых групп по интересам.

У России свои особенности развития гражданского общества. Прежде всего, о чем я говорила, — стремительность его формирования. По историческим меркам прошедшие пятнадцать-двадцать лет — это мгновение. К тому же у нас прежде всего сформировались правозащитные и экологические движения, экспертное сообщество — еще в советское время. А в девяностые годы эти сообщества приобрели всероссийские масштабы.

Последние два года, как я уже сказала, идет бум создания молодежных организаций и формирование социальных движений, а также возрождение независимых профсоюзов, которые появились в самом начале девяностых, после массовых забастовок 1989 года, но затем исчезли во время экономического кризиса конца 90-х. Сейчас они появились вновь, и самые успешные из них — на иностранных предприятиях, где платят больше и где производство налажено лучше. Это наводит на мысль, что по мере развития российской экономики в стране будут расти независимые профсоюзы и на отечественных предприятиях. В общем, несмотря на законодательство последних лет, направленное на подавление любой гражданской активности — и политической, и не политической, и даже благотворительной — все виды гражданской активности растут. Ускорение этого роста произойдет, если удастся обеспечить однонаправленность усилий существенной части гражданского общества. И мне думается, что можно добиться такой концентрации усилий, если сосредоточить их на совершенствовании судебной власти.

Представьте себе, что все у нас осталось бы по-прежнему, но при этом был бы независимый компетентный и неподкупный суд. Ведь очень быстро и легко решалась бы масса проблем, сейчас

неразрешимых. Воспрял бы средний мелкий бизнес, упали бы цены на жилье. А сколько искалеченных судеб не были бы искалеченными! И выборы у нас стали бы более честными, а значит, и власть вменяемая и подотчетная гражданам. И исполнительная и законодательная власти научились бы относиться к нам и к нашим проблемам с вниманием и уважением. То есть оздоровление нашей власти легче всего начать с ее судебной ветви. Конечно, тоже трудная задача. И усилия по ее решению займут немало времени. Но это возможно сделать именно силами общества и без жесткой конфронтации с властью, и, хочется надеяться, даже с некоторой ее помощью, учитывая, что наш новый президент не раз говорил о необходимости независимого и компетентного суда. Не стоит, однако, рассчитывать на то, что власть имущие сами откажутся от влияния на судебную власть, если у них сохранится возможность сохранения такого влияния. Каждый раз, когда можно повлиять на ход судебного процесса, в котором есть их интерес, трудно удержаться от соблазна использовать эту возможность. Задача гражданского общества — лишить их такой возможности или минимизировать ее. Это можно сделать, предавая гласности как можно более широко каждый случай противозаконных судебных решений, критикуя антиконституционные законы, принятые в интересах удержания власти и в интересах удобства управления для бюрократов. Для этого все же есть независимые СМИ, есть Интернет. Для этого есть разные формы прямого общения, например как наше сегодняшнее обсуждение. Да и контролируемые государством СМИ не полностью закрыты для такой темы. Там тоже можно обсуждать злоупотребления чиновников более низкого ранга. На центральных каналах можно критиковать их злоупотребления на уровне регионов, на региональных — муниципальные злоупотребления и так далее.

И еще есть возможность оздоровления нашего судопроизводства путем обращения к тем формам, где судят сами граждане, а не официально назначенные судьи. Ведь судебная ветвь власти — единственная, где граждане могут принимать непосредственное участие. Прямое участие граждан во власти — привилегия маленьких государств, какими были древнегреческие города или наш Новгород с его знаменитым вечем. В современных развитых государствах, за исключением разве что Швейцарии, участие рядовых граждан во власти ограничивается их участием в выборах представителей власти, что ведет к отчуждению власти от общества. У нас в России это отчуждение колоссальное, непроходимое. Пожалуй, самый простой способ преодоления этого отчуждения — непосредственное участие граждан в отправлении правосудия. Я имею в виду в первую очередь суды присяжных. Суд присяжных широко распространен во многих демократических странах, и в России он тоже имеет давнюю историю. Он был введен царем Александром II вскоре после отмены крепостного права и просуществовал до революции, а затем был упразднен большевиками. По Конституции 1993 года этот суд был учрежден в Российской Федерации, но существует в очень узкой сфере: только по поводу тяжких преступлений и по желанию обвиняемых. Власть, и это очевидно, не намерена расширять сферу деятельности суда присяжных, наоборот, подконтрольные государству средства массовой информации всячески принижают значение этого суда, дискредитируют его. Расширение сферы действия суда присяжных — один из путей становления нашей судебной системы. Я долж-

на сказать, что в Соединенных Штатах 95% всех обращений в суд не только по уголовным, но и по гражданским делам решают суды присяжных. Есть еще одна возможность, почти со-

Оздоровление нашей власти легче всего начать с ее судебной ветви. Не стоит, однако, рассчитывать на то, что власть и мушкетеры сами откажутся от влияния на судебную власть

всем не используемая у нас, хотя законом это разрешено, — третейские суды. Этот суд формируют граждане из тех, кому они доверяют. Многие дела между гражданами, которые хотят, чтобы дело было решено по закону и справедливости, можно решить в третейских судах, не обращаясь в официальный суд. Но третейских судов у нас очень мало и только от нас зависит, как широко они распространятся и как укрепится обычай обращаться в такие суды.

Еще одна форма отправления правосудия самими гражданами — комитеты по этике. В Союзе журналистов, например, есть такой комитет. Избранные членами Союза уважаемые коллеги решают споры между журналистами и даже между журналистом и гражданином, в Союз журналистов не входящим. Возможна разработка и применение самых разных примирительных процедур, например, между продавцом и покупателем — тоже без обращения в официальный суд, а в органы, созданные для такого вида конфликтов.

Вообще, нам нужно научиться, как можно больше дел решать своими силами, не прибегая к помощи государства. Это и будет сильное гражданское общество, с которым государству, хочет оно этого или не хочет, придется считаться и которое оно будет уважать как равного партнера.

Дискуссия

Александр Алексенцев, член совета Алтайского краевого общественно-го движения «Согласие»:

— Людмила Михайловна, в эпоху научно-технического прогресса у государства появляются скрытые рычаги влияния на личность, на общество. Я имею в виду манипуляционные технологии. Не впадаем ли мы в иллюзию, что государство якобы идет на уступки, сдает какие-то позиции, возможно, оно просто переходит на какую-то другую ступень контроля?

Людмила Алексеева:

— Да, конечно, технические возможности увеличивают возможности государства контролировать общество и подавлять его. Но ведь это не только сейчас происходит, когда электронные средства появились, это было и раньше. Не говоря уже о том, что техническими средствами обладает не только государство, мы ими тоже обладаем. Вот я, например, чувствую, насколько расширились благодаря совершенствованию технических средств возможности гражданского общества. Ведь как бы ни контролировали наш телевизор, мы сейчас намного больше знаем о мире, чем в советское время, потому что появилось спутниковое телевидение, которое государство не может перекрыть. А я на Интернет, на принтеры, на ксероксы не нарадуюсь! Потому что как мы печатали самиздат? Как писал Галич: «“Эрика” берет четыре копии». Так это «Эрика», а я на разбитой «Башкирии» печатала. Знаете, как гвозди вбивать, надо было по клавишам бить, чтобы четыре копии напечатать, и еще за это можно было сесть. А теперь Интернет — привет! Мы можем все. Растут возможности государства, и растут возможности у нас. Не хлопайте ушами, используйте эти возможности для роста гражданского общества!

Любовь Мосеева-Элье, юрисконсультант правозащитного движения «За права человека», Калужская область:

— У меня два коротких вопроса. Первый. Я из альтруистов, и мне бы хотелось знать о своем будущем. Второй вопрос: расскажите коротко о вашей встрече с главами оппозиционных партий. Информация об этом прошла по всем нашим социальным сетям, а что было за чашкой чая?

Людмила Алексеева:

— Вот вам, голубчики, вы видите?! Они-то стараются нас лишить информации, а она из Калужской области мне задает вопрос о встрече. Ничего не подделаешь, она о ней знает. Так кому выгоднее эти электронные средства — власти или обществу?

Я уже сказала, что горжусь правозащитным сообществом, и не потому только, что я к нему принадлежу, а потому что во всероссийском мас-

штабе мы организовались первые. И в отличие от власти, от бизнеса, от политических партий у нас нет интриг, никакого подсиживания. Мы все пашем, как «папы Карлы», и помогаем друг другу, разве не правда? Абсолютная правда! Никакого авторитаризма, подавления Москвой провинций — мы все стараемся работать вместе. Это прекрасное сообщество, но именно потому, что оно прекрасно, я не рассчитываю на то, что оно сильно вырастет. Правозащитное движение появилось у нас в середине 60-х, двадцать пять лет отпахали при советской власти. И все уже знают, что есть правозащитные сообщества, кто хотел в них придти — давно пришел. Профессионально работающие активисты, люди не молодые. Но я не боюсь, что наше сообщество выйдет на пенсию и кончится на этом, потому что есть молодежные движения, они пополняются, и сейчас уже процентов на шестьдесят в регионах правозащитными организациями руководят сравнительно молодые люди, в основном это юристы, или журналисты, или социологи. И смена поколений, конечно, произойдет, но я думаю, что и при новом поколении оно останется примерно в тех же масштабах. Поэтому я вижу главную задачу правозащитного движения не только в том, чтобы оно защищало каждого гражданина от власти и чиновников, если они нарушают его права, а чтобы мы нашли в себе силы и понимание необходимости поддерживать растущие социальные движения. Потому что само правозащитное сообщество, как показало время, не смогло отстоять большую часть конституционных прав, нас оказалось слишком мало, а эти люди бьются за свои социальные права. Самое главное — научиться защищать свои права и добиваться, чтобы власти считались с гражданами, тогда будут уважаться все права, в том числе и политические, гражданские. Так что главная наша задача — поддержка социальных движений и тех, кто в них работает, в этом будущее нашего гражданского общества. Обязанность правозащитников, у которых есть уже и офисы, и финансирование, и связи в средствах массовой информации, за рубежом, во власти, где хотите, состоит в том, чтобы мы передавали им свой накопленный опыт.

Ответ на второй вопрос: не преувеличивайте, но и не преуменьшайте желания и возможности наших оппозиционных политических партий. Получилось это совершенно случайно. Просто год назад мне стукнуло семьдесят лет, и перед тем, как это произошло, один мой друг, Арсений Рогинский, спросил меня: «Вы что больше всего любите? Пить? Песни петь? Плясать?». Я говорю: «Да нет, уже ни то, ни другое, ни третье, больше всего я люблю слушать умных людей, когда они говорят на интересные меня темы». «А какая тема вас интересует?». Я ответила: «А вот как Шевчук поет: “Что же будет с родиной и с нами?”. Он говорит: «Так позовите на свой день рождения умных людей, пусть они поговорят об этом, а только потом за столы, пить, гулять, танцевать и петь».

Так мы и сделали, было очень интересно! Пришло много людей, включая Егора Тимуровича Гайдара, ну и, конечно, Лена Немировская с Юрой Сенокосовым. Были главы наших политических партий. Это было в июле прошлого года. Год прошел, и я подумала, не собираюсь же я по этому случаю — на свой семьдесят один год — такой же сабантуй устраивать, и пригласила домой на ужин несколько человек из тех, кто тогда интересно выступал: Михаил Михайлович Касьянов, Никита Юрьевич Белых,

Владимир Александрович Рыжков, пригласила Сергея Сергеевича Митрохина. Он тоже был на дне рождения. Произошло нечто необыкновенное: в “Яблоке” сменился лидер, и мне было это интересно. Я решила, кто придет, тот придет. Пришли все. Причем я всем говорила, что собираюсь пригласить того-то и того-то. «А! Прекрасно! Очень интересно! Замечательные люди», — отвечали они. Ну а дальше я подкладывала им в тарелки еду и слушала. Говорили они и об объединении, но договорились до того, что никакая коалиция или партия невозможны. Касьянов сказал: «Ну, я понимаю, что это невозможно, но, может быть, мы научимся хотя бы обмениваться друг с другом информацией о наших предстоящих действиях, чтобы не мешать друг другу, не пакостить».

Рыжков — умница, обращаясь к Митрохину, тоже несколько раз повторил: «Слушайте, хватит поминать 90-е годы. Ну, прошла приватизация. Да, тогда было много ошибок, а теперь давайте вместе поговорим о том, как дальше не делать ошибок». «Нет, — говорит Сергей Сергеевич, — у нас значительная часть избирателей очень волнуется по поводу ошибок 90-х годов, мы на эту тему прекратить говорить не можем, ну а насчет информации и чтобы не пакостить друг другу — почему же нет?»

Должна сказать, что если бы вы посмотрели на стол, за которым сидели эти люди, вы бы никогда не подумали, что это лидеры разных партий, враждующих друг с другом. Ничего подобного. Ха-ха, хи-хи, все очень весело, очень по-дружески. Поэтому не надо преувеличивать их противоречия, но и не нужно надеяться на их способность к объединению.

Тимур Халилов, начальник отдела по связям с общественностью межрегионального общественного благотворительного фонда «Общее дело», г. Краснодар:

— У нас в Краснодарском крае существует практика создания общественных советов при органах государственной власти региона. По инициативе снизу — это была гражданская инициатива — при Главном управлении внутренних дел края тоже создали такой совет, в который вошли все генералы, включая и председателя совета. Так как же он себя будет контролировать? Я не понимаю.

Людмила Алексеева:

— Я вам отвечу так: эти общественные советы сейчас как оспа какая-то по стране распространяются. Но это очень важный элемент развития гражданского общества, если в него входят граждане. Например, я вхожу в Общественный совет при московской городской милиции. В него, помимо шести правозащитников, и генералы входят, и я им объясняю: молодежь бить нельзя. Вы знаете, они сначала теряются, а потом говорят: «Да, да, да, нельзя». Ну, может быть, если сто двадцать раз повторить, то перестанут.

Роза Байсултанова, председатель комитета молодежного парламента Чеченской республики:

— Спасибо большое за содержательно выступление, у меня вопрос: что вы думаете про ситуацию в Чеченской республике? Я знаю, что вы зна-

комы с ней не понаслышке. И второе, ваша оценка гражданского общества Чеченской республики.

Людмила Алексеева:

— Что я думаю? Всей нашей стране жилось нелегко уже бог знает с какого времени, но как чеченцам жилось и после 1944-го, и начиная с 1994-1995 года... Должна сказать, у меня нервы железные, я уже сорок лет выслушиваю ежедневно, как бесстыдно и жестоко нарушаются права людей, и если бы они были не железные, я давно бы уже в сумасшедшем доме была. После каждой поездки в Чечню я неделю прихожу в себя. Сейчас в Чечне я бы не сказала, что кончилась война, летом боевики опять появились, несмотря на все уверения, что все уже кончилось. И понятно почему, потому что жить под Кадыровым легче не стало. Похищения людей продолжают. Гражданское общество при Кадырове появилось, но его не слышно, потому что по телевизору вашему и из газет ваших слышно одного Кадырова. Я надеюсь, что это будет не долго. Это не кончится до тех пор, пока в Чечне не наладится нормальная жизнь.

Анастасия Гонтарева, внештатный корреспондент газеты «Университетская жизнь», Республика Кабардино-Балкария:

— На предыдущей сессии мы обсуждали тему «Куда делась утопия?»*, а какие утопии существовали на заре правозащитного движения, и что стало с этими утопиями?

Людмила Алексеева:

— Вы знаете, утопия была в том смысле, что мы требовали невозможного, мы требовали от режима, чтобы он соблюдал права человека. Помню, как мой младший сын, который учился тогда в десятом классе, сказал мне: «Мама, ты антисоветчица». А я говорю: «Нет, не антисоветчица, я не против советской власти, пускай она будет, я только требую, чтобы она соблюдала права человека». «Мама, но ведь она не может соблюдать права человека, она же рухнет». А я сказала: «Это ее проблемы». У нас даже был такой тост, мы же не только самиздат печатали и не только на демонстрации ходили, нормальная жизнь тоже была. Тост такой, один из тостов: «Будем реалистами, будем требовать невозможного». Мы требовали невозможного, чтобы советская власть соблюдала права человека. Двадцать пять лет мы этого требовали, и в этом смысле это, конечно, была утопия, но оказалось, что это невозможно, потому что та Конституция, которую приняли в нашей стране в 1993 году, написана так, как если бы мы ее писали в самиздате. Но Конституция, к сожалению, на бумаге, а в жизни у нас совсем другое. Так вот, задачи не только правозащитного движения, но всего гражданского общества, любого гражданина, который хочет для страны и для себя лично добра и нормальной жизни, состоят в том, чтобы Конституция стала выполняться. Это займет примерно такой же исторический период, какой заняла борьба за Конституцию — двадцать пять лет. Пятнадцать из них мы уже прожили. Почему я и говорю, что потребуется еще десять, пятнадцать лет, от всех вас это тоже зависит. Утопия? Ничего подобного! Если на Западе люди соблюдают законы, то я не считаю, что мы хуже их, господа!

Артур Майсс, консультант межрегиональной общественной благотворительной организации Дальневосточный ресурсный центр «Инициативная сеть активистов региона», г. Владивосток:

— Я не ветеран правозащитного движения, но уже 10 лет работаю в некоммерческом секторе. В основном мы пытаемся защищать экологические проекты на Дальнем Востоке. Но в последнее время, после того как зарубежная поддержка начала менять свою структуру, встала очень остро проблема финансирования некоммерческих организаций. Я хотел услышать ваше мнение по этому поводу. Как вы думаете, насколько эффективным является такой инструмент, как конкурсные гранты, распределяемые Общественной палатой? Уже третий конкурс объявлен, каковы перспективы этого дела?

Людмила Алексеева:

— Одно могу сказать, три года назад в первом конкурсе Московская Хельсинкская группа попробовала принять участие, но увидела, что там

* См. 137 стр. в настоящем номере журнала.

правозащитникам делать нечего, не было для нас соответствующей графы. А на следующий год мы получили грант на открытие общественной приемной. И я пошла на это сознательно, потому что мне надоело, что нас без конца поносят в средствах массовой информации, что мы живем на западные деньги. Теперь у нас и президентские деньги есть, работает общественная приемная. Сейчас мы тоже подали заявку на новый грант, причем включили в нее не только приемную, но и мониторинг судебной системы с помощью наших партнерских организаций в регионах для продвижения независимости судебной власти.

Достаточно этого или нет? Это крохи. Для развития гражданского общества даже такого, какое оно у нас сейчас, недостаточно. А уж для его роста тем более. Но мы ведь не должны получать все деньги только от президента. В каждой нормальной стране существуют благотворительные фонды, и в России богатых людей теперь даже больше, чем в большинстве стран мира. Должна сказать к чести нашего бизнеса, что он уже вполне созрел ментально, чтобы помогать гражданскому обществу, для этого у нас достаточно богатых и разумных людей, но у них есть совершенно реальные основания бояться этого. До тех пор пока в стране не будет независимого бизнеса, у нас не будет отечественного финансирования гражданского общества. Как только такой бизнес появится, такое финансирование нам будет обеспечено. То есть получается так: бизнес не сдвинется, пока гражданское общество не разовьется, а гражданское общество не разовьется, пока бизнес не двинется. Вот этот заколдованный круг и надо каким-то образом пытаться разорвать.

Елена Ковешникова, начальник отдела программных и стратегических разработок Института регионального развития, г. Воронеж:

— Людмила Михайловна, вы сказали, что в нашем гражданском обществе недостаточно связей между секторами. Как можно укрепить эти связи?

Людмила Алексеева:

— Конечно, легче всего это было бы сделать, если бы у нас были независимые СМИ, но где же их взять? В этом и проблема. Ответ на ваш вопрос можно связать с ответом на предыдущий: бизнес будет финансировать гражданское общество, когда увидит его полезность для себя, что оно способно помочь ему освободиться от зависимости от власти. На мой взгляд, бизнесмены мечтают о независимости гораздо больше, чем правозащитники. Мы уже освободились, чего нам? Как говорится, нищий, но свободный, а они, бедняжки... Подумайте о наших бизнесменах: в России ведь уже давно нет людей, которые получили бы свои состояния по наследству, законно. Многие из них, как говорят на Западе, сделали себя сами. И им присуще самоуважение. И каково это человеку с его самоуважением стоять перед каким-то фээсбэшником только потому, что если тот где-то кому-то шепнет, то бизнес полетит вверх тормашками. И он боится, его можно понять. Но я уже сказала, что именно от поддержки социальных движений зависит сегодня укрепление нашего гражданского общества. И когда это станет заметнее, бизнес будет нам помогать.

Зарета Осмаева, заместитель главного редактора «Объединенная газета», «Моя газета», Чеченская республика:

— Людмила Михайловна, представьте себе, завтра вы проснулись и с правами в России все хорошо. Чем вы займетесь?

Людмила Алексеева:

— Что с правами все хорошо, нельзя увидеть, проснувшись, это увидеть можно только во сне. Нет такой страны, где бы ни стоял вопрос о конфликтах между обществом и властью. Я волею судьбы вместо того, чтобы отсидеть в лагере, мне полагалось семь лет лагеря и пять лет ссылки, тринадцать лет провела в эмиграции, в Америке. Не могу сказать, что я хорошо знаю американское общество, но все-таки за тринадцать лет что-то увидела. Так вот, сначала я прямо умирала от зависти, как у них все здорово с демократией. А потом представила себе такую картину, что какой-то злой волшебник, все оставив по-прежнему, включая Конституцию, на полгода усыпил бы все (а их тысячи) гражданские организации. Уверяю вас, через год, если не быстрее, бюрократы в США стали бы такими же хамами и хапугами, как наши. Бюрократы в Америке ничуть не лучше, но общество не позволяет! Поэтому, чтобы я проснулась, а с правами человека все было хорошо, так ни у меня, ни у вас не получится. Права человека это то, что надо каждый день и час отвоевывать у государства и защищать. И так в каждой стране.

Нодари Дараселия, сотрудник Центра политических исследований, г. Тбилиси:

— Я хотел спросить о вашем визите в Киев, если можно, в двух словах.

Людмила Алексеева:

— Вот смотрите, опять, казалось бы, независимых СМИ нет, а все всё знают. Ведь я ничего никому рассказывала.

Михаил Соколов, партнер PR-агентства «Content» UA, Украина:

— О Киеве и о роли гражданского общества в СНГ.

Людмила Алексеева:

— Что касается гражданского общества в СНГ. Совсем недавно мы были одной страной, до 1991 года. Немного времени прошло. И хотя ситуация в разных странах разная, проблемы у нас одни и те же, и мы чувствуем необходимость объединения и совместных действий. Поэтому в Киеве 19–20 июля состоялась конференция, на которую собрались руководители влиятельных общественных организаций из бывших республик Советского Союза. Из Грузии, к сожалению, на этой конференции никого не было.

Почему в Киеве? У них свободнее всего. Увы, они нас обскакали. Сколько мы ни ездили, ни ходили по киевским улицам, ни одного мента я не видела, и тем не менее на улицах порядок. А собрались мы, как я уже сказала, потому, что у нас есть общие проблемы и мы должны помогать друг другу. У нас есть почва для объединения, для этого мы и собрались в Киеве.

Заметки с семинара

Д а простят меня за это сравнение, но семинары Московской школы политических исследований больше всего напоминают мне настоящее европейское кино. Объясню, почему. Европейское кино уникально своей многогранностью, многоаспектностью и совершенно особой интонацией.

Я, конечно же, имею в виду лишь условное понятие как «европейского», так и «американского кино». Говоря об условном американском кино, подразумеваю те фильмы, что признаны развлекать, отвлекать и увлекать сюжетом и спецэффектами, но никак не беречь душу. Сегодня в России тоже снимается такое кино, правда, пока лишь в единичных экземплярах, до поточного производства дело пока не дошло. И в русском, и в американском, да и в европейском варианте (кассовое кино снимают сегодня везде) — это, безусловно, имеющий право на жизнь продукт, созданный настоящими профессионалами. Он не заслуживает оскорблений и поругания. Этот продукт прекрасно воспринимается после трудового дня, когда можно удобно расположиться на диване после ужина. Такие фильмы напоминают фастфуд — очень помогает утолить голод, но не доставляет истинного наслаждения.

В отличие от пользующегося всемирным спросом массового американского кино европейское интеллектуальное кино, созданное большими режиссерами, массовым никогда не было и, очевидно, не будет.

Главное, почему я рискнула применить кинематографическую метафору — настоящее кино является продуктом исключительно авторским. Вы никогда не перепутаете Бергмана с Вайдой, Бертолуччи с Годаром, Антониони с Тарковским. Эти мастера вели свою личную, авторскую дискуссию с миром, впрочем, возможно, они создавали свой мир.

Так и Школа, являясь исключительно авторским произведением, обладая уникальной, неповторимой интонацией и многогранностью, влияет на каждого из тех, кто на несколько дней погружается в атмосферу семинара. Я оказалась летом 2008 года на федеральном семинаре впервые, хотя много слышала о Московской школе. Рассказывать об этих семинарах трудно. Вот и мне не удалось. Потому что рассказ об

*Алиса Лисицына,
выпускница Школы 2008 года*

одном или нескольких экспертах, о том, что они говорили, не передаст ни общей картины, ни атмосферы, ни того, как каждый из слушателей воспринял семинар. Вряд ли тот, кто не был на семинаре, сможет понять, почему я, прямо скажем, слабо разбираясь в экономике, была поражена тем, что говорил Егор Гайдар. Его отношением к своей стране. Увы, но применить к нему залапанное и заляпанное грязью слово «патриот» я не могу. А жаль. Или как передать выступления российских экспертов о проблемах модернизации, сэра Родрика Брэйтвейта, рассказывавшего нам о том, почему он пишет книги о России. Выступление баронессы Ширли Вильямс — о выборах в США, Людмилы Алексеевой — о власти и обществе в России, мастер-класс парламентских дебатов, который преподал всем сэр Родерик Лайн, Алессандро Скафи, рассуждавшего вместе со слушателями о том, «куда делась утопия», — блистательные сессии других экспертов Школы, ставшие фрагментами единого полотна, авторской картины.

При всем многообразии тем, обсуждавшихся на федеральном семинаре в Голицыно, нельзя не отметить, что есть

вопросы, которые поднимались наиболее часто. Один эксперт как бы продолжал выступление другого, иногда высказывая свое мнение, иногда соглашаясь с коллегой. А слушатели Школы, задавая вопросы, участвуя в дискуссии, получали уникальную возможность представить себе, сколь широк диапазон экспертных оценок по различным проблемам, насколько разные прогнозы могут даваться по одной теме. В результате во время дискуссий создавалась многомерная картина, анализировать которую предстоит еще долго.

Жаль, что к этому ощущению, созданному Школой, не вернуться в полной мере. Не пересмотреть эту многогранную картину от начала до конца. Вот если бы можно было вновь посмотреть сессии...

И последнее. Семинары Московской школы по-своему академичны, и я бы даже рискнула сказать — в чем-то старомодны. Не гнаться за конъюнктурой, но успевать за стремительно меняющимся миром, как бы поспешать не спеша — это сегодня могут позволить себе немногие. Но именно так живет Школа. Она учит оставаться самой собой, идя в ногу со временем. Это не так-то просто в наши дни.

Сценарий модернизации

Речь пойдет о концепции долгосрочного развития России и российской экономики «2020», которая была разработана экспертами министерства, других государственных ведомств, а также с участием достаточно широкого круга привлеченных специалистов.

Рождение этого документа не было простым. Жанр и процесс создания подобных программ, тем более долгосрочных, очень специфичны. Они связаны обычно с какими-то политическими циклами или событиями. Подходит время выборов или во власти что-то меняется — садятся писать новые программы. Последней долгосрочной программой, как мы помним, была программа Грефа в 2000 году. История нашей Концепции иная. Ее начали готовить примерно полтора года назад, исходя исключительно из практических соображений, то есть потому, что, как пошутил один мой приятель, нет ничего более тактического, чем хорошая стратегия.

Не могу сказать, что у нас получилась хорошая стратегия, но в чем была непосредственная причина рождения Концепции? Российская экономика и система управления ею, да и страной в целом, подошли к рубежу, когда мы **вынуждены принимать долгосрочные программы, с далеким горизонтом последствий**. В качестве примера можно привести положение в энергетическом комплексе. РАО ЕЭС, перед тем как умереть в прошлом году, вынудило, по сути, правительство одобрить так называемую генеральную схему размещения объектов электроэнергетики уже в нынешнем году. И это не просто некая бумага, а целая система договорных отношений с инвесторами, с управляющими компаниями, что обязывает их делать инвестиции на восемь, на десять лет. С этой генеральной схемой увязывается и принятие законодательных актов о том, как регулировать рынок электроэнергии в условиях, когда РАО ЕЭС больше не существует. То есть это целая система решений долгосрочного действия. Но, принимая их в сфере энергетики, мы, конечно, не знаем, что будет со страной в целом: сколько нужно генерирующих мощностей, сколько электроэнергии, столько ли, сколько РАО в эту генеральную схему «за-

*Андрей Кленач,
заместитель министра
экономического развития
и торговли РФ*

было». Одна из практических проблем была связана с тем, что мы считали: нужно меньше объектов, поскольку меньше будет спрос на электроэнергию.

С другой программой, которая называется «Развитие железных дорог» и которая должна действовать до тридцатого года, та же картина. Там куча проектов, в том числе и те, которые обсуждались еще до революции или, во всяком случае, где-то на рубеже двадцатых годов прошлого века. Подобных примеров много, жизнь ставит вопросы, которые требуют видеть очень далекие горизонты, даже не планирования, а именно стратегического управления или принятия решений с учетом их видения.

С другой стороны, многие регионы в силу разных причин — это стало модно и есть обязывающие к тому документы — начали разрабатывать свои концепции, стратегии развития, скажем, Красноярского края, Томской области. Но как эти концепции стыкуются друг с другом, какая картина развития страны возникает в целом? Мы не знаем. Более того, из регионов, где разрабатываются свои концепции, обращаются к нам с вопросом: а как Россия в целом развиваться будет? Во многих случаях ответить мы не можем или отвечаем только по каким-то частным вопросам. Поэтому «Концепция-2020» — это не реакция на смену политических циклов, а ответ на вызовы, требования жизни и запросы со стороны политических и хозяйствующих субъектов.

Концепция задумывалась именно как один из документов в комплексе стратегических решений, а точнее в качестве идейно-политического документа, в котором сформулированы ключевые задачи, ключевые ориентиры, и где мы более или менее ясно определяем, на чем сосредоточить основные усилия, а от чего можем пока отказаться. И наряду с этим принимается план действий на четыре года. Что же касается долгосрочного прогноза развития России до двадцатого года, а по отдельным параметрам — до тридцатого, то в нем содержатся экономические обоснования, которые увязывают вместе развитие энергетики, транспорта, пенсионной системы... Чтобы понять, как ее реформировать, нужно иметь хоть какие-то обосновывающие расчеты, выходящие за пределы нынешнего бюджетного цикла — 2009–2011 годов, и представление об основных проблемах и вызовах, которые нас ожидают позже.

Таким образом, Концепция — это, во-первых, один из конкретных документов и программных предназначений для России. Во-вторых, за полтора года межведомственной проработки она получила и определенный политический импульс, после того как Путин, потом Медведев сформулировали ключевые установки, которые стали, по сути, идеологемами и в политической жизни, и в экономической. Иногда нам в министерстве бывает нелегко, потому что, попав наверх и вернувшись к нам, эти установки очерчивают круг наших возможностей, обязанностей, ограничений, за пределы которых уже трудно выйти. Тем не менее политическое решение уже есть. Власть осознала, что **стране нужен некоторый образ будущего**, а не просто программа. Ведь ни одна страна, и Россия тем более, не может жить без некой сверхидеи. Станет ли таковой наша Концепция? В какой-то части — да: так или иначе определено, какой мы хотим видеть Россию к двадцатому году.

Концепция есть на сайте министерства. Каждый может ее посмотреть, и мы будем благодарны за любые предложения. Мы рассматриваем Концепцию не как министерский и даже не как правительственный документ, а как предложение для общественного диалога. Потому что какую бы хорошую бумагу мы ни сочинили, без общественного обсуждения, без того чтобы названные в ней приоритеты стали действительно приоритетами элиты и общества, ничего не изменится. Это документ общественный, и планируется, что он будет проходить ряд общественных обсуждений, в том числе — с бизнес-сообществом.

Теперь коротко о самой Концепции. В чем ее амбиция? В том, что мы пытаемся поставить задачу, чтобы Россия стала одним из экономических лидеров XXI века, оценить, насколько это достижимо с точки зрения экономики. Причем не ставится задача превзойти по ВВП Китай. Он у нас сейчас, если мне не изменяет память, раза в три с половиной или четыре меньше, и разрыв этот, по нашим расчетам, будет возрастать. А вот с точки зрения стандартов жизни, эффективности экономики страна, мы считаем, может стать одним из лидеров в мире.

Понятно, что ключевой момент — достойный уровень жизни, благосостояние людей. Что за этим стоит, я скажу чуть дальше. Это и новое позиционирование в мировой экономике, то есть вхождение в пятерку стран-лидеров. Может, иногда эта задача кажется взятой с потолка, но напомним, что мы сейчас по объему экономики, рассчитанному по паритету покупательной способности (не по номинальному ВВП), уже находимся в семерке. Цифры, конечно, меняются, но ведь это уникальная вещь, что за один год мы обогнали по этому показателю Великобританию, а после пятнадцатого-восемнадцатого годов обгоним и Германию. Будем уступать США, Японии, Индии и Китаю.

У качества жизни измерений очень много, я остановлюсь на самых общих. Если брать доход на душу населения, то сейчас он составляет 13 тысяч долларов по паритету покупательной способности. Предполагается, что мы выйдем к двадцатому году примерно на 30–31 тысячу. Это вполне реальные цифры, если экономика будет расти примерно на 6,5% в год. Но уровень материального достатка отнюдь не исчерпывает представления о качестве жизни. Один из важнейших критериев качества — средняя ее продолжительность. Мы, к сожалению, относимся к странам, в которых средняя продолжительность жизни крайне низкая, особенно у мужской части населения. Задача довести ее до 72–75 лет, по нашим оценкам, реальна. Это предполагает не только существенное снижение младенческой смертности, которая зависит от уровня здравоохранения, но и изменение образа жизни людей в трудоспособном возрасте.

Следующий момент — изменение социальной структуры общества. Сейчас, если брать те оценки, которые приняты среди экспертов, у нас средний класс (имеется в виду уровень доходов на душу населения, который должен быть в шесть и более раз выше, чем прожиточный минимум, высшее или среднее образование, машина, ряд других параметров) составляет от 20 до 26% населения. Наш анализ показывает, что при реализации сценария развития страны эта доля к двадцатому году может достигнуть примерно 50 с лишним процентов.

Пол Бюри. Сфера на цилиндре. 1969

Инновационное лидерство — это уже экономическое измерение. Понятно, что сейчас Россия на мировых рынках представлена нефтью, газом, металлами, удобрениями. В каком-то смысле это наше ресурсное проклятие, от которого надо избавляться. Ставка при этом делается на научный и технический потенциал, который был создан за советские годы и не до конца развалился, а в каких-то областях даже начинает возрождаться. Модель, которая рассматривается в Концепции, ориентирована на реорганизацию этого потенциала с тем, чтобы эффективность, отдача от нашей Академии наук, институтов, инжиниринговых фирм, исследовательских центров при корпорациях, малого инновационного бизнеса возросла многократно. Левши у нас есть и сейчас, но мы не в состоянии массово производить конкурентоспособные разработки, на рынках высокотехнологичной продукции, программного обеспечения, ноу-хау мы присутствуем крайне слабо. Однако реально как минимум в восьми-десяти нишах, которые относятся именно к наукоемким сферам, мы можем занимать достаточно значимые позиции — от 5 до 10%, а в чем-то и до 20% мирового рынка.

Эффективность экономики. Прогнозы и оценки, которые у нас приводятся, предполагают рост к 2020 году производительности труда примерно в 2,5–2,6 раза. Это огромнейшая задача для страны, потому что это означает, что каждый год нужно повышать производительность на 7–7,5%. Альтернативы этому нет, потому что население страны в трудоспособном возрасте сокращается. При этом в ряде секторов производительность может быть повышена в 3,5–5 и более раз. То есть если мы возьмем, допустим, автомобилестроение, то сегодня у нас производится на Автовазе примерно одиннадцать машин в год на одного работника завода, а реально семь, смотря как считать, тогда как Европейский стандарт — тридцать с лишним машин. Следовательно, чтобы изменить ситуацию, нужен переворот в организации производства, в менеджменте, в инвестициях — это другая организация производства, другая культура.

Хотел бы обратить внимание на энергоемкость экономики. Наши прогнозы строятся на возможности роста добычи нефти и газа до 2020 года, но экспорт нефти будет расти примерно до 2015 года, а дальше наращивать его будет достаточно сложно. Обеспечить рост экономики, чтобы достичь 30 тысяч долларов доходов на душу населения, можно только в том случае, если энергоемкость, то есть затраты энергии, на единицу ВВП сократится примерно в 1,8–2 раза. Мы должны по этому показателю выйти на уровень примерно нынешней Канады. Это очень сложная задача.

Вместе с тем развитие неотделимо от энергопотребления, которое считается одним из показателей экономического потенциала, разумеется, с учетом эффективности использования энергии. России нужно пройти достаточно длительный путь пока потребление энергии вообще и электроэнергии, например, в домашнем хозяйстве будет расти даже с учетом того, что у нас огромные избыточные затраты. Стандарты европейской жизни означают намного более высокий, чем у нас, уровень потребления энергии в домашних хозяйствах, что свидетельствует о

большей их оснащенности бытовой техникой. При этом эффективность энергопотребления в России, как я говорил, намного ниже, чем в развитых странах. Очевидно: что бы мы ни говорили про наукоемкие производства и про энергосбережение, энергосырьевой сектор остается ключевым для российской экономики. Мы, так или иначе, являемся энергетической сверхдержавой и будем оставаться ею еще достаточно долгое время. Не только до двадцатого года, но, по нашим оценкам, до тридцатого как минимум. Другое дело, что мировая энергетика, и наша тоже, находится в настоящее время в преддверии очень существенных изменений в структуре энергоисточников.

Российская проблема в том, что для добычи нефти и газа в тех объемах, которые мы предполагаем, нам нужно осваивать шельф, принципиально иные технологии. Поэтому требуется инновационный технологический рывок в энергетическом секторе. Остро стоит также и вопрос развития атомной энергетики. Здесь известны экологические требования и риски. Но обеспечить то развитие энергетики, которое мы планируем и которое хоть как-то экономически обоснованно, без опережающего роста атомной энергетики невозможно.

Однако проблема не только в структуре, в технологиях производства энергоносителей, а в том, что будет формироваться, по-видимому, другая система отношений на мировых энергетических рынках, в первую очередь по газу, хотя и по нефти тоже. Если раньше Россия мало влияла на их состояние, потому что по нефти главный игрок — ОПЕК, по газу — другие игроки, то теперь она будет становиться одним из ключевых игроков. И для Европы, и для мировой энергетики в целом Россия объективно, в силу своего положения на рынке углеводородного сырья, а также в силу того, что меняется поведение других независимых экспортеров нефти и газа, начинает оказывать существенное влияние на принятие решений. Это пока мало кому нравится, и не все у нас получается, но несомненно, что правила функционирования мирового энергетического рынка будут меняться и, видимо, даже очень быстро.

Коротко о транспорте. С 2015 года и дальше перемены в этой сфере будут менять пространственный образ России. Мы формируем сеть путей, которая обходит Москву и распутывает этот узел в центре России, возникает система скоростных железнодорожных и автомагистралей, существенно повышается средняя скорость движения по ним. Это означает другой образ жизни в старых российских городах — Твери, Воронеже, Нижнем Новгороде... Если время в пути между ними и Москвой будет час-полтора или меньше, это означает, что там будет совершенно другая система поездок людей к месту работы, распределения бизнеса. Это другая картина всей Центральной России. Поэтому, когда мы говорим о пространственном развитии, то имеем в виду не столько Дальний Восток и Забайкалье, то есть геополитические регионы. На наш взгляд, большого прорыва там достичь сложно. Дай бог, чтобы удалось поднять темпы роста, уровень жизни, то есть нормализовать ту экономику, которая там есть. С точки зрения изменения ситуации в целом в стране самый большой потенциал имеется именно в центральных российских регионах, а также в Поволжье и на Урале.

Это регион, куда двигалась российская экономика с конца войны, там возникли крупные промышленные центры. Сейчас эта зона отстает в своем развитии, если смотреть на темпы роста. Но здесь же сосредоточен уникальный человеческий потенциал, наиболее пригодный для инновационной экономики, связанной с высокими технологиями. Если сейчас у нас лидерами регионального роста являются Москва, Питер, ну и, соответственно, Московская и Ленинградская области, а разрыв между ними и всей остальной страной нарастает, то Концепция ориентируется на то, что на рубеже 2013–2015 годов нам удастся создать новые очаги развития, связанного именно с инновационной экономикой в Поволжье, на Урале, в Томске, Новосибирске.

Реальность жизни такова, что мы становимся одним из центров мировых экономических сил. И не только благодаря нефти и газу, но и благодаря своему геополитическому положению, своей вовлеченности в очень многие экономические и политические процессы и в Центральной Азии, и на Дальнем Востоке, и в Европе. Модель, которая у нас преобладала раньше, в том числе в концепции Грефа, это все-таки модель евроинтеграции. Сейчас мы находимся на рубеже, когда, с одной стороны, европейский выбор России не оспаривается, есть соответствующая система договоренностей и решений, есть «дорожные карты» с Евросоюзом. Но реальность состоит в том, что глубокой экономической интеграции с Евросоюзом у нас не будет. И это не потому, что мы чего-то не хотим, а потому что нас не хотят. Есть реальность конкуренции, есть реальность тех проблем, которые накопились в Евросоюзе, есть огромнейшие проблемы, связанные с самоопределением ряда стран Прибалтики, Украины, других государств, которые ставят очень жесткие барьеры для дальнейшей интеграции России в еврозону. Соответственно возникает вопрос: какие альтернативные варианты мы можем выбирать?

Реальность такова, что если мы посмотрим на те решения, которые принимались по формированию таможенного союза, по активизации договоренностей в рамках ЕврАзЭС, Россия заявила себя одним из лидеров на евразийском пространстве. Это очень серьезный выбор, потому что за ним следуют не только политические решения, но и другой формат торговли, другие формат и режим инвестиций. Это в перспективе достаточно существенные затраты на совместные проекты, а возможно, и на определенную систему межрегиональных трансфертов, которые пока здесь отсутствуют, но которые действуют в рамках Евросоюза. Подчеркиваю, что этот выбор произошел, и в Концепции мы его отражаем вполне сознательно.

И последнее. В Концепции отражены очень многие институциональные параметры, которые влияют на то, какой инвестиционный климат у нас установится, насколько будет реализовываться свобода предпринимательства. Насколько вообще вся экономика станет строиться не сверху, потому что это невозможно, но снизу, через инициативу компаний, регионов, граждан. Поэтому Концепция подразумевает развитие институтов гражданского общества, политической демократии, необходимость реформирования судебной системы, обеспечения как личной безопасности граждан, так и в целом национальной безопасности, учитывая те вызовы, которые есть в мире.

*Руслан Гринберг,
директор Института
экономики РАН,
член-корреспондент РАН*

О российской трансформации

Сегодня понятие «модернизация» стало ключевым, и, на мой взгляд, поэтому его содержание заслуживает серьезного внимания, учитывая, что стратегия модернизации России уже разработана.

Остановлюсь на особенностях двух школ мышления, которые конкурируют в сегодняшней России в плане модернизации страны и облагораживания ее экономики. Сразу замечу, что я отношусь к той школе, которая в меньшинстве, но, тем не менее, думаю, полезно знать, что предлагают «альтернативные граждане», тоже думающие о судьбах России.

Когда Горбачев стал руководителем страны, то, конечно, не совсем было ясно, что он будет делать. Но никто не мог себе представить, что он пойдет так далеко. На самом деле он выбрал три цели, и можно считать, что уже двадцать лет речь идет именно об этих целях: гражданское общество, плюралистическая демократия и социальное рыночное хозяйство. Однако что мы имеем в действительности? Через двадцать лет гражданское общество — в зародыше. Очень велики проблемы с плюралистической демократией и социальным рыночным хозяйством. Сказал бы так: в Советском Союзе была нерыночная социальная экономика, теперь у нас рыночная асоциальная экономика. Попробую это пояснить.

Несмотря на все свирепости и несовершенство советской власти, ей все же удалось создать некий средний класс. Не очень богатый по стандартам Запада, но все-таки он существовал. Когда объявили перестройку, трудно было себе представить, что он может исчезнуть, поскольку основной мир на протяжении XX века шел к социальному капитализму, где классовое общество было, в общем-то, инвариантом для всех государств, но благодаря соревнованию двух систем, как ни парадоксально, во второй половине двадцатого века в СССР было создано бесклассовое неантогонистическое общество. Об этом мало говорят, но в моем представлении это самое удивительное достижение человечества за последнюю тысячу лет.

Тем не менее мы должны понимать, что цель перестройки подразумевала улучшение жизни во всех ее ас-

пектах. Для людей, которые голосовали и за Горбачева, и за Ельцина, было совершенно очевидно, что мы нуждаемся в переменмах. Мы все хотели свободы, все хотели избавиться от унижительного положения в то время. Была ясная установка на то, что реформы — это хорошо. Правда, должно быть еще лучше. И, конечно, никто не мог представить себе, что в результате тех изменений, которые произошли в конце 80-х и в 90-е годы в развитом государстве вновь возникнет классовое общество. В моем представлении это самое большое поражение реформ. Я не хочу сказать, что это единственный результат, потому что есть очень много положительного, не буду на этом останавливаться, но степень расслоения, уровень неравенства в России ошеломляюще, трудно было себе представить, что по этим показателям мы превысим латиноамериканские страны.

Недавно мне удалось выиграть тендер на разработку социально-экономической стратегии Москвы. В результате анализа ситуации в столице мы пришли к выводу, что разрыв между десятипроцентными группами населения с наименьшими и наибольшими денежными доходами, так называемый коэффициент фондов, огромный. Между тем Москва самый благополучный город России.

Сегодня, несмотря на экономические успехи последних восьми лет, плодами экономического роста пользуются далеко не все. Установка власти — добиться формирования среднего класса очень правильная, но на деле, по разным замерам, мы видим, что у трети населения доходы на человека в семье меньше 7000 рублей, и это при теперешней инфляции! Если вернуться к проблеме модернизации, о которой я начал говорить, то такое социальное неравенство играет решающую роль при выборе ее путей.

Напомню еще о проблемах, на мой взгляд, просто «кричащих», поскольку

это значимо для сравнения разных школ. И так, первая — это социальное неравенство, просто дикое для цивилизованной страны. Вторая проблема — примитивизация экономики за последние двадцать лет. Я имею в виду, что структура экономики становится более упрощенной по сравнению с советским периодом. Горбачев, надо сказать, больше всего был озабочен именно этим обстоятельством. Свидетельство этого — озабоченность перспективами научно-технического прогресса, посвященные этой проблеме многочисленные партийные пленумы и прочее. У нас был все же не Китай, но тогда трудно было представить, что через двадцать лет реформа экономика страны станет еще более примитивной: сейчас она зависит от полутора десятка товаров — топливно-сырьевых.

Третья проблема — тотальное поражение социальной сферы. Это, конечно, связано с первой проблемой, с неравенством, но тем не менее, когда в конце 1980-х годов на разных конференциях в Центральной и Восточной Европе мы встречались с нашими друзьями, теперь бывшими, с поляками, чехами, венграми, они говорили, что когда у нас начнутся реформы, они пойдут намного легче, чем, например, в Латинской Америке или в Турции. Почему они так считали? Потому что была твердая уверенность: социалистической системе удалось создать четыре сферы общежития, которые позволят смягчить переход от административно-командной экономики к рыночной, — наука, культура, образование и здравоохранение. И даже теперь, скажем, кубинское здравоохранение ставится в пример другим, несмотря на нищету в этой стране.

Считалось, что именно эти четыре сферы смягчат потенциально тяжелый переход к рыночному хозяйству. Почему тяжелый? Потому что предполагалось, что реформы устранят избыточное ра-

венство. Это уже болезненно. Но никто не предполагал, что это приведет к избыточному неравенству. Те самые четыре сферы никого не спасли, они оказались разрушенными. В разных странах в разной степени. Например, в Венгрии, Чехии, Польше, Словакии действовали прагматически: государственная машина не была разрушена, она была реформирована. Им удалось как-то более или менее безболезненно перейти к новой не без положительного влияния на эти страны Европейского союза.

Надо сказать, что в среде «российской интеллигенции» есть такая болезнь, которая на научном языке называется «онтологизация теоретических схем». Попросту говоря, если в 1917 году мы выбрали для реализации самую левую линию во всем идейном наследстве Запада, сделав упор на справедливость и игнорируя свободу, то в конце 1989 года произошло обратное. Был сделан упор на свободу при полном игнорировании справедливости. И теперь — после десятилетия полуанархии в 90-е годы — мы имеем то, что имеем. Теперь у нас принято считать, что главное — это стабильность, экономический рост... хотя только в 2007 году был достигнут уровень валового внутреннего продукта 1989 года. Мне могут сказать, что состав этого ВВП другой, и есть еще разные нюансы, но тем не менее пока это еще только выход на прежний уровень.

А теперь о двух школах. Я не собираюсь предлагать экзотические «рецепты спасения», остановлюсь на предложениях экспертов, которые более или менее реалистично смотрят на ситуацию. Одна группа экспертов считает: для того чтобы решить те проблемы, о которых шла речь, необходимо совершенствовать институты, как бы скучно это ни звучало. Но что это значит? Легко сказать: нужны независимые суды, на-

до заниматься снижением налогового бремени, облегчать вход малого предпринимательства в бизнес, заботиться об образовании. И поскольку государство у нас еще несовершенно, оно должно выполнять меньше функций. Но ведь это было и в 90-е годы, когда господствовала доктрина, в соответствии с которой слабое государство возводилось в ранг объективной закономерности при трансформации, и считалось, что у него должно быть еще меньше функций, чем у стационарных, зрелых экономик.

Соглашаюсь, да, совершенствование институтов необходимо — это правильно, но не очень понятно, как это делать, потому что механизмы, которые нужно для этого использовать, зависят от других обстоятельств. Отвечают: главное попытаться так настроить экономику, чтобы все отдать силам саморегулирования. Если сегодня мы наблюдаем вынужденную экспансию государственных корпораций, то это временное государственное вмешательство. Оно должно быть прекращено, чтобы силы саморегулирования заработали и привели к ситуации, при которой модернизация с незначительным участием государства стала реальностью.

Представители другой школы мышления, к которым я отношу себя, считают, повторяю, что это все правильно. За исключением совершенно ненормальной для сегодняшней России монетизации социальной сферы, когда образование, культура, наука должны быть отданы, пусть даже постепенно, на откуп рынку. В моем представлении это чудовищное упрощение. Мне говорят: хорошо, поддерживаем социальную сферу, но тогда нужно увеличить налоговое бремя? Отвечаю: если сравнивать с другими странами, то оно примерно такое же, как и там, налоги составляют 33–34 % в валовом внутреннем продук-

те. Однако, если государство начнет систематическую активность по модернизации экономики, одновременно оказывая серьезную поддержку образованию, науке, культуре, тогда, конечно, придется отказаться от плоской шкалы налогообложения личных доходов. Перераспределение доходов просто необходимо, чтобы была реализована идея благосостояния и социальной справедливости.

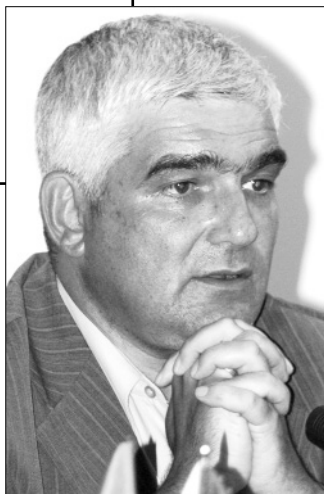
Мне говорят: а разве официальная власть сейчас, поддерживая экономику, создавая те же государственные корпорации, участвуя в управлении материальными активами, не стимулирует развитие науки, культуры, спорта? Те же победы на чемпионатах, победа на Евровидении, будущая олимпиада и так далее. Ведь она фактически реализует идею вашей школы. Что я могу сказать на это? Действительно, в условиях, когда идет процесс огосударствления, мой возглас — усилить государственную активность — выглядит странным. В чем я вижу смысл нашей философии модернизации? Есть государственные корпорации, у страны появились деньги, которые она может направлять на цели облагораживания экономики. Вот есть, например, мои любимые самолеты. В советские времена в стране производили триста самолетов в год, а теперь — семь или восемь. Должны ли мы спокойно смотреть на то, что происходит, и не вмешиваться в рыночные механизмы? В отличие от многих моих друзей, либеральных интеллектуалов, я полностью на стороне правительства, которое решило создать единый государственный концерн по производству самолетов, потому что на мировом рынке с гигантами могут бороться только гиганты. Хочу напомнить, что в

конце 80-х годов были две великие державы в области авиастроения — США и Россия. И сейчас две — США и Европейский союз. Россия исчезла в авиастроении — даже со своего внутренне-

Если в 1917 году мы выбрали для реализации самую левую линию во всем идейном наследстве Запада, сделав упор на справедливость и игнорируя свободу, то в конце 1989 года произошло обратное

го рынка. Проблема заключается в том, каким образом и можно ли вообще это восстановить? И здесь есть опять же два подхода. Говорят, что техническая мощь Советского Союза — это потемкинские деревни. Мол, чем быстрее мы это осознаем, тем лучше. А другие, в том числе и я, убеждают, что не обязательно с водой выплескивать и здоровых детей.

Это очень рискованное дело, когда абсолютно бесконтрольное государство сосредоточивается на благородной, с моей точки зрения, цели — создать концерн, который мог бы конкурировать с остальным миром. Но нельзя не считаться с тем, что пока у нас слабое гражданское общество и общественный контроль минимален. Можно представить, что все деньги будут потрачены, а самолеты не будут производиться. Здесь очень большие риски, но есть и шансы. Если вы боретесь, вы можете проиграть, а если не боретесь — вы уже проиграли. Не мои слова, но в данном случае очень точные. Проблема в том, что государственная активность, конечно, нужна, а контроль над государством, которое эту активность должно проявлять, другая задача. И я отдаю себе отчет в том, что она очень тяжелая.

*Андрей Рябов,
главный редактор журнала
«Мировая экономика
и международные
отношения»*

Две философии, два подхода к модернизации

Проблема модернизации в нашей стране является, на мой взгляд, не только, а может быть, и не столько экономической, сколько политической. Она не сводится лишь к дебатам между разными школами и научными коллективами экономистов, придерживающимися различных взглядов на модели российской экономики, на темпы и методы экономических и социальных реформ. Эта проблематика затрагивает интересы больших групп населения, поэтому она, безусловно, становится очень важной темой в политике.

Чтобы понять, насколько значимой тема модернизации стала для российской политики, достаточно обратить внимание на то, как незаметно, без каких-то особых видимых поводов в течение последнего года произошла смена политической повестки дня. Если в предыдущие 2–3 года в центре дискуссий были вопросы о том, что важнее и полезнее для страны — демократизация или стабильность государства, то теперь постепенно на первый план вышла проблема модернизации. Конечно, дискуссии на тему о демократии и стабильности не утратили значения. Просто проблематика модернизации их отодвинула на второй план.

Существуют десятки, а может быть, даже сотни определений понятия «модернизация». Различия в подходах обусловлены при этом не только взглядами авторов, но и особенностями самого предмета исследования в разных социальных науках — экономике, социологии, политологии. Однако в контексте нашей темы определяющее значение имеет то, как это понятие воспринимается в политическом классе страны. И здесь нужно подчеркнуть, что, несмотря на политико-идеологические различия между разными группами и фракциями властной элиты, партиями, все они понимают под модернизацией примерно одно и то же. Речь идет о необходимости осуществления программы системных преобразований, которые ведут к созданию современного общества, основанного на инновационной экономике, высоких технологиях, знаниях, где ключевыми источниками развития являются человеческий капитал, образование и здраво-

охранение и ведущую роль играют наукоемкие и высокотехнологичные производства. Можно сказать, что вокруг такого понимания в политических, деловых, да и в общественных кругах сложился консенсус. Поэтому, когда мы говорим о модернизации в контексте современной российской политики, то должны исходить из того, что хотя это понятие не совершенно, но оно вполне операционально для обозначения конкретных общественных процессов.

В чем же причина такого незаметного изменения повестки дня? Кстати, один из ярких индикаторов этого изменения — практически полное исчезновение лозунга о России как о великой энергетической державе, который был весьма популярным в политическом лексиконе на протяжении последних лет. Сегодня, если он и употребляется, то очень редко. По-видимому, существуют две основные причины, обусловившие эту смену приоритетов.

Прежде всего, в российских верхах утвердилось понимание того, что стабилизационный период, который продолжался в течение первых лет нового столетия, либо уже завершился в России, как, кстати, и во многих постсоветских государствах, либо близок к завершению. Поэтому объективно возникает вопрос, а что делать дальше? Конечно, здесь может возникнуть вопрос о том, в какой мере можно называть ситуацию в стране стабильной, но это отдельная тема. Важно, что задачи стабилизации, как они понимались в конце 1990-х — начале 2000-х годов, в целом решены. Вместо стабилизации на первое место вышла проблема развития. В каком направлении должно идти это развитие и, самое важное, каким образом, на основании какой политики — эти вопросы стали ключевыми. В них и заключен большой политический смысл. Потому что любые масштабные социально-экономические изменения неизбежно затрагивают, повторю еще раз, интересы самых разных, в том числе и находящихся в состоянии конфликта между собой, общественных групп.

Вторая причина в большей степени связана с проблемами экономического характера. Очевидно, что в XXI столетии рассчитывать на успешность развития, основанного исключительно на эксплуатации и экспорте природных ресурсов, было бы большой ошибкой. Понимание этой истины, не сразу, с трудом, но стало все-таки утверждаться в правящих кругах России. Безусловно, этот процесс еще не завершен, поскольку существуют и другие точки зрения, на которых остановлюсь ниже.

Понимание необходимости развития нашло отражение в разработке Долгосрочной стратегии развития России до 2020 года, которая была утверждена правительством в конце сентября 2008-го. Документ был опубликован еще весной и с самого начала стал объектом интенсивной критики. Именно поэтому для «утряски» спорных моментов потребовалось несколько месяцев. Цели, сформулированные в «Стратегии-2020», ни у кого не вызвали серьезных возражений. Споры возникли вокруг механизмов ее реализации, потому что это проблема не столько экономическая, не столько задача для профессиональных экономистов, хотя, разумеется, в конечном итоге они и будут разрабатывать эти механизмы, сколько политическая. И от выбора механизмов зависит, какие группы будут занимать лидирующие позиции в обществе, а каким придется распрощаться с льготами и привилегиями.

В ходе этих споров проявились два разных видения, две стратегии, можно сказать, две философии модернизации. Одна из них ориентирована на то, чтобы использовать уже имеющийся огромный российский опыт модернизаций, которые в нашей стране всегда были по характеру догоняющими и в которых роль актора преобразований как в экономике, так и в политике, в социальных отношениях традиционно играло авторитарное государство. Применительно к нынешней ситуации это означает, что главным мотором социально-экономических изменений должны стать крупнейшие государственные компании, которые за счет форсированного экспорта ресурсов должны помочь провести технологическое обновление производства в стране, создать накопления, подготовить условия для последующего инновационного рывка. А государство, опираясь на властную вертикаль, имеющиеся достижения в области высоких технологий, должно сыграть решающую роль в осуществлении перехода страны к тем целям, которые сформулированы в «Стратегии-2020».

Другая концепция, иное видение заключаются в том, что к этим целям нужно идти прежде всего через модернизацию государственных институтов, делая их более гибкими в плане способности реагировать на быстро меняющиеся общественные, политические и социально-экономические реалии, и не только российские, но и глобальные. Эта концепция предполагает необходимость вернуться к принципу конкуренции как фундаментальному принципу организации политического, социального и экономического пространств и создать условия для восстановления социальных лифтов вертикальной мобильности, обеспечивающих возможность быстрого продвижения как отдельных индивидов, так и общественных групп по социальной лестнице.

В отношении первой стратегии существует иллюзия, что она может быть легко реализована, поскольку для этого в современной России, мол, есть все необходимые условия: выстроена вертикаль власти, крупные государственные и полугосударственные компании доминируют в ключевых отраслях экономики. А также существует более высокая степень управляемости общественными процессами по сравнению с той, которая существовала в 90-е годы, когда в России более заметную роль играли частные корпорации, а государство было слабым. Согласно этой точке зрения, такие условия позволяют избежать излишних рисков в ходе модернизации.

Однако против этой позиции есть существенные возражения. Так, многие полагают, что такого рода модернизации могут быть успешными при двух важнейших условиях. Первое условие — монополизация экономики. При высоком уровне монополизации существует риск, что средства, полученные для модернизации, будут потрачены неэффективно и уйдут на нужды компаний-монополистов, а не инновации. Второе условие — низкий уровень коррупции. Но этому требованию, в чем нет никакого секрета, современная Россия не отвечает. А значит, велик риск, что средства для модернизации, полученные от экспорта ресурсов, просто-напросто исчезнут. Есть еще одно соображение: все подобного рода модернизации были успешными в условиях перехода от доиндустриального, аграрного общества к индустриальному. Блестящий пример — «экономическое чудо» многих азиатских стран: Южной Кореи, Тайваня,

Таиланда и др. Что же касается модернизации другого типа, направленной на переход от индустриального общества к более современному, информационному, или, если угодно, к постиндустриальному обществу, то история не знает здесь позитивных примеров, за исключением одного — это Сингапур. Но это город-государство небольших размеров, с небольшим количеством населения, где все плотно контролируется. Поэтому для нас Сингапур не может быть примером.

Следовательно, важнейшим представляется вопрос о политических интересах, которые могут быть связаны с разными стратегиями модернизации. Первая стратегия модернизации наиболее близка интересам небольших привилегированных групп, имеющих доступ к ресурсам. Это крупное чиновничество, которое занимается проблемами распределения ресурсов, и крупный бизнес, который оперирует этими ресурсами. Любопытное обстоятельство: как только «Стратегия-2020» была обнародована, тут же могущественные отраслевые лоббисты начали продвигать свои грандиозные «модернизационные» проекты — модернизации сети автомобильных дорог России, строительства железнодорожной магистрали через Восточную Сибирь и Дальний Восток на Чукотку и дальше, на Североамериканский континент. Снова, правда с меньшей силой, зазвучали идеи переброски воды сибирских рек в страны Центральной Азии. За всем этим очевидны интересы достаточно узкого круга привилегированных групп, имеющих доступ к распоряжению и эксплуатации ресурсов. Что же касается остальных социальных групп, то их интересы тут никак не просматриваются и не учитываются.

Против второй стратегии обычно приводятся аргументы, которые заключаются в том, что ее реализация связана с большим количеством рисков. Тут и перестройка институтов, и открытие каналов вертикальной мобильности, и боязнь чиновников потерять контроль над управлением процессами. Последнее обстоятельство имеет большое значение как фактор психологического давления на лиц, принимающих решения, которые до сих пор опасаются повторения 90-х годов с их управленческой неразберихой.

На самом деле вторая стратегия, несмотря на кажущиеся риски, выглядит более реалистичной с точки зрения достижения целей. Эта стратегия ориентирована на максимально широкий охват социальных групп, поскольку открытие каналов вертикальной мобильности и конкуренция создадут для многих групп шансы на социальный рост. Поэтому данная стратегия может опираться на массовую поддержку, что очень важно для достижения конечного успеха. Более высокая социальная и экономическая динамика, задаваемая этой моделью, позволяет общественной системе своевременно реагировать на новые вызовы мирового характера. При этом роль государства в процессах преобразований не является столь значительной, как при первой стратегии.

Одна из важнейших и, пожалуй, сложнейших проблем, неизбежно возникающих в процессе модернизации, заключается в разрыве между пониманием элитами, или, по крайней мере, их частью, необходимости политики изменений и дефицитом воли к ее реализации, отчасти объясняемой слабостью субъектов модернизации. Ресурсная экономика России породила устойчивые консервативные установки у самых раз-

Умберто Боччони. Неповторимые формы пространственной непрерывности. 1913

ных социальных групп, прежде всего у тех, кто контролирует важнейшие ресурсы, **на удержание статус-кво**. Это основано не на простых наблюдениях, а на исследовании, в частности, установок региональных элит, которое в 2007 году было проведено «Левада-Центром».

Это, равно как и другие исследования показало, что, несмотря на официальные признания необходимости модернизации, на самом деле элиты не хотят никаких изменений, ибо это связано с рисками утратить нынешнее и без того прекрасное их положение. Ориентации на статус-кво хорошо заметны и в других социальных группах, которые, казалось бы, не обладают широкими возможностями распределения ресурсов и распоряжения ими. Прежде всего это касается определенной части формирующихся городских средних слоев, связанных с экспортно-ориентированной экономикой и обслуживающим ее финансовым сектором. (Я не использую термин «средний класс», поскольку он применительно к российским условиям носит дискуссионный характер.) Будучи глубоко интегрированными в нынешнюю модель ресурсной экономики, за последние годы эти слои серьезно повысили свое благосостояние и улучшили качество жизни, при этом без особого повышения трудовой отдачи. Надо отметить, что проблема консерватизма средних слоев отмечается в странах примерно с таким же типом экономики, живущей в основном за счет экспорта ресурсов.

В этом плане симптоматичен пример Венесуэлы. И дело, конечно же, не в специфическом стиле ее политического лидера Уго Чавеса. Появление его как нового лидера латиноамериканских левых было обусловлено неспособностью правящих кругов этой страны дать эффективный ответ на кризис ресурсодобывающей экономики в конце 80-х — начале 90-х годов; тогда требовались реформы, но правящие группы и средний класс, поднявшийся в годы нефтяного бума, боялись изменений. В итоге кризис усиливался, а протесты социальных низов возрастали. Выразителем их настроений и стал новый президент страны Чавес. Иными словами, именно преимущественная ориентация на статус-кво у доминирующих групп породила в конечном итоге движение политического маятника к другому полюсу — левому радикализму и левому популизму.

Я вовсе не собираюсь утверждать, что Россия, если не проведет назревшие рыночные реформы, неизбежно пойдет по венесуэльской траектории политического развития. Но хочу заметить, что подобная альтернатива все же существует. И она, безусловно, не лучшая, поскольку при таком варианте никакой модернизации не происходит.

Существуют и иные препятствия на пути осуществления модернизации в современной России. Это не только консервативная позиция социальных групп, обладающих доступом к ресурсам, и тяготеющих к ним средних слоев, но и значительной части социально зависимых групп. Дело в том, что на протяжении последних четырех лет, примерно с 2005 года, когда начался нефтегазовый бум и когда в распоряжении правительства появились значительные финансовые ресурсы, часть из них была направлена на осуществление политики роста доходов, которая осуществлялась вне всякой зависимости от эффективности труда и его производительности. Тем самым у значительных слоев населения укрепились патерналистские ориентации и формировались завышенные

ожидания в отношении того, что завтра непременно должно быть лучше, чем вчера. Постепенно люди, принимавшие решения в пользу такой политики, оказались ее заложниками. Сейчас, когда начался глобальный финансовый кризис, затронувший и Россию, они опасаются сказать населению, что эпоха легких денег закончилась. Ибо это будет связано с большими политическими издержками — снижением уровня доверия к власти и в конечном итоге с риском возникновения в обществе оппозиционных настроений и т.д. Но замалчивание проблемы, откладывание ее решения не означает, что она куда-то исчезает.

Не стоит упускать из виду и такую точку зрения, что модернизацию легче всего осуществить как раз через кризис, которого просто нужно дожидаться. Будто кризис сам по себе, играя очистительную роль для экономики и социальных структур, расчистит почву для того, чтобы востребованными оказались наиболее прорывные, современные модели модернизации. Подобные подходы были популярными в определенных политических и интеллектуальных кругах еще в конце 80-х — начале 90-х годов. Однако применительно к современности такая позиция по меньшей мере выглядит не только спорной, но и чреватой значительными экономическими и политическими издержками. Главная ошибка тех, кто выдвигает подобную идею, заключается в некорректном сопоставлении ситуации начала 90-х годов и нынешней. Тогда в результате глубочайшего системного кризиса коммунистической общественной системы альтернативы выхода из нее были весьма ограничены. Более того, страна столкнулась с тем, что сами институты государства проявили свою полную недееспособность, они рухнули. Значительные социальные группы, утратив привычный социальный статус, образ жизни, выражали готовность к любым радикальным решениям, ради избежания грозившей катастрофы. Сейчас положение иное. Даже не обращаясь к данным массовых социологических опросов, не трудно понять, что для значительных и разных общественных групп возникает проблема потерь при катастрофических сценариях. Этим группам есть что терять.

Возвращаясь к проблеме массовой поддержки модернизационного проекта снизу, необходимо отметить, что вовсе не обязательно, что большая часть населения в случае наступления системного кризиса потребует именно либерально-модернистской модели развития. Симптоматично в этой связи, как легко в общество вошла идея возможного возврата к продовольственным талонам и карточкам для бедных социальных групп. Если в 1990-е эта идея делила общество на две примерно равные части сторонников и противников, то сейчас в целом она не вызывает особого сопротивления. Как это принято в современной российской политике, сторонники этой идеи тут же приводят в ее пользу массу примеров из международного опыта, разумеется, развитых стран, хотя в случае ее реализации может возникнуть серьезный риск свертывания рыночной экономики. Понятно и другое: как только подобного рода эксперименты будут перенесены на уровень общенациональной политики, тут же активизируются те группы, для которых идеальной моделью было возвращение к государственной экономике, но с очень небольшим частным сектором для себя. Нечто подобное мы уже видели в конце существования Советского Союза и убедились, что ни-

чего хорошего от этого ждать невозможно. Но то, что подобная модель вновь может оказаться востребованной именно как реакция на кризисные явления, весьма вероятно. И это опасно.

Еще один аргумент, который также приводится в качестве возражения или даже альтернативы идее модернизации, сводится к тому, что само это понятие предполагает наличие какого-то образца для подражания. Но в современном мире таких образцов нет. США и страны Евросоюза, которые были для очень многих стран в мире объектом для подражания в 90-е годы, сейчас переживают глубокий кризис. Между тем в ближайшие десятилетия в мире будет продолжаться рост спроса на ресурсы — не только энергетические, но и продовольственные, а вскоре и водные, которыми Россия располагает в изобилии. Следовательно, у нее есть хорошие шансы продолжать развитие, ничего не меняя. Если нет достойных образцов для подражания, тогда зачем нужно осуществлять рискованные изменения? Это тоже очень опасная позиция, ибо из нее следует, что Россию будто бы могут миновать глобальные кризисные явления, а стало быть, готовиться к реагированию на них не стоит. Как мы уже отмечали, для второй стратегии модернизации одним из важнейших условий является высокая социальная динамика, возможность быстрого продвижения по социальной лестнице. Но за последние годы российские элиты, привилегированные группы, имеющие доступ к эксклюзивному распоряжению ресурсами, приобрели замкнутый и закрытый характер. Они не хотят никакой конкуренции. Заметно, например, как в этой связи в СМИ, особенно на телевидении, на первый план выходит пропаганда элитизма. Это не случайно. Группы, которые достигли практически полной автономности от общества, естественно, стремятся сохранить это состояние. Отсюда — стремление к ограничению конкуренции как наиболее эффективного способа сохранения политического, социального и экономического доминирования. Открытие каналов вертикальной мобильности, которое может произойти только в результате возвращения принципа конкуренции в повседневную политическую и экономическую реальность, означает для таких элит серьезный риск. Но в идеологии опасение утраты доминирования трансформируется в пропагандистский тезис о том, что в случае высокой социальной динамики может возникнуть угроза стабильности, потери управляемости общественными процессами.

В литературе последнего времени достаточно часто встречается мнение, что в силу наличия многих сложностей процесс модернизации нужно растянуть во времени, разделить на несколько этапов. Но для России в ее истории неоднократно непреодолимой проблемой оборачивался как раз дефицит исторического времени. Если бы страна находилась где-то на периферии международного развития, не играла бы значительной роли в мировой политике и экономике, возможно, растянутые по времени сценарии были бы оптимальными. Но в условиях обостряющейся борьбы в мире за ресурсы, обостряющейся конкуренции между странами, очевидно, на новом этапе научно-технической революции у страны нет временного запаса.

Какие варианты действий возможны в такой ситуации? Особенно с учетом того, что в стране нет ярко выраженных социальных, полити-

ческих или экономических групп, заинтересованных в модернизации, иными словами, субъекта модернизации. Очевидно, что этот субъект может сформироваться из сегментов различных социальных групп. Но для этого необходимо, чтобы установка на модернизацию превратилась в реальную мотивацию для социального и политического действия. В первую очередь это касается восстановления принципа игры по правилам как основополагающего принципа социальной жизни, будь то политика, бизнес, социальные отношения. Восстановление роли правовых норм и процедур как базового регулятора социальных отношений — это чрезвычайно важная задача, которая в случае успешной реализации может заложить основу для консолидации интересов социально продвинутых групп и кристаллизации субъекта модернизации.

Вторая проблема — это проблема институтов. Нынешние российские институты, действующие в значительной степени в рамках системы ручного управления, неэффективны, когда требуется изменение реальности. Значит, эти институты должны быть перестроены таким образом, чтобы, став открытыми и публичными, они могли оперативно реагировать на новые вызовы, своевременно оформлять возникающие в обществе балансы интересов. Иными словами, речь идет о необходимости восстановления системы разделения властей и, возможно, более четкого правового определения ответственности разных институтов и разных ветвей власти.

В настоящее время довольно часто высказывается мнение, что в российских условиях для успешной модернизации президентская республика лучше парламентской. Но институт президента в современной российской политической системе в значительной степени лишен политической ответственности. Задача этого института — принимать политические решения. А конституционное право построено таким образом, что ответственность за те или иные решения может быть делегирована кому угодно. Наиболее удобный объект для делегирования — правительство. Мы неоднократно видели, как этот механизм работает, по крайней мере, начиная с принятия действующей Конституции РФ. Впрочем, и другие институты могут быть такими объектами делегирования ответственности — министры, губернаторы, парламент, партии. Такой механизм неизбежно порождает безответственность, потому что никто не хочет быть назначенным ответственным за неудачи. Вспомним печальную историю с законом о монетизации льгот. Как это получилось? Кто ответствен за провал первого варианта этой реформы? Никого так и не нашли. В таких условиях преобразования, которые в любом случае будут связаны с рисками, неизбежно станут вязнуть в неэффективности и рыхлости политической системы, в которой никто не хочет брать на себя ответственность.

Таким образом, для модернизации в условиях современной России требуются не только хорошо подготовленные планы и программы. В первую очередь требуется создание институциональных условий — открытие каналов вертикальной мобильности, возвращение к стабильным правилам игры и конкуренции как основополагающему принципу организации социального пространства.

Модернизационная теория и традиционные культуры*

Рональд Инглхарт,
профессор Института социальных исследований Университета штата Мичиган (США),

Кристиан Велцель,
профессор Международного университета г. Бремена (ФРГ)

Споры по поводу модернизационной теории

Люди, проживающие в различных обществах, по-разному видят мир и разделяют непохожие ценности. В некоторых странах до 95 процентов жителей говорят о том, что Бог играет исключительно важную роль в их жизни, в то время как в других странах таких людей набирается не более 3 процентов. В одних обществах 90 процентов граждан убеждены, что в тех ситуациях, когда рабочих мест не хватает, мужчины имеют больше прав на работу, чем женщины; в других обществах так думают лишь 8 процентов. Подобные межнациональные различия многочисленны и устойчивы. Но, как доказывается в нашей книге, в развитых странах, разбросанных по планете, и эти, и прочие важные ценности постепенно меняются.

Эти перемены вполне предсказуемы, поскольку они тесно связаны с социально-экономическим развитием. Они захватывают буквально все современные общества, порождая важные последствия. Преобразующиеся ценности трансформируют религиозные верования, трудовые мотивации, показатели рождаемости, гендерные роли и сексуальные обыкновения; они несут с собой массовый запрос на демократические институты и на более ответственное поведение элит. Как мы покажем ниже,

социально-экономическое развитие обуславливает ожидаемые культурные изменения — и, начиная с определенной точки, такие изменения резко повышают шансы на возникновение демократии там, где ее пока нет, а также на ее укрепление и совершенствование там, где она уже существует.

Теория модернизации основывается на идее человеческого прогресса (Carniero, 2003). С исторической точки зрения ее трудно признать чем-то новым. До тех пор пока люди не могли эффективно контролировать свое естественное окружение, а аграрные экономики оставались в плену вялого равновесия со средой, не предполагавшего сколько-нибудь значимых изменений при переходе от одного поколения к другому, идея человеческого прогресса выглядела нереалистично (Jones, 1985; McNeill, 1990). Ситуация начала меняться лишь с появлением устойчивого экономического роста (North, 1981; W. Bernstein, 2004).

С началом торговой революции, взращивавшей в городских областях позднесредневековой Западной Европы доиндустриальный капитализм, развитие экономики начало опережать рост народонаселения (Hall, 1989; Lal, 1998; Landes, 1998). По мере того как этот процесс набирал силу, оформлялась философия гуманизма и просвещения. Взгляды, согласно которым технологические инновации, основанные на сис-

* Настоящая публикация представляет собой фрагмент книги: Inglehart Ronald, Welzel Christian. *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Полный перевод этой работы на русском языке будет издан Московской школой политических исследований в 2009 году.

тематических исследованиях, позволят человеку избавиться от обременительных природных ограничений, завоевывали все большее признание и бросали вызов традиционным представлениям о том, будто свобода и счастье достижимы только в загробном мире. Наука становилась источником знания, бросающим вызов божественному откровению и разрушавшим интеллектуальную монополию церкви, которая отчаянно защищала непоколебимость и вечность феодального общества (Landes, 1998).

Зародившаяся в эпоху Просвещения модернизационная теория была основана на убеждении в том, что технологический прогресс полностью подчинит природу человеку. Антуан де Кондорсе (Condorcet, 1799 [1795]) одним из первых явным образом связал экономическое развитие и культурные трансформации, заявив о том, что совершенствование техники и экономический рост неизбежно преобразуют этические принципы. Теория прогресса оказала могучее влияние на социальную философию, но при этом с самого своего зарождения и до сегодняшнего дня ей противостояла мысль об общественном упадке, влекущем человечество к самой мрачной деградации. В частности, такую антитезу модернизму сформулировал Эдмунд Бёрк (Burke, 1999 [1790]) в своей работе «Размышления о Французской революции». Рассуждая в том же ключе, Томас Мальтус (Malthus, 1970 [1798]) выдвинул теорию неминуемой демографической катастрофы, явно перекликающуюся с современными теориями «пределов роста» и экологических рисков (Meadows et al., 1972; U. Beck, 1992).

Наиболее влиятельную версию модернизационной теории предложил Карл Маркс (Marx, 1973 [1858]). Марксистская доктрина содержала принципиальную критику жесточайшей эксплуатации, присущей раннему индустриальному обществу, и выдвигала утопическое решение, которое, по мысли ее сторонников, должно было принести

умиротворение и покончить с эксплуатацией. Многие предсказания Маркса оказались вопиюще ошибочными. Сегодня почти никто не верит в возможность пролетарской революции, которая упразднит частную собственность и положит конец истории. Вместе с тем предположение о том, что технологические новации и социально-экономическое развитие влекут за собой предсказуемые последствия в сфере культуры и политики, остается вполне состоятельным. Когда в 1848 году Маркс и Энгельс обнародовали «Манифест Коммунистической партии», индустриализация затрагивала лишь горстку стран, а малочисленный и слабый рабочий класс подвергался безудержной эксплуатации. Основатели марксизма настаивали на том, что индустриализация — главная тенденция будущего, а промышленные рабочие, став более многочисленными, обязательно возьмут власть в свои руки. И хотя Маркс не смог предвидеть возникновение общества знаний, а также появление новых классов, занятых в сфере услуг, что предотвратило предсказанное им численное превосходство пролетариата, промышленные рабочие все же стали одной из главных политических сил в большинстве современных обществ. Сегодня основная часть человечества живет в странах, которые либо уже пережили, либо в настоящее время переживают индустриализацию (Rowen, 1996; Barro, 1997; Estes, 1998; Hughes, 1999).

Адам Смит (Smith, 1976 [1776]) и Карл Маркс (Marx, 1973 [1858]) пропагандировали конкурирующие версии модернизационного процесса: первый отстаивал капитализм, а второй — коммунизм. Но если оставить в стороне резкое расхождение их взглядов по поводу наилучшего пути модернизации, то можно констатировать, что оба мыслителя считали технологические усовершенствования и их социально-экономические последствия основой человеческого прогресса, который серьезно влияет на культуру и политические ин-

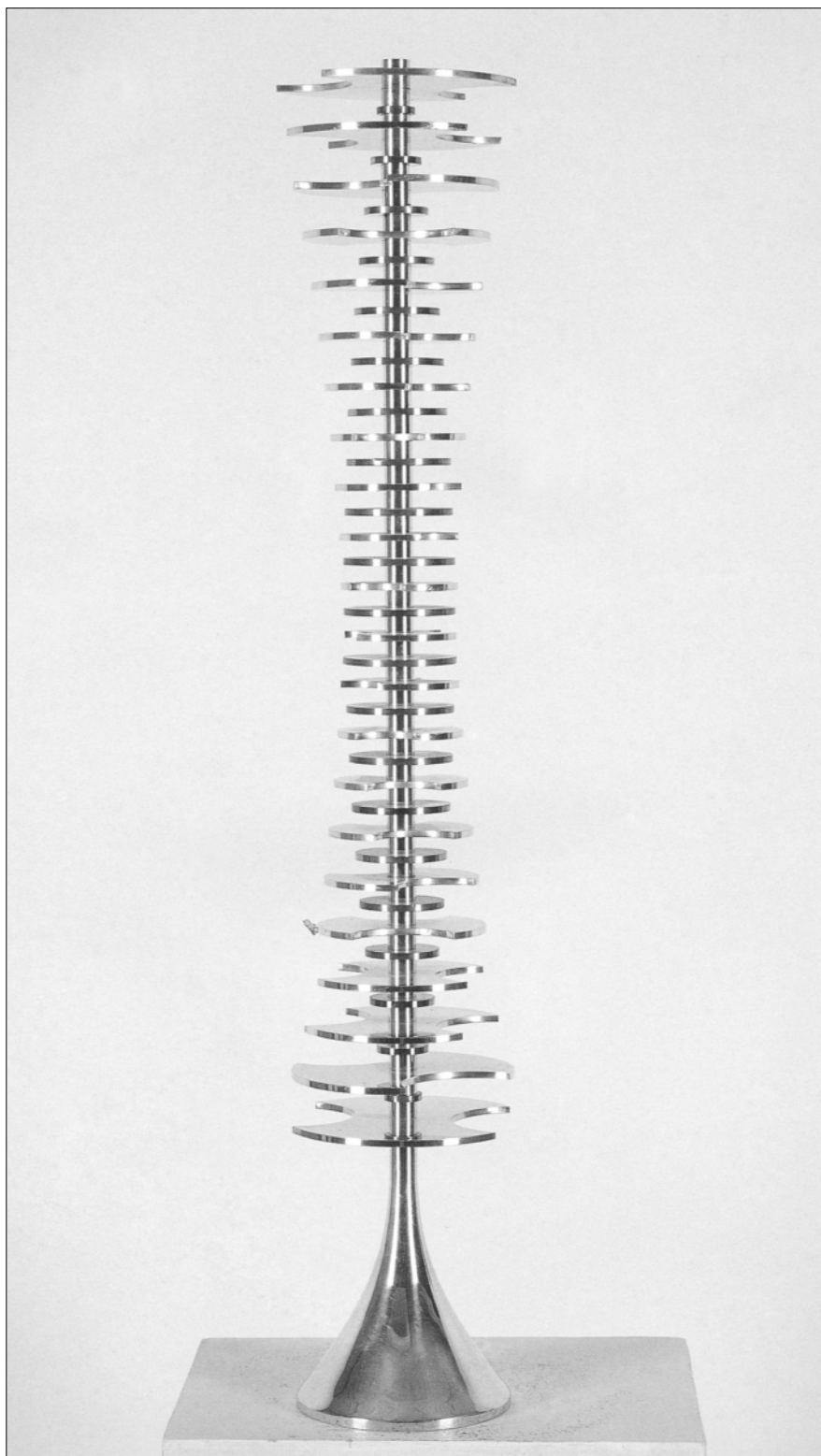
ституты. В этом пункте Маркс был особенно последователен. По его мнению, социально-экономическое развитие предопределяет изменения в ценностных ориентациях людей: преобладающие в общественной системе ценности и моральные стандарты составляют «идеологическую надстройку», зависящую от «социально-экономического базиса», с изменением которого неизбежно меняется и идеология. Следовательно, упразднение частной собственности повлечет за собой конец истории — становление бесклассового общества, в котором люди больше не будут идентифицировать себя сквозь призму классовых различий, но начнут считать друг друга равными. В этом эгалитарном бесклассовом обществе возобладают гуманистические ценности.

Альтернативные варианты модернизационной теории обрели второе дыхание после Второй мировой войны, положившей начало противоборству капиталистической и коммунистической сверхдержав, которые идеологически обосновывали собственные пути модернизации. Несмотря на жесткое соперничество, обе идеологии были преданы экономическому росту, социальному прогрессу и модернизации, а также обеспечивали широкое вовлечение масс в политику (Моог, 1966). Более того, поскольку обе стороны были уверены в том, что молодым странам третьего мира придется выбирать между капиталистическим и коммунистическим подходом к модернизации, сверхдержавы пытались привлечь их на свою сторону. Но обеспечение индустриализации и экономического роста оказалось более сложным делом, нежели предполагалось (Randall and Theobald, 1998). Не сумев модернизироваться, большая часть новых стран по-прежнему пребывала в бедности и под властью коррумпированных режимов. Хотя каждый из этих режимов провозглашал себя протагонистом капиталистической, социалистической или «неприсоединившейся» модерни-

зационной программы, в реальности в них господствовали элиты, ориентированные исключительно на извлечение ренты. Обновлению своих стран они предпочитали обособление и изоляцию, гарантировавшие им личное обогащение (Rueschemeyer, Stephens, and Stephens, 1992).

В послевоенных Соединенных Штатах сформировалось свое видение модернизационной теории, в соответствии с которым отсталость трактовалась как прямое следствие внутренних характеристик той или иной страны — традиционной экономики, традиционной культуры, традиционных институтов (Lerner, 1958; Almond and Coleman, 1960; Pye and Verba, 1963; Almond and Powell, 1966; Weiner, 1966; Binder et al., 1971; Inkeles and Smith, 1974). Исходя из такой перспективы, традиционные ценности не просто подвержены изменениям; их необходимо менять на ценности модерна, позволяющие молодым обществам следовать по неизбежному пути капиталистического развития. В качестве проводников этих позитивных процессов виделись богатые и развитые страны, стимулирующие модернизацию «отсталых» наций через экономическую, культурную и военную помощь.

Подобного рода аргументацию нередко критиковали за предвзятость по отношению к «жертвам»; ведь ее приверженцы настаивали на том, что без усвоения «современных» ценностей и институтов отсталые общества никогда не сделаются передовыми (например, Bradshaw and Wallace, 1996). Причем теорию модернизации не просто критиковали — иногда ее вообще провозглашали мертвой (Wallerstein, 1976). Неомаксисты и теоретики «миросистем» заявляли, что богатые страны эксплуатируют своих бедных собратьев, обрекая их на вечную отсталость и структурную зависимость (см., например: Frank, 1966; Wallerstein, 1974; Chirot, 1977, 1994; Chase-Dunn, 1989). Недоразвитость, заявлял Франк, может быть *раз-*

Стефан Белорадски. Перемены. 1965

витой. Эта школа мысли убеждала бедные страны в том, что их бедность не имеет внутренних причин — в ней повинен глобальный капитализм. В 1970-е и 1980-е годы модернизационная теория казалась полностью дискредитированной (O'Donnell, 1973), а в моду вошла теория зависимости (Cardoso and Faletto, 1979). Апологеты последней утверждали, что нации третьего мира избавятся от эксплуатации только в том случае, если уйдут с мирового рынка и примут стратегии по замещению импорта.

В последние годы стало ясно, что замещение импорта собственной продукцией не приносит успеха. Страны, наименее вовлеченные в мировую капиталистическую экономику, показывали наилучший экономический рост (Firebaugh, 1992, 1996). Экспортная ориентация проявляла себя более эффективной в плане обеспечения устойчивого экономического развития и даже, со временем, демократии (Barro, 1997; Randall and Theobald, 1998). Маятник качнулся в обратную сторону: теория зависимости утратила популярность, а западная капиталистическая трактовка модернизации вернула себе прежнюю состоятельность (Pye, 1990). Энергичное развитие Восточной Азии и последующая демократизация Тайваня и Южной Кореи подтверждали, как представлялось, ее базовые предпосылки. Производство недорогой продукции для мирового рынка инициирует экономический рост; инвестирование получаемой прибыли в человеческий капитал наделяет рабочую силу квалификацией, позволяющей производить высокотехнологичные товары; экспорт таких товаров приносит еще большие доходы и увеличивает городской и образованный средний класс; как только средний класс встает на ноги, он начинает настаивать на переходе к либеральной демократии (L. Diamond, 1993; Lipset, Seong, and Torres, 1993). Под огнем ожесточенной критики оказалась и теория «миросистем». По словам Эван-

са (Evans, 1995), глобальное разделение труда создает новые возможности, позволяющие развивающимся странам преобразовывать себя и завоевывать новые позиции в мировой экономике. Вовлечение многонациональных корпораций в дела третьего мира представляло далеко не столь ужасным, как утверждали «миросистемные» теоретики. В действительности иностранные инвестиции стимулировали рост (Firebaugh, 1992) и повышали благосостояние нации в целом, принося пользу не только элитам, но и широким массам (Firebaugh and Beck, 1994). Хайн (Hein, 1992), Доллар (Dollar, 1992) и Файербах (Firebaugh, 1996) показали, что нации, которые больше торгуют и получают максимальные инвестиции из капиталистических стран, демонстрируют *более высокие* темпы роста, нежели остальные страны.

При этом, однако, очевидно, что любая упрощенная версия теории модернизации чревата серьезными недостатками. Эту теорию необходимо пересмотреть по нескольким причинам. Одна из наиболее очевидных причин обусловлена тем фактом, что, несмотря на предсказанное ее классическими версиями неизбежное отмирание, религиозные и этнические традиции обнаружили поразительную устойчивость к переменам. Исходя именно из этого, с завершением холодной войны Хантингтон (Huntington, 1996) заявил, что политические конфликты будущего будут разгораться прежде всего по линиям межкультурных разломов, в значительной степени совпадающих с религиозными размежеваниями.

Устойчивость традиционных культур

Хантингтон (Huntington, 1996), Патнэм (Putnam, 1993) и Фукуяма (Fukuyama, 1995) утверждают, что культурные традиции обладают исключительной устойчивостью, предопределяя политическое и экономическое поведение соот-

ветствующих обществ. Но теоретики модернизации, начиная с Маркса и Вебера и заканчивая Беллом и Тоффлером, в один голос заявляют о том, что подъем индустриальных обществ влечет за собой культурные сдвиги, неблагоприятные для традиционных ценностных систем. Как ни парадоксально, *оба* суждения истинны — и мы докажем это в своей книге.

В последние годы практические и теоретические исследования социально-экономического развития способствовали возникновению двух конкурирующих школ. Одна сторона говорит о том, что результатом модернизации оказывается *конвергенция* ценностей — колоссальная сила, продвигающая перемены в культуре. Эта школа предрекает упадок традиционных ценностей и вытеснение их современными аналогами (Meyer, Boli, Thomas, and Ramirez, 1997; Stevenson, 1997). Другая школа защищает *сопротивляемость* традиционных ценностей перед натиском экономических и политических сдвигов и постулирует их относительную независимость от экономических условий (DiMaggio, 1994). Соответственно, по ее прогнозам, конвергенция на основе некоего набора «современных» ценностей не слишком вероятна; традиционные установки будут и впредь оказывать независимое влияние на культурные сдвиги, сопровождающие социально-экономическое развитие.

Центральный тезис модернизационной теории состоит в том, что социально-экономическое развитие взаимосвязано с когерентными и до некоторой степени предсказуемыми переменами в культурной, а также в политической жизни (Deutsch, 1963; Pye and Verba, 1963; Stinchcomb, 1965; Huntington, 1968). Как мы убедимся ниже, свидетельства, собранные по всему миру, говорят о том, что социально-экономическое развитие *действительно* подталкивает различные общества в строго предсказуемом направлении. Оно начинается с технологических инноваций, которые повыша-

ют производительность труда; затем наступает черед профессиональной специализации, повышения образовательного уровня и роста доходов; взаимодействия людей становятся более диверсифицированными, а на место отношений господства и подчинения приходят отношения договора и торга. В долгосрочной перспективе все перечисленное стимулирует культурные сдвиги — меняются гендерные роли, отношение к власти, сексуальные нормы, уровень рождаемости, диапазон политического участия. Публика становится более критичной и менее доверчивой.

Но культурные сдвиги идут далеко не произвольно. Исторически сложившаяся протестантская, православная, исламская или конфуцианская природа того или иного общества проявляет себя в наличии целостных культурных зон, устойчивых даже по отношению к воздействиям социально-экономического развития. Эти культурные зоны довольно стабильны. И хотя ценностные системы различных стран под воздействием модернизации трансформируются сходным образом, об их полной конвергенции, вопреки примитивным представлениям о культурной глобализации, говорить нельзя (Meyer et al., 1997; Stevenson, 1997).

На первый взгляд, это может показаться странным, но удивляться едва ли стоит. Если бы все общества мира двигались в одном направлении с одинаковой скоростью, разделяющая их дистанция всегда оставалась бы одной и той же. Реальность, разумеется, не настолько проста, но даже такое предположение может служить иллюстрацией важного принципа: постиндустриальные общества на самом деле меняются достаточно быстро и имеют сходный вектор. Но фиксируемые эмпирическим путем культурные различия между ними в 2001 году были столь же велики, как и в 1981. Хотя социально-экономическое развитие и производит систематические перемены в том, во что люди верят и чего они желают от собственной

жизни, влияние культурных традиций никуда не исчезает. Системы убеждений и верований удивительно устойчивы и инертны. Даже трансформируясь, ценности продолжают нести в себе отпечаток исторического наследия конкретного социума. Культурные изменения — зависимая переменная.

Тем не менее не вызывает сомнений то, что социально-экономическое развитие влечет за собой прогнозируемые и долгосрочные последствия. Одним из проявлений этого выступает неоспоримый факт: мировоззрение и поведение людей, живущих, с одной стороны, в развитых странах, а с другой стороны, в развивающихся странах, разительно отличаются друг от друга. Иным свидетельством оказывается то, что ценностные системы развитых стран преобразуются последовательно и предсказуемо. Указанные трансформации не являются отражением некой гомогенизирующей тенденции — их нельзя приписывать, например, воздействию глобальных коммуникационных сетей, с помощью которых, как порой утверждают, новые системы ценностей транслируются по всему миру. Если бы дело обстояло именно так, сходные ценностные трансформации происходили бы во всех обществах, пользующихся глобальными коммуникациями. Но как раз это, как мы покажем ниже, и не происходит. Ибо интересующие нас ценностные преобразования обходят стороной те общества, в которых резко ухудшаются жизненные стандарты — несмотря на их интеграцию в глобальные коммуникационные сети. Таков, например, случай многих постсоветских государств. Ценностные сдвиги затрагивают лишь те общества, граждане которых продолжительное время живут в условиях экономического процветания. Социально-экономическое развитие совершенствует культуру и политику, а экономический крах вызывает обратный эффект.

Изменения такого рода относятся к сфере возможного. Здесь нет места де-

терминизму, отличавшему «научный социализм» Карла Маркса. Более того, культурные сдвиги далеко не линейны, они не разворачиваются, равняясь на экономический рост, только в одну сторону — вплоть до самого конца истории. Процесс идет по-другому. Индустриализация запускает движение от традиционных ценностей к ценностям секулярно-рациональным; но по мере становления постиндустриального общества культурные метаморфозы обретают иную направленность. Переход от традиционного мировоззрения к секулярно-рациональному замедляется и постепенно затухает, вытесняясь новым сдвигом — от ценностей выживания к ценностям самовыражения, благодаря которым люди фиксируют свой возрастающий интерес к свободному выбору, автономии и творчеству. В процессе транзита от обществ доиндустриальных к индустриальным указанный тренд почти не проявлял себя, но по мере превращения индустриального общества в постиндустриальное он становится доминирующим. Теоретики модернизации предвидели ценностные изменения, стимулируемые социально-экономическим развитием, но они фокусировали внимание на подъеме секулярно-рациональных ценностей, не предчувствуя следующую волну перемен — вызревание ценностей самовыражения. Классики, что вполне объяснимо, не могли предвидеть эмансипирующий импульс, возникший на поздних стадиях модернизации. Этот импульс никак не совместим с тем видением технократического авторитаризма, который многие интеллектуалы (среди них был, в частности, Джордж Оруэлл) считали конечным итогом политической модернизации. Вопреки этим ожиданиям ценности самовыражения делают именно демократию, а не авторитаризм наиболее вероятным исходом политического развития.

Мур (Moore, 1966) справедливо указывал на то, что индустриальная фаза мо-

Михаль Керн. Бесконечность образа. 1988

дернизации не ведет к демократии с неизбежностью; она открывает различные пути, в ряду которых авторитарные, фашистские и коммунистические версии вовлечения масс в политику. Но с переходом модернизации в постиндустриальную фазу оформляющиеся ценности самовыражения обеспечивают ту общественную силу, которая ставит под сомнение былые авторитеты и подталкивает к подлинно массовой и ответственной, а не просто электоральной демократии. К этому вопросу мы вернемся по ходу дальнейшего изложения.

Прогресс не является неизбежным. Видоизменения ценностей, сопряженные с различными фазами модернизации, вполне обратимы. Да, социально-экономическое развитие несет с собой масштабные и ожидаемые культурные сдвиги, но если происходит экономический коллапс, перемены в сфере культуры обращаются вспять. Тем не менее доминирующим трендом последних столетий было именно развитие: большинство государств сегодня выглядят более процветающими, чем двести лет назад. Непокоримая логика связывает воедино социально-экономическое развитие, культурные изменения, которые поощряют автономию, творчество и самовыражение человека, и демократизацию. Благодаря этому обстоятельству демократия становится более ответственной. По мере подъема ценностей самовыражения даже старые и устоявшиеся демократии делаются более отзывчивыми по отношению к предпочтениям масс, а политика перестает быть игрой элит, вспоминающих о массах только накануне выборов.

Подвергаясь воздействию одних и тех же модернизационных факторов, различные общества следуют по разным траекториям, поскольку специфика данного социума — например, культурное наследие — также влияет на его развитие. По Веберу (Weber, 1958 [1904]), воздействие традиционных религиозных ценностей весьма продолжительно, а представители самых разных гуманитарных дисциплин

не раз обращали внимание на то, что ярко выраженные культурные особенности проявляются в течение длительного времени, продолжая воздействовать на политическую и экономическую жизнь. Например, Патнэм (Putnam, 1993) показывает, что итальянские области, в которых демократические институты на сегодняшний день наиболее успешно работают — это именно те регионы, где гражданское общество было сильным в XIX веке и даже ранее. По наблюдению Фукуямы (Fukuyama, 1995), общества, в которых традиционно отсутствует культура доверия, оказываются в уязвимом положении на глобальных рынках, поскольку они менее приспособлены к развитию крупных и комплексных социальных институтов. Согласно Гамильтону (Hamilton, 1994), несмотря на то, что капитализм превратился в почти универсальный образ жизни, цивилизационные факторы по-прежнему структурируют организацию экономических и социальных систем. «По мере того как глобальная экономика набирает обороты, мы наблюдаем не засилье однотипности под вывеской универсальной западной культуры, но, скорее, прежнее разнообразие цивилизаций, закрепляемое оживлением и возрождением незападных культурных практик» (Hamilton, 1994: 184). Здесь же можно упомянуть и поразительную межкультурную вариативность в организации капиталистического производства и оформляющих его управленческих идеологий (DiMaggio, 1994; Guillén, 1994).

Мнение тех, кто считает, будто мы идет к унифицированному “McWorld”, следует признать иллюзией. Как показывают Уотсон и его коллеги (Watson, 1998), внешне идентичные рестораны “McDonald’s”, распространившиеся по всей планете, на деле имеют разное общественное значение и выполняют неодинаковые социальные функции в различных культурных зонах. Несмотря на сходство физического антуража, подход в такой ресторан в Японии пред-

ставляет собой иной социальный опыт, нежели его посещение в США или Китае. Глобализация коммуникаций, естественно, не вызывает сомнений. Но именно из-за того, что она столь очевидна, ее значение зачастую переоценивается. То, что молодые люди по всему миру носят джинсы, общаются через Интернет и пьют кока-колу, бросается в глаза сразу. Подспудная устойчивость ценностных различий менее заметна, но в равной степени важна.

То обстоятельство, на какое культурное наследие — протестантское, конфуцианское, исламское — опирается данное общество, постоянно напоминает о себе, задавая траекторию, которая будет предопределять развитие социума и в будущем, несмотря даже на то, что религиозные институты сегодня пользуются довольно скромным влиянием. Так, несмотря на малолюдство в протестантских храмах современной Европы, общества, исторически пребывавшие под сенью протестантизма, продолжают демонстрировать приверженность четко выраженному набору ценностей и убеждений. Сказанное верно и в отношении исторически католических, исламских, православных или конфуцианских обществ. Тезис о всеобъемлющей секуляризации правдив лишь наполовину. В процессе индустриализации роль религии слабеет, а в постиндустриальных обществах способность традиционных религиозных институтов руководить массами вообще сходит на нет. Но духовные ориентиры в самом широком смысле никуда не исчезают: напротив, они распространяются еще шире и глубже. Таким образом, в то время как поддержка старых иерархических деноминаций в постиндустриальном контексте размывается, духовно-религиозная жизнь трансформируется в такие формы, которые все более совместимы с индивидуальным самовыражением.

*Перевод с английского
Андрея Захарова*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Almond, Gabriel, and James Coleman (eds.). 1960. *The Politics of the Developing Areas*. Princeton: Princeton University Press.
- Almond, Gabriel, and Bingham Powell. 1966. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Princeton: Princeton University Press.
- Barro, Robert. 1997. *Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Beck, Ulrich. 1992. *Risk Society*. London: Sage.
- Bernstein, William. 2004. *The Birth of Plenty*. New York: McGraw Hill.
- Binder, Leonard, et al. (eds.). 1971. *Crises and Sequences in Political Development*. Princeton: Princeton University Press.
- Bradshaw, York, and Michael Wallace. 1996. *Global Inequalities*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge.
- Burke, Edmund. 1999 [1790]. *Reflections on the Revolution in France*. Oxford: Oxford University Press.
- Cardoso, Fernando Henrique, and Enzo Faletto. 1979. *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley: University of California Press.
- Carniero, Robert. 2003. *Evolutionism in Cultural Anthropology*. Boulder, CO: Westview Press.
- Chase-Dunn, Christopher, and Thomas Hall. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.
- Chirot, Daniel. 1977. *Social Change in the Twentieth Century*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Chirot, Daniel. 1994. *How Society Change*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge.
- Condorcet, Jean-Antoine-Nicolas de Caritat. 1979 [1775]. *Sketch for a Historical Picture of the Progress of Human Mind*. Westport, CT: Hyperion Press.
- Deutsch, Karl. 1963. *The Nerves of Government*. New York: Free Press.
- Diamond, Larry. 1993. *The Globalization of Democracy* // Robert Slater, Barry Schutz, and Steven Dorr (eds.). *Global Transformation and the Third World*. Boulder, CO: Lynne Rienner. P. 31–69.
- DiMaggio, Paul. 1994. *Culture and Economy* // Neil Smelser and Richard Swedberg (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press. P. 27–57.
- Dollar, David. 1992. *Outward-Oriented Developing Economies Really Do Grow More Rapidly: Evidence from 95 LDCs, 1976–1985* // *Economic Development and Cultural Change* 13: 523–44.
- Estes, Richard. 1984. *The Social Progress of Nations*. New York: Praeger.
- Evans, Peter. 1995. *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton: Princeton University Press.
- Firebaugh, Glenn. 1992. *Growth Effects of Foreign and Domestic Investment* // *American Journal of Sociology* 98: 105–30.
- Firebaugh, Glenn. 1996. *Does Foreign Capital Harm*

- Poor Nations? // *American Journal of Sociology* 102: 563–75.
- Firebaugh, Glenn, and Frank Beck. 1994. Does Economic Growth Benefit the Masses? Growth, Dependence, and Welfare in the Third World // *American Sociological Review* 59: 631–53.
- Frank, Andre. 1966. *The Development of Underdevelopment* // *Monthly Review* 18: 17–30.
- Fukuyama, Francis. 1995. *Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press.
- Jones, Eric. 1985. *The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Guillón, Mauro. 1994. *Models of Management: Work, Authority, and Organization in a Comparative Perspective*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hall, John. 1989. *States and Societies: The Miracle in Comparative Perspective* // Jean Baechler, John Hall, and Michael Mann (eds.). *Europe and the Rise of Capitalism*. Oxford: Basil Blackwell. P. 20–38.
- Hamilton, Gary. 1994. *Civilizations and Organization of Economies* // Neil Smelser and Richard Swedberg (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press. P. 183–205.
- Hein, Simon. 1992. Trade Strategy and the Dependency Hypothesis: A Comparison of Policy, Foreign Investment and Economic Growth in Latin America and East Asia // *Economic Development and Cultural Change* 13: 495–521.
- Hughes, Barry. 1999. *International Futures: Choices in the Face of Uncertainty*. 3rd ed. Boulder, CO: Westview Press.
- Huntington, Samuel. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Huntington, Samuel. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York: Simon and Schuster.
- Inkeles, Alex, and David Smith. 1974. *Becoming Modern: Individual Changes in Six Developing Societies*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lal, Deepak. 1998. *Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long Run Economic Performance*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Landes, David. 1998. *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York: W.W. Norton.
- Lerner, Daniel. 1958. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York: Free Press.
- Lipset, Seymour Martin, Kuong-Ryung Seong, and John Torres. 1993. A Comparative Analysis of the Social Requisites of Democracy // *International Social Science Journal* 45: 155–75.
- Malthus, Thomas. 1970 [1798]. *An Essay on the Principle of Population*. Harmondsworth: Penguin.
- Marx, Karl. 1973 [1858]. *Grundrisse*. Harmondsworth: Penguin.
- Meadows, Donella, et al. 1972. *The Limits to Growth*. New York: Universe Book.
- Meyer, John, John Boli, George Thomas, and Francisco Ramirez. 1997. *World Society and the Nation-State* // *American Journal of Sociology* 103: 144–81.
- McNeill, William. 1990. *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Chicago: Chicago University Press.
- Moore, Barrington. 1966. *The Social Origins of Democracy and Dictatorship: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
- North, Douglas. 1981. *Structure and Change in Economic History*. New York: W.W. Norton.
- O'Donnell, Guillermo, Jorge Vargas Cullel, and Osvaldo Miguel Iazzetta (eds.). 2004. *The Quality of Democracy: Theory and Applications*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Putnam, Robert. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
- Pye, Lucian, and Sidney Verba (eds.). 1963. *Political Culture and Political Development*. Princeton: Princeton University Press.
- Pye, Lucian. 1990. *Political Science and the Crisis of Authoritarianism* // *Political Science Review* 84: 3–19.
- Randall, Vicky, and Theobald, Robin. 1998. *Political Change and Underdevelopment*. 2nd ed. Durham: Duke University Press.
- Rowen, Henry. 1996. *World Wealth Expanding: Why a Rich, Democratic, and [Perhaps] Peaceful Era is Ahead* // Ralph Landau, Timothy Taylor, and Gavin Wright (eds.). *The Mosaic of Economic Growth*. Stanford: Stanford University Press. P. 93–125.
- Rueschemeyer, Dietrich, Evelyn Stephens, and John Stephens. 1992. *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Smith, Adam. 1976 [1776]. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Chicago: Chicago University Press.
- Stevenson, Mark. 1997. *Globalization, National Cultures, and Cultural Citizenship* // *Sociological Quarterly* 38: 41–67.
- Stinchcomb, Arthur. 1965. *Social Structure and Organization* // J.G. March (ed.). *Handbook of Organizations*. Chicago: Rand McNally. P. 142–93.
- Wallerstein, Immanuel. 1974. *The Modern World System*. New York: Academic Press.
- Wallerstein, Immanuel. 1976. *Modernization: Requiescat in Pace* // Lewis Coser and Otto Larsen (eds.). *The Uses of Controversy in Sociology*. New York: Free Press. P. 131–35.
- Watson, James (ed.). 1998. *Golden Arches East: McDonald's in East Asia*. Stanford: Stanford University Press.
- Weber Max. 1985 [1904]. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Weiner, Myron (ed.). 1966. *Modernization: The Dynamics of Growth*. New York: Basic Books.

*Томас Николс,
профессор Военно-морского
колледжа США (Ньюпорт)*

Роль ООН в поддержании международной безопасности в XXI веке

В Соединенных Штатах Организация Объединенных Наций не пользуется в настоящее время особой популярностью. Американцы, по моему мнению, вообще не слишком доверяют международным институтам, хотя для недоверия к ООН имеются, пожалуй, особые основания. Для того чтобы разобраться в них, необходимо ответить на ряд вопросов. Во-первых, чего мы хотели бы от ООН в XXI веке? Во-вторых, что эта организация способна делать? И в-третьих, соответствует ли наше представление об эффективности ООН ее реальным возможностям? Несоответствие ожиданий и фактических возможностей этой организации — серьезнейшая проблема. Стоит напомнить, что учреждение организации в свое время преследовало единственную цель: не допустить повторения мировой войны. Представитель США в ООН в 1950-е годы высказывался об этом так: эта организация создана для того, чтобы человечество вновь не попало в ад, но она отнюдь не собирается указывать ему путь в рай. Как же ООН решает эту проблему сегодня? Критики утверждают, что лучше всего Объединенные Нации справляются с проблемами, которые, по сути, являются для них периферийной деятельностью: например, с распространением грамотности, защитой окружающей среды, реализацией детских программ. А что происходит с главной задачей? Мы ждем, что эта организация сможет обеспечить безопасность во всем мире, но она не в состоянии справиться с этим. И это не вина Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, России или США; проблема в том, что ООН не предназначалась для решения столь масштабной задачи. Ожидать от нее этого — все равно, что пытаться молотком отвинтить шуруп. У нас было представление о войне и, соответственно, безопасности в XX веке. Мы помним обе мировые войны, вьетнамскую и афганскую войны. Но нынешний мир стал совершенно другим. Безопасность в новом столетии ставит перед нами такие вопросы, с которыми мы никогда прежде не сталкивались. Например, история не знала ситуаций, когда бандитские группировки или мелкие государства были бы способны наносить крупным государствам фа-

тальный урон, но теперь такое возможно. В результате террористического акта 11 сентября 2001 года погибло больше американцев, чем при нападении Японии на Пёрл-Харбор. Имеет ли ООН в своем арсенале средства, позволяющие справляться с этой проблемой? Как я уже сказал, эта организация создавалась не для того, чтобы решать подобные вопросы.

В отношении ООН в XXI столетии есть три главные проблемы. Первая — сама природа всеобщего членства в ООН. Вторая проблема — структура Совета Безопасности. А третья — то, что у Организации Объединенных Наций нет собственной военной составляющей, то есть своих вооруженных сил. Кстати, тут я должен сразу заметить: их никогда и не будет. Но тогда возникает вопрос: а как же она будет справляться с новыми проблемами, с которыми мы сталкиваемся?

Скажу вначале о всеобщем членстве. Известно, что войти в ООН может любое государство, независимо от того, например, насколько оно склонно к насилию или диктатуре. Для того чтобы стать членом организации, достаточно просто существовать в качестве признанного государства и контролировать свою территорию. С одной стороны, в этом есть, конечно, определенный смысл. Генеральная Ассамблея, по видимому, должна быть открыта для всех: это дом всех людей и всех народов и таковым он должен оставаться впредь. Независимо от того, насколько ужасна та или иная страна, мировые государства должны иметь площадку, где можно встретиться с другими государствами и провести с ними переговоры. Но одновременно это условие означает, конечно, что у Генеральной Ассамблеи никогда не будет настоящей, реальной власти. Она останется местом для дискуссий, и не более того. Именно поэтому Генеральная Ассамблея не в состоянии осуждать даже такие вопиющие события, как кровопролитие в суданской провинции Дарфур или конфликт в Зимбабве. По той же причине невозможно представить себе, чтобы Генассамблеей принимались какие-то значимые или важные решения. Но это, что называется, еще полбеды.

На мой взгляд, гораздо большей проблемой является Совет Безопасности. И именно о его реформировании нужно говорить в первую очередь. Действительно ли Совет Безопасности в нынешнем его виде выступает последней надеждой человечества или, как выражаются некоторые из моих коллег, это всего лишь самое дорогое кафе в Нью-Йорке? Последняя точка зрения имеет немалые основания. Многие критики Совета Безопасности действительно полагают, что там занимаются исключительно говорильней. За последние несколько лет Совет Безопасности ООН стал, правда, чуть более эффективным, но в целом всего дважды за всю историю этого органа все его члены сумели договориться о применении военной силы международного сообщества ради сохранения мира. В первый раз это произошло в 1950-е годы в Корею, а второй раз — в 1991 году, когда Кувейт подвергся агрессии со стороны Ирака. Только представим: за шестьдесят лет — всего дважды! И это притом что новые проблемы и новые очаги напряженности возникают постоянно — при полном попустительстве ООН. В итоге должны ли мы удивляться тому, что в случае Косово группа стран решила обойти Совет Безопасности, вместо того чтобы с ним спорить? Разумеется, это было не идеальное решение.

Андрей Рудаковский. Карпатская рапсодия. 1996

В этом драматичном эпизоде ООН предстала перед мировой общественностью почти как Лига Наций, судьба которой хорошо известна. Итак, почему у Совета Безопасности ничего не получается и можно ли усовершенствовать его структуру? Как известно, там есть постоянные члены и непостоянные, которые избираются на двухгодичный срок. В число постоянных членов входят пять государств, заседающих в

этой структуре непрерывно. Это наиболее важные страны: только у них есть право налагать вето на решения Совета Безопасности. Вернемся к концу Второй мировой войны и посмотрим, кто тогда вошел в состав этого органа: 1) Соединенные Штаты Америки; 2) демократическая, но являвшаяся тогда империей Великобритания; 3) коммунистическая диктатура в лице Советского Союза; 4) очень ослабленная и демократическая послевоенная Франция и 5) авторитарный Китай. Вот эти пять государств, как предполагалось, должны были сообща поддерживать международный мир. А что мы имеем сегодня? В настоящее время в Совете Безопасности постоянно заседают: 1) три демократических государства, которые одновременно являются членами НАТО; 2) ставшая недавно демократической бывшая коммунистическая держава и 3) азиатская коммунистическая страна. Остальные государства относятся к Совету Безопасности скорее как к эксклюзивному клубу. Меня, например, совершенно шокировал такой факт: как раз в 1994 году, когда был развязан геноцид в Руанде, одним из временных членов Совета Безопасности была сама Руанда. Это, на мой взгляд, совершенно потрясающе, когда члены ООН не соблюдают принципы, заложенные в ее базовых документах. Поэтому и невозможно добиться консенсуса по находящимся в ведении ООН ключевым вопросам международной безопасности. На мой взгляд, из-за того, что действует принцип всеобщего членства в ООН, и существует такая структура, как Совет Безопасности. Спектр обсуждаемых в этой связи рекомендаций весьма широк. Например, многие в Европе и в США говорят о том, что ООН нужно просто ликвидировать. Согласно такому мнению, нескольким ключевым странам стоит выйти из ее состава, заявив, что организация выполнила свои задачи. Да, она предотвратила, считают они, третью мировую войну, и теперь хорошо бы на площадке, которую занимает ее штаб-квартира, построить какой-нибудь жилой дом или торговый центр. Известно, что ООН располагается в одном из самых привлекательных кварталов на Манхэттене, и многие риелторы хотели бы там поработать. В поддержку мнения о ликвидации приводят также аргумент, что региональные организации, такие как НАТО, вполне способны взять на себя задачи по поддержанию мира. Другие предлагают вместо ООН, как структуры, которая изжила себя, учредить новую международную организацию — ассоциацию демократических государств, глобальный аналог НАТО или что-то подобное. У таких мнений есть серьезные основания.

Как-то некая американка высказала соображение, что Совет Безопасности больше не должен опираться в своей работе только на те страны, которые являются мировыми лидерами. Речь идет не о человеке с улицы, это была дама, уважаемый профессор Принстонского университета, которая в свое время работала с президентом Клинтонем. Эта идея появилась от огорчения, от разочарования в том, до какой степени ООН не способна принимать политические решения. В кризисных ситуациях нужна коллективная воля, но ООН не раз показывала, что не состоянии генерировать эту волю. Комментируя вторжение в Ирак, известный британский генерал назвал страны, решившиеся на такую акцию, «коалицией отчаявшихся»: когда международные институты не работают, приходится действовать на свой страх и риск.

Повторяю, в мире, в котором мы живем, многое изменилось, и он не стал безопаснее. Это обстоятельство, я думаю, и обязывает пересмотреть доминирующее в Совете Безопасности право вето. В принципе, когда в 1945 году оно устанавливалось, предполагалось, что сферой его приложения станет только применение военной силы. Такое условное вето было бы, на мой взгляд, гораздо лучше абсолютного вето. При этом, однако, право вето соблазняет многих, в том числе и нас, американцев, не доверяющих международным институтам. Помимо идеи ограничить право вето, есть и более радикальное предложение — демократизировать Совет Безопасности. Что имеется в виду? Я говорю о ликвидации статуса «постоянного члена» этой уважаемой структуры. Понимаю, впрочем, что у этой идеи будет не слишком много сторонников: нынешние постоянные члены — США, Китай, Франция и другие — едва ли готовы пойти столь далеко. Моя претензия к абсолютному вето состоит в том, что оно совершенно недемократично. Представьте, что вы отстаиваете какую-то позицию, вполне демократически поддерживаемую вашими избирателями, но кто-то в Совете Безопасности ООН перечеркивает ее, опираясь на право абсолютного вето! По-моему, никакого абсолютного вето не должно быть; такой мощный ограничитель нужно разрешить только там, где речь идет о применении военной силы. А в тех случаях, когда возникают какие-то «обыкновенные» опасности или угрозы, а также там, где необходимо оказать противодействие диктатурам, достаточно просто руководствоваться соотношением голосов «за» и «против».

Но тут сразу возникает вопрос, каким образом новая система будет устроена. Многие утверждают, что такое решение было бы несправедливым. Но ведь структура Совета Безопасности уже сегодня несправедлива, потому что предполагает наличие стран, которые обладают большей властью, чем все остальные страны. Почему ключевые проблемы нынешнего мира должны решать всего лишь пять стран? Мне кажется, голосование в ООН есть привилегия, а не право, поэтому только те государства, правительства которых по-настоящему подотчетны своим народам, должны иметь право выносить решения по военным вопросам вопреки воле других стран. Сработает ли такая идея или нет? Возможно, сработает, потому что ничего другого не остается. Хотя, разумеется, пять постоянных членов Совета Безопасности должны договориться между собой, чтобы реформа состоялась. Но если они не смогут найти общий язык, альтернатива будет заключаться в том, что ООН, как мне кажется, просто прекратит свое существование за ненадобностью, подобно существовавшей когда-то Лиге Наций. Она не сможет поддерживать мир, то есть делать то дело, ради которого когда-то создавалась.

Страны мира просто перестанут запрашивать санкцию ООН на проведение миротворческих операций в том или ином регионе земного шара. Премьер-министр Австралии Ховард, которого трудно заподозрить в особой любви к Соединенным Штатам, высказал не так давно важную мысль. Он сказал, что если даже мировое сообщество бессильно в отношении проблем наподобие возникших в Руанде, Сомали или Косово, то отдельные мировые игроки все равно не должны позволять себе терять мяч — он использовал эту спортивную аналогию. Если австралийский

политик так рассуждает, то американцы тем более мыслят в том же русле. А что происходит во всем мире? Я изучал мнения на этот счет в Москве, Париже, Брюсселе и везде слышал одно и то же. В XXI веке архитектуру мировой безопасности будущего можно выстроить только на доверии демократических стран. Готов согласиться с тем, что идеологическая борьба между США и Россией отошла в прошлое и нет больше причин для того, чтобы наши страны оставались противниками. Демократические государства должны быть более дружелюбными по отношению друг к другу, и России нужен такой важный союзник, как США. Мне лично не очень нравится, каким образом российская внешняя политика воспринимается сегодня в мире и в Америке.

*Если Совет Безопасности ООН
не начнет функционировать как
эффективный орган поддержания мира,
роль Североатлантического военного блока
неизбежно будет усиливаться*

Теперь несколько слов о том, как в России относятся к НАТО. Подчеркну, я всегда был против расширения НАТО и публично заявлял об этом. Но при этом не могу не признать, что если Совет Безопасности ООН не начнет функционировать как эффективный орган поддержания мира, то в таком случае роль Североатлантического военного блока неизбежно будет усиливаться. Ведь кто-то должен предпринимать какие-то действия. И если ООН недееспособна, то на смену ей придет НАТО или какие-то иные региональные организации — в Латинской Америке, Азии, Африке. В настоящее время даже внутри ООН есть люди, которые призывают к учреждению глобального подобия НАТО, объединяющего все демократические страны мира — от Новой Зеландии до Израиля. Если бы такая организация была создана, она, по моему мнению, немедленно стала бы конкурентом ООН, породив вопрос о том, нужно ли вообще сохранять ООН в ее прежнем виде.

Безопасность и свобода — две сущности, которые всегда конкурируют и состязаются друг с другом в наших умах, поскольку свобода так или иначе предполагает определенную степень риска. Бенджамин Франклин, один из величайших американцев, сказал, что тот, кто согласится обменять свободу на безопасность, не заслуживает ни свободы, ни безопасности.

Нет сомнения, что великие державы всегда будут защищать свои интересы, вне зависимости от НАТО, от Африканского Союза, от ООН, от иных международных организаций. Но я хотел бы жить в таком мире, где ведущие демократии отстаивают свои интересы на какой-то представительной международной трибуне, пытаясь заручиться поддержкой других стран. Это гораздо лучше, нежели говорить: я никому не доверяю и делаю то, что хочу — по праву сильного. Мне кажется, это был бы опасный мир. Великие державы, включая Россию и США, не должны, подобно большим слонам, бегать по планете, пытаясь раздавить каких-то мышей, поскольку, в конце концов, они могут натолкнуться друг на друга. По-моему, это неплохой образ.

*Дмитрий Тренин,
заместитель директора
Московского центра Карнеги*

Внешняя политика имеет значение*

Общим местом стало утверждение, что после 2000 года положение России в мире существенно укрепилось. Мы, как любят повторять, «встали с колен», вновь стали великой державой, заговорили в полный голос во внешнем мире. Причины укрепления российских позиций во внешнем мире очевидны. Многократно (в долларовом исчислении) вырос валовой внутренний продукт, а с ним — и федеральный бюджет. Возросшие доходы позволили расплатиться с внешним государственным долгом и, помимо этого, создать стабилизационный резерв и фонд развития. В 2007 году в страну пришло больше 80 млрд долл. иностранных инвестиций. В политическом плане Кремль обуздал «региональную вольницу», установив «вертикаль власти»; разгромил старый олигархат и восстановил правление госбюрократии; ограничил влияние левых и маргинализировал либералов; «умиротворил», наконец, Чечню.

Парадоксально, но факт: укреплением своих международных позиций Россия менее всего обязана внешней политике. Результаты внешнеполитической деятельности российского руководства за последние восемь лет скорее обескураживают. Одной из важнейших задач, которую ставил Владимир Путин в начале своего президентства, была интеграция России в структуры Западного мира в качестве полноправного члена. Речь шла о реальном сближении с Европейским союзом в рамках «европейского выбора» нашей страны, о вступлении в НАТО и ВТО и о стратегическом партнерстве с США.

Говорилось также об интеграции в СНГ, о едином экономическом пространстве, включающем основные страны Содружества — Россию, Украину, Белоруссию, Казахстан, а также о поясе добрососедства по всему периметру российских границ.

Конечно, в том, что эти цели остались в основном нереализованными, «виновата» не только Москва. В международных отношениях необходимы партнеры. Руководители НАТО отвергли российское ухаживание и вместо этого приняли в состав альянса страны Балтии, Румынию и Болгарию; США отвлеклись от борьбы с

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 29 июля 2008 года.*

терроризмом на войну в Ираке; Европа сосредоточилась на расширении своего союза и его последствиях; в Грузии и на Украине произошли «цветные революции», приведшие к обострению отношений с Москвой; процесс принятия РФ в ВТО оказался более сложным и тернистым, чем это виделось в начале пути.

Справедливо и то, что у российской внешней политики были и явные успехи. Например, реализованное соглашение о российско-китайской границе, завершившее переговорный процесс, тянувшийся с 1964 года. Это самое крупное внешнеполитическое достижение Владимира Путина. Буквально *застолбить* каждый дюйм 3 500-километровой границы в условиях, когда наш сосед становится сильнее и богаче нас, дело не только полезное, но и жизненно важное. К внешнеполитическому позитиву можно отнести и появление Шанхайской организации сотрудничества, созданной хотя и по китайской инициативе, но при активном российском участии. Расширяется сотрудничество с Казахстаном — наиболее реальным партнером РФ в экономической интеграции. Произошло оживление связей Москвы с государствами самых разных регионов — от Ближнего и Среднего Востока до Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Россия получила статус наблюдателя в организации Исламская конференция, вошли в практику встречи в формате Москва — Пекин — Дели и БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Есть результаты активного лоббирования Москвой энергетических проектов — от Центральной Азии до Западной и Южной Европы. Неплохо продается пока и российское оружие.

Но, вообще говоря, основные успехи за рубежом тоже лежат больше в экономической сфере, чем в политической. Идея энергетической сверхдержавы, которая, несмотря на все предостережения, сумела овладеть многими «чисто конкретными» умами, основана на убежденности, что абсолютно все в мире крутится вокруг денег, а самые надежные деньги —

это природные ресурсы: нефть, газ, металлы и т.д. Из этого убеждения вытекает мнение о том, что «кланяться», то есть меняться, чтобы чему-то «соответствовать», не нужно: «сами придут». Не нужно особенно и диалоги разводить: все равно никого не переубедишь, да и ценностей-то по сути никаких нет: одно лицемерие, а в основе всего — деньги, в них вся сила. Есть, конечно, стремление добрать силы за счет «мягких» инструментов: языка, культуры, «имиджевой инженерии» и т.д., но это делается довольно механистично, как вспомогательная операция.

Проблема с внешнеэкономическими успехами России заключается в том, что они основываются на чрезвычайно благоприятной конъюнктуре на энергоносители и в целом — на сырье. Несмотря на все заклинания, диверсификация российской экономики идет медленно. Инновации и остальные «и» президента Медведева — пока в проекте. Если национальные проекты последних лет могут служить точкой отсчета, то ждать прорыва в направлении модернизации особенно не приходится. На примере проблемы коррупции, точнее говоря, повсеместного и всеуровневого воровства, видно, что успешная модернизация потребует смены всей «политэкономии» современного российского капитализма, которая может быть проведена только современно мыслящей элитой, которая в лучшем случае существует в зародышевом состоянии, при поддержке общества, сегодня настолько атомизированного, что невозможно всерьез говорить о наличии в стране нации. Без правового государства, без реальной конкурентной среды в экономике и в политике не удастся не только реализовать заявленные амбиции России, но и гарантировать в долгосрочной перспективе самое ее существование.

Пока же претензия на то, чтобы выступать в роли хранителя международного права, подрывается правовым нигилизмом властей и общества; заявка на интеллектуальное лидерство обесценивается отсутствием серьезных общенацио-

нальных дебатов по важнейшим вопросам и примитивностью официальной телепропаганды; стремление выступать в роли цивилизационного медиатора не подкрепляется минимальной толерантностью и цивилизованностью в повседневной жизни. Более того, есть основания считать, что смысл этих претензий — не в создании всемирно-полезных общественных благ, а в самоутверждении России, ее историческом реванше после «крупнейшей геополитической катастрофы» XX века.

На фоне таких рассуждений внешняя политика почти теряется. Я, однако, постараюсь показать, что она имеет значение. Если это звучит банально, я скажу: внешняя политика может иметь решающее значение. Временами я поддаюсь искушению провести совершенно ненаучную параллель между Российской Федерацией начала XXI столетия и Российской империей начала XX-го: и сегодня и тогда бурно развивающийся капитализм, быстрый экономический рост, огромные ресурсы, авторитарный политический режим, политическая инертность буржуазии, слабость и маргинальность оппозиции. Очевидная потребность в модернизации и неплохие перспективы осуществить ее: как говорилось тогда и слышится сейчас — дайте России 20 лет спокойного развития и России не узнаете. Возможно, что к 30-м годам прошлого века Россия действительно смогла бы стать современным индустриально-аграрным государством, сопоставимым по многим параметрам с Северо-Американскими Соединенными Штатами. Этого, однако, не произошло. Вместо этого появился ГУЛАГ.

Конечно, у империи Романовых была масса проблем и противоречий. Но они не обязательно должны были вылиться в революцию. Тем более в то, что произошло осенью 1917 года. Но эта осень пришла в Россию не сама по себе. Первопричина той действительно крупнейшей российской катастрофы XX века коренилась не столько во внутренней политике царизма, сколько в политике

внешней. В войне, которая началась в августе 1914 года.

Банкротству государства и общества со всеми их чудовищными последствиями для страны предшествовало банкротство российской внешней политики, война, в которую можно было не вступать, но в которую Россия соскользнула. Пресловутый «восточный вопрос», Черноморские проливы, о которых сейчас вспоминают лишь историки, казались в течение почти столетия перед Первой мировой не просто целью, а едва ли не стержнем российской внешней политики.

Банкротами оказались не только Россия, но и все без исключения государства тогдашней Европы. Все заплатили цену. Российская цена оказалась одной из самых высоких. Первая мировая положила конец и успешно развивавшемуся с конца XIX века процессу глобализации. Совсем не глупые люди говорили об «ультракапитализме», не глупые люди говорили, что войны перестали иметь смысл. Эти люди были абсолютно правы — в оценках, но, к сожалению, не в прогнозах. Уровень мировой взаимозависимости экономик, взаимопроникновения и общения элит, достигнутый к лету 1914 года, был во многих отношениях выше, чем сегодняшней. Не было потребности в визах, легче решались вопросы гражданства. Реальностью, тем не менее, стала война, столь же бессмысленная, сколь и беспощадная. Мировая война в двух актах: 1914—1918 и 1939—1945 годов.

Прокрутим ситуацию в 2008-й. Есть Аль-Каида и международный терроризм. Есть развороченный войной Ирак и есть «протоядерный» Иран, а рядом — воюющий Афганистан и нестабильный, «тикающий» ядерный Пакистан. Большинство россиян все это представляется гораздо более далеким, чем американцам или европейцам. Есть еще и Северная Корея с ее перманентным ядерным шантажом и неизбежностью краха последнего сталинистского режима в мире, есть конфликты между Израилем и Палестиной, палестинцами в самой Пале-

стине, есть много других точек — «горячих», тлеющих, просто «теплых».

Несмотря на это многообразие столкновений, великие державы и сообщества — Соединенные Штаты, Китай, Европейский союз, Индия, Россия, Япония, Бразилия — официально не враждуют друг с другом. За исключением российско-американской риторики, даже полемика довольно вялая. Есть «пятерка» Совбеза ООН, есть финансовая «семерка», есть «восьмерка» и есть постоянные партнеры «восьмерки», включающие весь первый эшелон сообщества государств.

Тем не менее правда заключается в том, что в 2000-х годах так же опрометчиво провозглашать «конец истории», как это было в 1990-х или в 1910-х. Соперничество государств сохраняется и даже усиливается. Мировой порядок в очередной раз вступил в турбулентную фазу: не только состав участников «высшей лиги», но также — что важнее — правила игры, нормы и базовые ценности меняются на глазах. В российском руководстве, очевидно, ждут кризиса в Америке, который должен открыть дверь многополярному миру, в котором статус РФ должен повыситься. В США многие из тех, кого раздражает политика России, ждут падения цен на нефть, что должно «приструнить» Москву. Появился спрос на политологические и журналистские изыскания на тему новой холодной войны.

Тем временем между Россией и Грузией идет балансирование на грани реальной войны. Обе стороны вполне сознательно провоцируют столкновение. Еще большая опасность подстерегает не только Россию, но и Европу, на Украине. Если Грузию может стать полем сравнительно периферийной войны, то Украина предвещает потенциально наиболее серьезный конфликт в Европе после окончания югославских войн. По моему ощущению,

машина конфликта надвигается на нас быстрее, чем еще недавно казалось.

Есть и другие проблемы, например размещение элементов системы противоракетной обороны США в Центральной

Мировой порядок вступил в турбулентную фазу: не только состав участников «высшей лиги», но также — что важнее — правила игры, нормы и базовые ценности меняются на глазах

Европе. Один московский еженедельник, издаваемый влиятельными людьми, отреагировал на подписание американо-чешского соглашения по ПРО заголовком на первой полосе, который гласил: «А теперь встречайте Тополь-М». Есть вполне «авторитетная» — в духе психологической войны — утечка информации в «Известиях» насчет возможности использования дальней авиацией Российской Федерации баз на Кубе. И есть комментарий на эту тему генерала американских ВВС, что это есть переход красной черты.

Военные люди прямодушны. Когда генералы говорят о «красной линии», это не фигура речи: имеется в виду война. И если различные красные черточки будут действительно перейдены — на Кавказе, в Крыму, на Кубе — ситуация может измениться внезапно и радикально. И это, как сто лет назад, будет иметь фундаментальные последствия для внутренней повестки дня. Из чего для меня следует вполне очевидный вывод: есть все-таки смысл интересоваться внешней политикой! Несколько лет назад, накануне 11 сентября, Генри Киссинджер опубликовал книгу под провокационным названием: «Нужна ли Америке внешняя политика?». Ответ, как известно, прилетел в Нью-Йорк на самолетах. Правильный вопрос — и к Америке, и к России — звучит так: *какая* внешняя политика нам нужна? Это, однако, требует отдельного разговора.

Доверие и солидарность

Борис Дубин,
руководитель отдела социально-политических исследований, «Левада-Центр»

Наталья Зоркая,
ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований,
«Левада-Центр»

За годы, прошедшие после распада СССР, несмотря на все видимые изменения в общественной и политической жизни в России не произошло *отделения государства от общества* (равно как и *общества от государства*), автономизации и структурно-функциональной дифференциации социальных институтов. Образец тоталитарного «общества-государства», не подвергнутый сколько-нибудь существенному переосмыслению и пониманию, как показывают социологические исследования, остался в массовом сознании практически не тронутым сомнением и рефлексией.

Институциональная система, оставшаяся от советских времен, не просто не обеспечивает сегодня — в глазах значительной массы населения — достойного существования, но в очень большой степени выступает фактором произвола, угрозы для повседневной жизни и благополучия людей. Отсюда хроническое недоверие со стороны россиян как большей части социальных институтов в стране (особенно новых, появившихся уже в 1990-е годы), так и большинству окружающих людей. Ограниченность социально-институциональных ресурсов оборачивается стойким дефицитом социального расположения, мотивационной апатией, аномической самоизоляции. Это системная черта нынешнего российского социума как продолжения советского (см. таблицу 1).

Показательно, что за последние два года (судя по опросам Левада-Центра) свой «рейтинг доверия» повысили спецслужбы и подконтрольные президентской власти Дума и Совет Федерации, которые наряду с партиями пользовались до этого весьма низким доверием. Но пиком едва ли не всеобщего доверия россиян выступает фигура первого лица. Однако демонстрируемое доверие, как показывают опросы, не связано непосредственно с эффективностью деятельности президента. В качестве важнейших проблем, которые В. Путину и его команде не удалось решить, люди по-прежнему называют социальную незащищенность населения, коррупцию чиновничества, межнациональную напряженность, милицейский произвол, дорожающую медицину, ухудшающуюся экологию и пр. При этом что отношение к власти в России по традиции персонифицировано, речь в данном случае идет не о конкретном чиновнике на государственной службе, а о его месте в воображаемой и привычной конструкции власти и общества.

Таблица 1

В какой мере, на ваш взгляд, заслуживают доверия такие институты, как ...? (в % к числу опрошенных)

	<i>Полное доверие</i>	<i>Частичное доверие</i>	<i>Отсутствие доверия</i>
Президент	71	15	4
Церковь	40	25	10
Армия	37	33	12
ФСБ	32	29	12
Правительство	30	39	13
СМИ	28	40	18
Областные/ республиканские власти	28	34	25
Местные власти	24	33	30
Государственная дума	24	44	17
Совет Федерации	20	37	13
Прокуратура	17	33	21
Суд	15	35	25
Милиция	15	37	32
Профсоюзы	12	25	30
Политические партии	10	37	33

2008 г., март, N=2100; затруднившиеся с ответом не приводятся

Это означает, что понятие доверия в российском социуме наполнено совсем иным содержанием, чем в развитых обществах, называемых современными. Там в «системном доверии» (по выражению современного немецкого социолога Никласа Лумана) социологи видят механизм согласования друг с другом нормативных ожиданий индивида в отношении различных дифференцированных институтов, в которые он включен, на которые так или иначе рассчитывает и в эффективности работы которых он либо имел возможность убедиться сам, либо принял их авторитетную оценку значимыми для него другими людьми. Доверие в таких случаях подкрепляется деятельностью институтов, но в принципиальном, логическом смысле предшествует включенности в них, формальным взаимоотношениям в их рамках, планированию и расчету. То есть, иначе говоря, индивид доверяет *системе*, в которую встраивается по мере социализации, вкладывает собственные усилия в ее поддержание и потому, далее, с достаточной для него частотой убеждается в обоснованности своего исходного доверия. Со стороны институтов при этом коррелятивным «доверию» выступает *ответственность*. Это еще одна важная характеристика социальной жизни современных обществ, которая фиксирует обобщенные универсалистские основания социального взаимодействия и социальной солидарности. Социум без системы институционализированного доверия и ответственности приходится, в данной логике рассуждений, характеризовать как не-, вне- или домодерный. В этом смысле доверие — выражение свободы индивида, его самостоятельности в выборе

и поддержании социальных связей. Отсюда понятен крайне высокий, невероятный для российского сознания уровень нынешнего доверия граждан, скажем, США или ФРГ, Великобритании или Франции к полиции и суду, политическим партиям, профсоюзам, органам печати, общественным организациям: доверие им выказывают в этих странах от половины до трех четвертей населения, а в некоторых случаях даже больше.

Принципиально иная ситуация в сегодняшней России. Обратим внимание (таблица 1), что доверие первому лицу, армии и РПЦ относится к таким системам отношений, где от индивида практически ничего не зависит. Именно такую интегральную оценку своего места в сложившемся социально-политическом порядке поддерживают сегодня три четверти россиян и более: 72%, по данным опроса в 2007 году, признаются, что не могут влиять на принятие государственных решений, 80% — что не в силах влиять на политическую и экономическую жизнь страны. Таким образом, в российском обиходе «доверие» чаще всего означает, с одной стороны, привычное, можно сказать, архаичное представление о «правильном» социальном порядке как иерархическом и безусловном, не обсуждаемом и неизменном — символами такого вообразяемого порядка и выступают армия и РПЦ. А с другой стороны, доверие отсылает к персонифицированному и, опять-таки, не имеющему альтернатив воплощению сверхвласти. На подобную экстраординарную фигуру никому не подначального первого лица (оно здесь выглядит как единственный и абсолютный суверен) перекладываются коллективные ожидания, которые сами индивиды не в силах реализовать. Это компенсаторная инстанция разгрузки, освобождения от собственного участия, от неизбежных в этом случае риска, трудностей, просчетов, потерь, необходимости отвечать за сделанное и несделанное. Иными словами, образы и фигуры коллективного доверия в нынешней России олицетворяют привычную для россиян тактику ускользания от взаимности, обязательств и подотчетности, тактику неполного присутствия или даже полного алиби по отношению к происходящему, а далее и к произошедшему, к прошлому.

В описанной выше картине повседневных социальных и культурных коммуникаций в российском социуме важна социально-психологическая, эмоциональная составляющая мнений и поведенческих характеристик, которая выражает господствующее в обществе состояние апатии, недоверия и разочарования в «другом» человеке, в обобщенном «ближнем». Всплески недовольства, великодержавной агрессии, направленной против не только «своих чужих», но и «чужого мира» (Америки и Запада, где как раз, по мнению подавляющего большинства россиян, жизнь человека наиболее защищена устройством общества, правом, наиболее благополучна, безопасна), представляющие низовые настроения, но широко представленные в последние годы на всех каналах массовых коммуникаций, свидетельствуют о процессах социальной аномизации общества. В сфере социальной активности, повседневного общения, досуга неготовность или неспособность к социально-активным его формам объясняется значительной частью опрошенных не только недостатком средств и неразвито-

стью соответствующих инфраструктур, но и «общей усталостью, отсутствием настроения».

Среди возможных «барьеров» на пути людей к самоорганизации, объединению своих усилий ради общих интересов и целей на третьем месте по частоте упоминаний стоит обычно объяснение «большинство людей устали, “замотаны”», «не хватает сил и свободного времени». Причем это объяснение дается заметно чаще среднего москвичами, хотя именно жители столицы в начале 1990 годов представляли наиболее демократичный и либеральный полюс общественного мнения.

Тот факт, что в мегаполисах (в самом образованном и квалифицированном слое населения) просматривается не менее, а иногда и более острая, чем на периферии, реакция на разрушение привычного уклада жизни «советского человека» с его уравнилельным коллективизмом и заниженными притязаниями, свидетельствует о сильнейших ценностных дефицитах в самой «современной» городской среде, а значит, и о слабости, дефиците гражданского потенциала общества. То, что именно москвичи в большинстве своем считают, что за последние 5 лет в российском обществе стало больше порядка, допустимо трактовать, как чисто адаптивную, антимодернизационную реакцию на авторитаризм, подавление публичности, госкапитализм, привыкание к этой сравнительно новой ситуации.

Подавляющее большинство опрошенных (см. таблицу 2), оценивая минувшие пять лет, полагают, что в обществе стало меньше солидарности, гражданской активности, взаимного доверия и справедливости.

Таблица 2

**Как вы считаете, за последние пять лет
в российском обществе стало больше или меньше...? (в % по столбцу)**

	<i>Определенно больше / скорее больше</i>	<i>Скорее меньше / определенно меньше</i>	<i>Затруднились ответить</i>
свободы	65	21	14
справедливости	26	64	10
солидарности между людьми	22	69	10
взаимного доверия	15	74	11
гражданской активности	26	59	15

2008 г., июнь, N=1601

Как видим, большинство при этом считает, что свободы стало больше. Но это «чужая свобода» (иногда опрошенные прямо называют это свободой чиновников злоупотреблять своими возможностями, то есть — «произволом»). В лучшем случае это «свобода от» — прежде всего негативная свобода от тотального контроля, от сознания поднадзорных. Характерна общая конфигурация массовых представлений о свободе (см. таблицу 3).

Таблица 3

С чем в вашем представлении прежде всего связывается слово «свобода»?
(в % к опрошенным, ответы ранжированы)

Возможность свободно передвигаться и жить в любом месте в стране и за ее пределами	40
Возможность критики власти на всех уровнях	36
Возможность делать все, что хочу, кроме нанесения вреда другим людям	34
Ограничение произвола государства и чиновников разного уровня	31
Возможность беспрепятственно выступать в средствах массовой информации и на демонстрациях, проводить мероприятия в поддержку или против тех или иных политических сил	28
Возможность объединяться в общественные и политические организации в соответствии со своими интересами без вмешательства государства в дела этих организаций	26
Возможность исповедовать любую религию	23
Затрудняюсь ответить	6

2008 г., июнь, N=1601 человек

Полученная (или свалившаяся «сверху») свобода не стала конструктивной «своей свободой», полем реализации собственных желаний, стремлений, планов, интересов. При этом более трети опрошенных, согласно июньскому опросу, согласны с мнением, что можно отказаться от свободы слова и других гражданских прав, а категорически несогласных с этим только четверть опрошенных (чаще это молодые, образованные, жители столицы и крупных городов).

Общее мнение склоняется к тому, что «все, что происходит сейчас в стране, идет на пользу небольшой группе людей, озабоченных только своими интересами» (так считают 56% опрошенных, среди людей старшего возраста — 63%). Другого мнения — «на пользу большинства населения» — придерживается группа вдвое меньше опрошенных (28%), среди которых заметно громче звучат голоса молодых (35% в сравнении с 23% пожилых).

В общем контексте доминирующих в общественном мнении представлений — «разрушения» солидарности, утраты взаимного доверия, господства произвола, а не закона, отсутствия «порядка» — очевидно, что в понимании «свободы» явно доминирует не представление о ней как ценности гражданского общества, как индивидуальной свободы и ответственности, а восприятие свободы как произвола или «анархии». «Для себя» эта свобода ценится как неподначальность, освобождение от контроля и присмотра, «для других» расценивается скорее негативно, а спасение от нее видится в «сильной руке». Примечательно, что реставрация авторитарного режима 2000-х годов воспринимается значительной частью населения именно как укрепление законности и по-

рядка, то есть наличествует немалая готовность — при общем недоверии к власти — воспринимать ужесточение государственного режима как «общественное благо». А это значит, что власть для россиян (особенно явно это становится именно в условиях, которые население квалифицирует как «хаос» и «разброд») равнозначна сильной и централизованной власти, государственному единодержавию (см. таблицу 4).

Таким образом, жизненная стратегия россиян консервирует сложившиеся формы взаимодействия массы и власти, так что констатация коррумпированности и беспорядка лишь выступает частью адаптивной стратегии приспособления и выживания. Если отчасти верно, что россияне не доверяют большинству социальных институтов, потому что те плохо работают, то не менее справедливо и обратное заключение: институты работают плохо потому, что россияне ничего не делают для их улучшения, предпочитая улаживать свои дела в частном порядке и в обход закона.

При этом изменения последних пяти лет в области свободы, справедливости, солидарности между людьми, порядка и закона, возможностей проявлять активность более позитивно оцениваются, в основном, представителями двух подгрупп населения — самыми молодыми (с их тесным кругом «своих») и более обеспеченными респондентами, у которых хватает денег на приобретение товаров длительного пользования. К ним в ряде случаев, как ни парадоксально, близки и оценки сельских жителей, то есть более традиционалистски настроенных слоев, которые, однако, более непосредственно чувствуют и свободу от всякого начальства, и взаимосвязь с близкими, и возможность влиять на окружающую жизнь малой общины. Однако все группы без исключения констатируют, что взаимного доверия между людьми за последние годы стало меньше.

Таблица 4

Бывают ли такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука»?

	1989	1994	1995	1996	2006	2007	2008
Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»	25	35	33	37	42	45	43
Бывают такие ситуации (например, сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках	16		27	32	31	29	29
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека	44	23	24	18	20	18	18
Затруднились ответить	16	18	15	13	8	8	10
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>3000</i>	<i>3000</i>	<i>2500</i>	<i>1600</i>	<i>1600</i>	<i>1500</i>

*Эмиль Паун,
директор Центра
этнополитических
и региональных исследований,
профессор ГУ-Высшая школа
экономики*

Мифология культурной предопределенности авторитаризма в России

Миф как вымысел

Ключевое в названии этой статьи слово «мифология» весьма многомерное. Я использую только одно из его значений: воспроизведение недостоверного знания, вымыслов, легенд, слухов, или подмена научных определений метафорами, поэтическими образами. Именно такими мифами обросла проблематика социально-культурной обусловленности исторического развития России, которая все чаще трактуется в духе исторического фатализма — роковой предопределенности некоего «особого пути», заданного особой же русской, или евразийской цивилизацией.

К моему удивлению, подобные же мифы появились и на Западе, после пятидневной войны на Кавказе (август 2008), до смерти напугавшей какую-то часть интеллектуалов образом возродившейся, агрессивной российской империи*. В немалой мере эти страхи были порождены западными СМИ, на редкость неадекватно отображавшими эту войну и демонизировавшими образ России. К счастью, представления о неизменности агрессивного, имперского менталитета русских в мировой аналитике можно назвать скорее маргинальными, чем массовыми. Они больше характерны скорее для отставных дипломатов и журналистов, весьма пожилых людей, еще не полностью изживших страхи времен холодной войны. В России же представления об особом (разумеется, в положительном смысле) культурном типе страны и ее особом же пути к мировому величию стали ныне доминирующими.

У России, как, впрочем, и у любой другой страны, бесспорно, есть множество особенностей, связанных с ее историей и культурой. Однако эти особенности, зачастую становятся предметом интеллектуальных спекуляций. Именно такой спекулятивный характер, на мой взгляд, имеет концепция «особой цивилизации», обуславливающая и «особый путь» и «особую демократию» России. С середины 1990-х эти идеи стали приобретать все большую популярность как результат обманутых ожиданий и оскорбленного нацио-

* См, например, Кристофер Мейер. *Европа: вперед в прошлое* ("The Times", Великобритания) 03 сентября 2008. Опубликовано на сайте ИноСМИ.

Ru <http://www.inosmi.ru/translation/243733.html>

нального достоинства. В частности, это нашло отражение в цикле телевизионных передач А. Кончаловского под общим названием: «Культура — это судьба». А затем получило широкое распространение в российской политике, превратившись в теоретическую опору главной кремлевской идеологической доктрины особой же «суверенной демократии»*. Ведь если есть особая демократия, то должна быть и особая культура, как ее оправдание. «Культура — это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами», — это уже из лекции В. Суркова в Президиуме РАН в июне 2006 года**. В ней отмечается, что культура определяет **вечные** особенности политического строя. В российском случае это централизованная, персоналистская власть, где персоны важнее институтов, неформальные нормы важнее правовых.

Кремлевская канонизация идеи особой тысячелетней цивилизации, предопределяющей «особый путь» России, постепенно возводит ее в ранг официального «единственно верного учения». М. Юрьев так определяет ее основную задачу: подготовить «идеологическое обеспечение изоляционизма путем создания непреодолимых цивилизационных различий»***. Примерно в том же признается и М. Леонтьев: «Россия не может не быть самостоятельным проектом. Это не вопрос дискуссии для нас, это вопрос целеполагания»****. Такое целевое использование культурных особенностей как запретительной идеи совсем не новый прием. Им не раз пользовались во многих странах в условиях реставрации авторитарной власти, после революционных потрясений или других крупных социально-политических сдвигов. «Особая миссия немец-

кой расы», «особая цивилизация», «особый дух нации» помогали фюреру гнать немцев на восток. Об особой испанской цивилизации любил размышлять каудильо Франко. И, кстати, не только он: во Франции от Наполеона до де Голля говорили, что за Пиренеями Европа кончается. В Чили диктатор Пиночет тоже любил размышлять об особом чилийском духе и необходимости железной руки. Всякий раз, когда я слышу от политиков про эту «особенность духа» и предопределенность истории, я точно знаю ее политическую направленность. Это значит: «Не ходите, дети, сами — ждите поводыря».

Впрочем, дело не только в политической ангажированности этой проблемы. На мой взгляд, существуют и национально-исторические особенности, которые обусловили нынешний рост интереса к проблеме культурной специфичности России.

Не колея, а распустье.

Не матрица — маятник

В понимании этих особенностей многое дает анализ радикальной смены парадигм отношения к истории и культуре. Ведь господствующая ныне идея культурно-исторического фатализма пришла на смену прямо противоположному подходу — ультра конструктивистскому («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»), полностью отрицавшему как влияние исторического пути, так и влияние социокультурных традиций. Само это шарханье из крайности в крайность чрезвычайно симптоматично — оно и отражает одну из существенных особенностей российской культурной специфики, которая прин-

* См.: В. Сурков. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма. Ч. 1–2. — Москва, февраль 2006 года [<http://surkov.info/publ/4-1-0-13>].

** В. Сурков. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. — Москва, Президиум РАН. 8 июня 2007 года [<http://surkov.info/publ/4-1-0-55>].

*** Юрьев М. Крепость Россия: Прощание с либерализмом: Сборник статей. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — С. 59.

**** М. Леонтьев. Наша страна самостоятельный проект // Россия. 2003. 31 марта.

ципиально не похожа на образ жесткой колеи.

Вообще для русской традиции характерна не колея, а другой прямо противоположный образ — распустье. Колея сама ведет, а распустье создает неопределенность выбора. В русском эпосе витязи стояли на распустье и мучились выбором направления. Н.В. Гоголь вопрошал: «Русь, куда ж несешься ты?» Не получил ответа. Ивану Сусанину неопределенность пути помогла погубить врагов-захватчиков, но еще чаще властвующие поводыри свой народ заводили в тупики. И власть-то всегда была двуглавой — одна голова смотрела налево, другая направо. Далеки от предопределенности и другие традиционные образы российского пути — распутица и бездорожье. Эти образы хорошо отражают не только особенность отечественного климата и ландшафта, но и метания России из одной стороны в другую, от революций к реакции, от реформ к контрреформам. Все это мало похоже на накатанную колею. Так обычно движутся страны, нащупывающие свой путь.

Совсем не применим к русской традиции популярный ныне образ «культурной матрицы». Россия — антиматрица, это социокультурные качели или маятник с громадной амплитудой колебания ценностей. Они быстро меняются и чаще всего в форме инверсии, то есть смены оценок на противоположные. Царь-освободитель становится царем тираном. Образ перемен как надежды сменяется их образом как хаоса. Эта «Русская система» легко воспринимает инновации, будь то коммунизм, хеллоуин или праздник святого Патрика, но столь же легко с ними расстается. Еще в 1990 году 3/4 населения в стране признавало социализм единственно возможной формой политического строя, а к Западу относилось настороженно, а уже в 1991-м (всего лишь за один год) СМИ удается перестроить массовое сознание на противоположную волну, и уже 3/4 населения поддер-

живает идею «социализм завел нас в тупик», а «Запад — это модель для подражания». Еще через три года новая инверсия: «социализм не так плох, а западная модель не подходит для России». Начало 2000-х — и еще одна доктрина как ластик стирает в массовом сознании следы предыдущей: «Нет возврату к социализму — нет пути на Запад!». Однако маятник не компьютер — не зависает, он снова готов к колебаниям. Если на основании социологических исследований мне кто-нибудь скажет, что действительно точка невозврата к социализму уже пройдена, то я просто рассмеюсь. В нынешних условиях уже нет плохих «измов», может быть лишь мало денег на их продвижение.

Я еще вернусь к объяснению природы этого маятника, а пока скажу, что в целом понимание культурной специфики сильно затруднено тем, что популярные термины «культурный код», «цивилизационная матрица», «национальные архетипы» используются как метафоры, поэтические образы, как правило, без объяснения их природы и механизма действия.

Этот не страшный «культурный код»

Как этнолог по образованию и политический антрополог по роду деятельности я, разумеется, не отрицаю свой собственный предмет — этнические и регионально-цивилизационные особенности культуры. Есть в ней и явления, которые могут быть названы культурным кодом. Лучшим примером этого может служить национальный язык, понятный «своим» и непонятный «чужим». Однако этот код изменяется, вбирая в себя другие коды, и уж точно он не ставит преград для выбора политического пути.

Не так страшен культурный код, как его малюют, и не только российский, строгость которого, как известно, смягчается необязательностью его исполнения. Один и тот же народ, сохра-

няющий множество своих культурных особенностей, но разделенный границами, может строить совершенно разные политические системы (например, корейцы севера и юга), а разные народы создают однотипные режимы, например социализм. И коды этому не мешают, а лишь привносят некоторое своеобразие в однотипные политические конструкции.

Далее, нет подтверждений распространенному мнению о неизменности этих самых кодов, скажем, применительно к ценности коллективизма. Экономист Светлана Кирдина, например, в своей книге «Институциональные матрицы и развитие России» теоретически вывела два основных цивилизационных типа — восточный и западный, которые якобы навечно сохраняют свои особенности. В первом — коллективистские ценности «Мы» господствуют над индивидуалистическими «Я», а во втором, наоборот, «Я» над «Мы». По этой логике немцы в Германии 1930-х годов были восточным народом, поскольку жили по принципу: «Государство — все, человек — ничто», а сегодня стали европейским. Германия ныне является оплотом европейского либерализма, с его опорой на личность, включенную в добровольные ассоциации. Тогда же в 30-е германское общество было самым милитаризованным по характеру массового сознания, а ныне превратилось в одно из самых миролюбивых. Такая же метаморфоза, хотя и за более длительное время, произошла и с массовым сознанием скандинавских народов: потомки некогда грозных викингсов сейчас один из самых тишайших народов мира.

Но, пожалуй, самые радикальные перемены «культурного кода» демонстрирует современный Китай. Эта страна веками отгораживалась от «чуждых» влияний не только Великой стеной, но и совокупностью традиционных ценностей, ставивших барьер для заимствований. Сегодня же Китай превратился в мировой копировальный станок. Подчеркну, что во многом эти перемены стали ре-

зультатом целенаправленных усилий в осуществлении проекта модернизации страны. В 1978 году Ден Сяопин выдвинул лозунг, определяющий отношение Китая к Западу: «Прежде чем догнать и перегнать, нужно понять и перенять его опыт». И получилось. Все сошло с рук архитектору китайского экономического чуда. Культурный код его не наказал.

Как передается традиция

Наиболее искаженными, на мой взгляд, сегодня являются представления о традициях. Этим термином зачастую обозначают любое повторяющееся явление. Не удивлюсь, если услышу от журналиста такую фразу: «В Москве перед Новым годом по традиции выпал снег». Между тем традиция — это явление культурное, не имеющее отношения к таким повторяющимся явлениям, как смена времен года или дня и ночи. Не по традиции млекопитающие выкармливают детенышей молоком, а рыбы мечут икру. Да и не все повторяющиеся поведенческие стереотипы в человеческом сообществе могут быть определены как традиции.

Понятие «традиция» (от лат. *traditio*) восходит к глаголу *tradere*, означаемому «передавать». Первоначально это слово использовалось в буквальном значении, древние римляне применяли его, когда речь шла о необходимости вручить кому-то некий предмет или передать дочь в дом мужа. Со временем этот термин чаще использовали для обозначения передачи нематериальных явлений — умений, навыков, преданий, обычаев. Границы семантического поля понятия традиции исторически менялись, но во все времена они жестко указывали на основное качественное отличие всего того, что можно подвести под это понятие: традиция — *это то, что было передано кем-то извне*.

В социологии и в антропологии под традицией понимают межпоколенную передачу культурных норм, стандарти-

Юрай Мелич. Без вини. 1986

зированных образцов поведения, идей и ценностей, которым должны следовать члены некоего сообщества. Традиция служит одной из форм социального нормирования и является предписанием, которое предыдущие поколения оставляют своим потомкам, и в этом качестве она определяет легитимность действий членов сообщества в тех или иных ситуациях. Из определения понятно, что не всякий устойчивый стереотип поведения может быть назван традицией. Если люди зимой кутаются, а летом снимают с себя лишние одежды, это не традиция, но *ситуативное приспособление к среде*, а вот что именно следует надевать зимой и до какой степени позволительно оголяться летом — это предписывает традиция.

Как передается традиция? Это важнейший вопрос, внимание к нему могло бы предотвратить появление множества мифов о бесконечности традиций, их естественности. Традиции не передаются по воздуху как грипп, для их передачи необходимы институты, выступающие носителями, хранителями, а главное контролерами соблюдения традиционных предписаний. Социальный контроль использует моральные поощрения при соблюдении традиций и моральные санкции за их нарушение.

Опыт этнических сообществ, умудрившихся сохранять веками свое этническое самосознание и некий комплекс культурных особенностей несмотря на неблагоприятные условия утраты государственности, рассеяния по миру, указывает на важнейшие условия, обеспечивающие трансляцию именно этнических традиций, — это наличие территориально-контактной среды, хотя бы минимально структурированной и институционализированной. Важнейшую роль среди таких институтов играют религиозные общины. Евреи, рассеянные по миру, веками сохраняли свою этническую самобытность прежде всего благодаря роли синагоги, что в переводе с греческого означает община (действительно, это прежде всего община, а уже

затем молельный дом). В современной Европе этническая специфика, традиционные институты и ценности традиций в наибольшей мере сохраняются в странах с высоким общественным влиянием церкви и устойчивостью их паствы. Это прежде всего Греция, Португалия, Испания, Ирландия. Важную роль в воспроизводстве культурных традиций играют соседские общины. Недавно я слышал такую фразу: «Немцы — это вам не русские, немцы шурупы молотком не забивают, они их ввинчивают». Может быть, и так, только не все немцы. В Германию в 1990 годы прибыли десятки тысяч немцев из Казахстана, России и других постсоветских государств. Значительная часть этих людей обращалась с шурупами точно так же, как их казахские или русские соседи и коллеги, но постепенно освоили традиционный способ обращения с этими предметами, прежде всего потому, что в Германии в значительной мере сохранились традиционные механизмы социальной регуляции. Наши бывшие соотечественники, переехавшие на жительство в эту страну, труднее всего привыкают не к законам, а к неформальному контролю. Например, к тому, что соседи постоянно напоминают им, что должно и чего нельзя делать в доме или на улице.

Неформальными объединениями, как новыми, так и традиционными, в современной Германии охвачено около 60% взрослого населения. Об этом свидетельствуют материалы «Европейского социального исследования» (ESS), проведенного в 24 странах (2004–2005 гг.) и 27 странах в 2006–2007 гг. Они указывают на разный уровень охвата населения неформальными объединениями в странах Европы. Наиболее высокий охват характерен для стран Северной Европы (Дания, Швеция, Норвегия и Финляндия) — свыше 69% взрослого населения. В Западной Европе этот показатель несколько ниже — 50–60 процентов, в то время как в посткоммунистических странах Европы охват населения обще-

ственными организациям в 3–6 раз ниже, чем в других странах Европы*.

Крупный социолог Зигмунд Бауман пришел к выводу, что общество обречено на умирание, на полный коллапс социально-нормативной системы, если отмирание традиционных институтов коллективности не восполняется новыми институтами неформального общения, взаимопомощи и социального контроля**. И такое замещение или совмещение нового и старого происходит в большинстве стран Западной Европы. Новые институты наращиваются на традиционные и зачастую строятся по культурно-психологическим образцам, характерным для традиционных. В России же традиционная институциональная среда почти полностью разрушена, а новая не создана, и уже сам этот факт ставит под сомнение возможность осуществления механизмов социального контроля.

Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится — ведь свыше 87% православных верующих не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически — по случаю и какую придется. Еще недавно в наших городах были дворы, в которых пенсионеры, играя в домино, все же приглядывали за соседями, а бабушки, сидящие на лавочках перед парадным, судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля, действующего по принципу: «Что люди скажут?». Сегодня и этого нет. А родственные отношения? Их разрушение в российской и прежде всего в русской среде в больших городах — общепризнанный факт. В таких условиях представление о российском обществе как

коллективистском, соборном и общинном — это миф. Напротив, сегодня это одно из наиболее атомизированных обществ. Это признают большинство экспертов, по крайней мере в академической среде. Менее освоено следствие из этого факта: атомизация общества ухудшает условия трансляции социокультурных, этнических традиций.

Традиции и квазитрадиции

Но если в России произошла такая закупорка механизмов трансляции традиционной культуры, то как же тогда объяснить историческую повторяемость однотипных коллизий и так называемую традиционализацию, о которой сегодня пишут как о несомненном признаке современной России? Как трактовать, например, такой исторически устойчивый стереотип поведения, как массовое неисполнение законов? Описание этого явления Салтыковым-Щедриным еще в XIX веке можно назвать фотографией сегодняшнего времени. Герцен прямо указал на эту особенность как на этнически русскую. Напомню известное его высказывание: «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; совершенно так же поступает и правительство». Однако при всем уважении к этому мыслителю замечу, что ни он, ни многочисленные эксперты, цитировавшие это высказывание сотни, если не тысячи раз, не проводили сравнительных исследований и вряд ли могли бы сказать, по сравнению с какими странами и народами эта черта российской жизни является особенной.

Такие кросскультурные исследования с использованием социологических опросов и социально-психологических

* О. Куценко. *Классы в перспективе дилеммы «универсализм-индивидуализм» // Украинское общество в европейском контексте. Под ред. Е. Головахи, С. Макеева. — Киев: Институт социологии НАНУ, 2007. — С.135.*

** См.: З. Бауман. *Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002.*

тестов начались совсем недавно, и они дают удивительные, на первый взгляд, результаты. Уже упоминавшиеся материалы «Европейского социального исследования» показывают: граждане всех бывших социалистических стран очень сходны между собой и в то же время кардинально отличаются от других европейцев — прежде всего наименьшей готовностью уважать законы и, что наиболее примечательно, наибольшей склонностью оправдать возможность его нарушения. Я еще буду обращаться к материалам этого сенсационного исследования (кстати говоря, единственного гуманитарного, получившего престижную премию имени Декарта за всю историю ее существования). Пока же отмечу, что во многих обследованных посткоммунистических государствах неуважение к закону нельзя даже гипотетически отнести к традиции, поскольку оно сложилось за время жизни всего лишь одного поколения, попавшего в жернова тоталитарной системы. Ее влияние объяснимо. Если порядок обеспечивается не в результате интeриоризации (усвоения личностью) правовых норм, а насильно, путем вмешательства власти, то подобное сугубо принудительное подчинение закону неминуемо приводит людей к отчуждению и от закона, и от власти. В таких случаях строгость не только российского или советского, но и чешского, польского, венгерского и других законов смягчалась необязательностью его исполнения. Такая отчужденность не является следствием традиций, она продукт ситуативного приспособления людей к однотипным условиям жизни. Такую адаптацию я называю квазитрадицией, или явлением, кажущимся традицией. Ее примером может служить «штурмовщина» в советские времена. Сотни раз слышал, как неритмичную работу предприятий по сезону связывают у нас с особенностями российских природных условий, с традицией чередования активности сельских жителей — бурной летом и затухающей в длительный зим-

ний период. Но мы уже более полувека живем в урбанизированной стране, поэтому штурмовщина не имела ничего общего с сельским образом жизни. Она скорее отражала фундаментальную особенность социалистического хозяйства как экономики хронического дефицита, порождавшего «недозавозы» и «недопоставки» большую часть года и неотвратимую как рок необходимость «освоить фонды» к его концу. Именно поэтому такая квазитрадиция в советское время проявлялась в равной мере в регионах с разным климатом — в Эстонии и в Туркмении, в ГДР и в Монголии.

На Запад к праву или на Восток к традиции?

Хочу отметить, что процесс отчуждения от авторитарной власти в обществах, сохраняющих значительные элементы традиционной организации, приводит к совершенно иным последствиям, чем в обществах с разрушенными институтами. Например, в республиках Северного Кавказа отчуждение от официальной власти и от ее законов замещается ростом влияния неформальных, традиционных институтов — родственных, земляческих и религиозных. На большей же части территории России этого не происходит. В традиционных обществах отчуждение от формальной социальной среды усиливает необходимость роста доверия к «своей» ближайшей среде. В ней деловые отношения обходятся без квитанций и расписок, при этом нет и обмана. В детрадиционализированных же — и «своя» среда становится чужой. По итогам Европейского исследования, для России и Украины характерен самый низкий уровень доверия населения к ближайшей среде: свыше половины опрошенных с подозрением относятся даже к своим близким знакомым, подчеркивая в анкете подказку: «большинство будет стараться вести себя нечестно». В таких условиях деловые отношения гарантируются только страхом

получить пулю в лоб. Между тем даже в криминальной среде отношения, основанные только на страхе, считаются неустойчивыми, излишне рискованными. Даже в среде уголовников принято жить «по понятиям», то есть по неким этическим нормам, пусть и весьма специфического характера, а нарушение таких норм-традиций считают аномалией, «беспределом».

Мне часто приходилось слышать такие рассуждения: «Западная модель модернизации, основанная на правовых формальных институтах, не подходит для России с ее традицией неуважения к закону. Ближе нам опыт Сингапура, в котором авторитарная модернизация дала неплохой результат». Вот уж пальцем в небо. В Сингапуре, как и в других странах Юго-Восточной Азии, авторитарная власть опирается на сохранившиеся традиционные институты, она эксплуатирует традиционные этические нормы: послушание, уважение к старшим, к чести рода, семьи. А на что опереться нашему авторитаризму, если специфика России, во всяком случае подавляющего большинства ее населения и на большей части ее территории, характеризуется как раз слабой сохранностью и малой значимостью традиционных неформальных норм. *В таких условиях нам легче двигаться на Запад к праву, чем на Восток — к традиции.*

От власти авторитета — к власти нормы

Так почему все же Салтыков-Щедрин воспринимается как наш современник? Да потому, что сохраняются фундаментальные черты российских условий жизни, воспроизводящие и специфику культурного кода.

Русская система инерционна, но не традиционна. Несущим каркасом этой системы является господство сырьевой экономики. Как торговала Россия сырьем при Петре I, так и торгует, только вместо леса и пеньки продает нефть

и газ. Проблема «ресурсного проклятия» известна давно: сырьевая экономика уменьшает стимулы к модернизации. Зачем работать, если бананы растут на деревьях, зачем менять отношение к труду и жизненные устои, если можно сносно жить на нефтедоллары. Существует прямая связь между ресурсной экономикой и структурой элит. В России главенствует элита, связанная с ТЭК, и эта элита в наибольшей мере зависит от государства, поэтому она наиболее сервильна по отношению к власти и в наименьшей мере склонна к опоре на гражданское общество. Вот и не может оно прорасти через асфальт российской системы.

Господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих требовало прикрепления населения к территории, а после отмены крепостного права — прикрепления его к власти. И то и другое было связано с социальным оскоплением человека, лишением его гражданской и политической субъектности. Но одновременно происходил и рост безответственности государева человека: «Барин правит — пусть он и отвечает за все. Барин думает, что платит, пусть думает, что я служу. Барин имеет собственность — пусть он ее и охраняет». Как сажали государи воевод и губернаторов «на кормление», так и сажают. Вот и воспроизводятся нравы города Глупова.

Главное же, как не было на Руси общества, способного контролировать государственный аппарат и осознавать свою роль в политической системе, так его и нет. Отсюда гигантские качели инверсии, о которой я говорил выше.

Я утверждаю, что *на переход России от власти авторитета к власти закона цивилизационного запрета нет.* Напротив, культурные традиции в России ослаблены, общество атомизировано, социальные каналы трансляции культурных традиций либо разрушены, либо перекрыты тромбами. Лишенным традиций и собственных ценностей обществом легко манипулировать. Такое общество поддает-

ся иллюзиям, подхватывает мифы и фобии. Формирует оно и собственные фобии, чаще всего националистические. Инерция авторитаризма связана не с культурными традициями общества, а с воспроизводством авторитарной власти. Питательным бульоном для такого воспроизводства выступают средовые условия: привязанность хозяйства к природным ресурсам и сохранение имперских (сугубо иерархических) отношений между

регионами и центром. *Еще более существенным фактором инерции авторитаризма я считаю отсутствие в России важнейшего института для вызревания гражданского самосознания: общества-нации.*

Вообще нация пока редкий гость на земле. Она не сложилась в подавляющем большинстве стран мира.

В арабском мире есть государства, но нет наций, люди больше идентифицируют себя не с государством, а с некой единой надгосударственной арабской нацией, а еще чаще с религией. Эти формы идентификации иногда позволяют людям объединяться, например, для протестов против карикатур в датской газете, но национальная консолидация внутри страны дается плохо, и это в значительной мере сдерживает модернизацию названных государств. В Латинской Америке есть государства, но в большинстве из них также не сложились нации. Образу «Мы» не за что зацепиться — одна религия (католицизм), практически один язык (кроме Бразилии) и разноплеменный этнический состав в каждой стране. В любой из этих стран есть свои национальные сборные команды по футболу и, когда они играют между собой, становится понятно, против кого «Мы». Однако этого основания недостаточно для национальной консолидации. Что из этого вытекает? Об этом говорит известный перуанский экономист Эрнандо де Сото: более 80 раз в странах этого кон-

тинента предпринимались попытки модернизации, которые раз за разом проваливались. Не может быть реализован национальный проект, если он не опирается на поддержку нации.

Нет сомнений в том, что элита будет заинтересована в переходе от власти авторитета к власти нормы, следовательно, рано или поздно станет поддерживать политическую модернизацию

В России есть государство, много веков назад сложился русский этнос, создавший великую культуру и множество национальных символов. Однако в условиях империи не наблюдалась его консолидация на этнической основе. Социологические исследования советского времени показывают, что этническое самосознание русских было слабее, чем у народов других союзных республик. То же показали исследования начала 1990 годов при сравнении русского этнического большинства с другими народами РФ. Но вот с конца 1990-х ситуация изменилась: по темпам роста этнического самосознания русские стали опережать большинство других этнических групп. Последствия этого не однозначны. С одной стороны, весь комплекс социальных проблем все больше приобретает в это время негативную этническую окраску: «Это они, чужие, воруют, скупают квартиры, распространяют наркотики, плодят коррупцию и завозят болезни». С другой стороны, в процессе роста этнического сознания многие русские осваивают идею «Мы должны стать хозяевами страны». Это та же идея народного суверенитета, с которой начиналось становление большинства политических наций.

Может ли этническая консолидация в современной России стать трамплином для формирования политической нации, как в большинстве стран Европы? Подчеркну при этом, что последствия

Маурицио Каттелан. Без названия. 2002

развития наций в две стадии во многих странах были не одинаковыми.

В тех странах, где этнокультурная сплоченность являлась лишь инструментом для последующего объединения людей в решении насущных политических и социальных проблем (ликвидация деспотических режимов, борьба с бедностью, болезнями и др.), происходила интеграция различных этнических и религиозных групп вокруг большинства. В этом случае этническая нация трансформировалась в гражданскую и ускорялся процесс модернизации страны. Так было не только у народов, боровшихся с империей за национальное освобождение, например у голландцев в борьбе с Испанией или у греков — с Османской империей, но и у этносов, составлявших ядро империи. Например, испанцы и турки в XX веке сплывались в противостоянии с внутренними защитниками имперских комплексов.

Но известно и другое развитие событий, когда этнические ценности и цели ста-

новились доминирующими. На такой основе складывалась идеология этнической или расовой исключительности. Это радикальная идеология, соединенная с мифом о мистической предопределенности «особого пути» — миссии избранного народа, расы или цивилизации. Такой выбор, как показывает пример гитлеровской Германии, приводил к трагическим последствиям как для народа, его принявшего, так и для миллионов людей в других странах.

По какому пути пойдет Россия? Если судить по программам и действиям националистических организаций, то большая их часть уже пронизана расизмом. История знает множество примеров движений, объединяемых социальным протестом, но прикрытым этническими или религиозными лозунгами. Вместе с тем такая трансформация была возможна лишь для национальных движений, провозглашавших лозунги борьбы с империей, русские же националистические организации в подавляющем большинстве

выступают сегодня с прямо противоположных позиций — возрождения империи. Такие организации и особенно те политические силы, которые делают на них ставку, рассматривают национализм как антитезу гражданскому обществу и демократии, как инструмент построения государства, в котором нет места реальной гражданской самоорганизации. Все это делает маловероятным сценарий построения политической гражданской нации в России на основе этнического национализма, учитывая, что подавляющее большинство населения не расисты и не националисты, а дезориентированные люди, слабо понимающие причины реальных проблем. Да и мудрено было бы ожидать другого в условиях, когда им со всех сторон вдалбливают идею ментальной, национальной исключительности и предопределенности «особого» пути, да еще и запугивают чуждым влиянием, происками варваров, которые уже разрушили Византию, а сегодня посягают на «Третий Рим».

У меня нет окончательного вывода о возможной роли этнической консолидации в формировании гражданского общества и гражданской нации в нашей стране. Могу лишь сказать, что отсутствие нации создает большие проблемы.

Задача устойчивого развития не реализуема, если не сложилось общество, способное быть хранителем базовых национальных ценностей и выразителем национального (в смысле: общественного) интереса. Истеблишмент может начать реформы, но не может их завершить. Он доводит их только до того состояния, которое соответствует групповым интересам элиты. Все это в России уже не раз было и воспроизводило бесконечный маятник смены реформ и контрреформ. Нужно искать выход из порочного круга, который в действительности не столь уж замкнут. Я перечислил факторы, которые воспроизводят «русскую систему», но ведь это инерционная система, а не вечный двигатель, следовательно, ее ресурс исчерпаем. И как раз в социокультурной сфере это исчерпание уже замет-

но и будет нарастать, прежде всего в связи с убывающей легитимностью всего политического режима.

Власть — уже не от Бога, но и не от выборов. Если во времена Гоголя только отпетые Белинские осмеливались в частной переписке именовать власть «корпорацией служебных воров и грабителей», а во времена Зошенко на это решались люди вроде ээка Шаламова, то во времена Жванецкого такие оценки стали открытыми и расхожими.

Собственность — никогда не была священной на Руси, но не стала и законной. Она воспринимается как ворованная и стимулирует рост представлений о несправедливости распределения богатств.

Отношения внутри элит не легитимированы ни религией, ни законом, ни традицией. Почему «московские» должны признать верховенство «питерских»? Почему одним жирные куски, другим объедки? Признать это элитарные группы не готовы.

У меня нет сомнений в том, что элита, которая не может укрыться за традицией, будет пробиваться к защите закона, будет заинтересована в переходе от власти авторитета к власти нормы, следовательно, рано или поздно станет поддерживать политическую модернизацию. Только радикальным националистическим силам, являющимся одновременно и анти-модернистскими, выгоден в настоящее время принцип: «Чем хуже — тем лучше». Подавляющему же большинству российского общества и практически всей элите предпочтительнее другой вариант развития — большая коалиция социальных сил: «За модернизацию». Она, возможно впервые в истории России, дала бы шанс на длительное стабильное и эволюционное развитие страны.

В любом случае могу сказать, что нынешняя социокультурная обстановка в стране в силу своей неустойчивости и утраты способности к социальному регулированию будет скорее стимулировать перемены, чем сохранение исторической колее.

*Дмитрий Грушевский,
директор Нижневолжского
бюро издательского дома
«Коммерсантъ»
(г. Волгоград)*

В статье рассматривается гипотеза о влиянии особенностей региональной психологии, культуры, ментальных установок и стереотипов поведения на формирование, развитие и устойчивость социально-экономических систем и институтов.

О вертикали, которая живет в головах Институциональная экономика

Проводя тренинги для сотрудников бизнес-структур и некоммерческих организаций (НКО) различных регионов, мы обнаружили закономерность. Если разделить аудиторию на две группы, например европейцев* и граждан РФ, и дать им одинаковое задание, то на принятие одного и того же, причем *правильного*, решения у граждан РФ уходит примерно в 7–10 раз меньше времени, чем у европейцев.

В ходе наблюдений за группами, которые мы проводили в течение 2005 года, были выявлены две принципиально отличающиеся модели принятия решений:

1. Европейцы сначала давали возможность высказаться каждому члену группы, затем дискутировали до тех пор, пока какое-либо решение с поправками и уточнениями не принималось каждым членом группы (в редких случаях — большинством), т.е. до тех пор, пока не были сняты все вопросы и возражения и не оставалось несогласных.

2. Члены российских групп в течение 10–15 минут изучали друг друга. И в тот момент, когда находился человек, готовый предложить решение и нести за него ответственность, группа сообщала о готовности принять решение.

Другими словами, группа европейцев дискутировала до выработки коллективного решения и готовности нести за него коллективную ответственность; группа граждан РФ — до появления лидера, который одновременно становился козлом отпущения**, неся персональную ответственность за принятое решение.

* Под европейцами здесь понимаются граждане стран Западной Европы. Впрочем, аналогичный механизм принятия решений демонстрируют североамериканцы.

** О двойственной природе козла отпущения см.: Пигалев А.И. Козел отпущения // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: Изд-во «АСТ», 2001. — С. 219.

Практика показала, что во втором случае согласие является формальным, принятое решение может быть пересмотрено при смене лидера. Проанализировав приведенную модель поведения, мы сформулировали гипотезу: *устойчивость социально-экономической системы (института) обусловлена способностью участников к выработке, принятию и исполнению коллективного решения*. Можно высказаться и более категорично: только коллективные решения, противоречия которых были сняты коллективной практикой их исполнения, переходят в разряд традиций (институтов).

Для того чтобы уточнить роль и место традиций в институциональной экономике, расскажу притчу.

Однажды утром в Оксфордский университет приехала большая группа руководителей различных университетов мира. Не найдя ректора в его рабочем кабинете, гости отправились на поиски. В итоге к вечеру они обнаружили его в университетском саду. Он сидел на скамейке и безмятежно читал сонеты Шекспира.

— А кто же в это время управлял университетом? — воскликнул один из гостей.

— Традиции, — спокойно ответил ректор...

Наша гипотеза предполагает, что коллективно выработанные решения (или правила игры) нарушаются реже, чем решения, ответственность за принятие которых несет конкретное лицо или институция, вследствие чего непредсказуемость в вышеназванных социально-экономических системах стремится к нулю*.

Гипотеза подтверждается многочисленными фактами в российской политической и экономической истории. Например, голосование за преемника, которого назвал в 2007 году Президент РФ В.В. Путин, обусловлено, по мнению автора, тем, что электорат старается снять неопределенность, т.к. социально-экономический курс, доктринальные документы не были предметом публичных дискуссий, открытого согласования интересов действующих в политическом пространстве групп, институтов, институций и ньюсмейкеров. Российские политические партии и некоммерческие организации создаются не по принципу объединения по поводу разделяемой участниками идеологии, а по принципу объединения вокруг лидера.

Аналогичные ситуации возникают и в российских бизнес-структурах, которые, как правило, находятся в фазе «предпринимательской корпорации» и не перешли в фазу «техноструктуры»**, когда компания управляется не столько владельцем или топ-менеджером, сколько корпоративными правилами/обрядами; в том числе решениями, выработанными в ходе внутрикорпоративных дискуссий.

* Аналогичные выводы о предсказуемости социально-экономических систем, сложившихся как системы равновесия различных групп интересов, приводит Адам Пшиворский. См: Пшиворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — М.: РОСПЭН, 1999. — С. 73.

** Оба термина принадлежат Джону Гэлбрейту. См: Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. — М.: Прогресс, 1969.

В данном случае показательно исследование, проведенное нами в 100 компаниях Волгоградской области, цель которого — выяснить степень проникновения знаний о стратегиях компаний в среду их служащих. Результат получился следующим:

— в 68 компаниях стратегические цели известны только топ-менеджерам (или владельцам);

— в 26 компаниях проникновение доходит до среднего управленческого звена;

— и только в 6 компаниях стратегические цели* известны и разделяются большинством сотрудников, в том числе полностью или частично являются результатом коллективно принятых решений (ОАО «Урюпинский крановый завод», ОАО Национальная продовольственная группа «Сады Придонья», ЗАО «Волгоград-GSM», ОАО «Деловое Поволжье», ОАО Страховая компания «Царица», ОАО «Пивовар — Живое пиво»).

Тем не менее сотрудники всех, включая шесть вышеприведенных, компаний не уверены, что стратегии (а в 52-х случаях — и компании) способны сохраниться при смене лидера.

В качестве иллюстрации в таблице 1 приводится статистика выживаемости компаний/стратегий компаний при смене топ-менеджера в трех городах, близких по структуре населения, региональному значению и относительно идентичных по структуре экономики — Волгоград (Россия), Лидс (графство Йоркшир, Великобритания) и Кельн (Германия), тем не менее расположенных в средах различных региональных культур.

Таблица 1

Статистика выживаемости компаний / стратегий компаний при смене топ-менеджера, 2007 г.

Город	Смена профиля, %	Радикальное изменение стратегии, %	Банкротство, %
Волгоград	11	23	18
Лидс	2	3	0
Кельн	2	4	1

Составлено автором на основании источников: Коммерсантъ, Волгоградская ТПП, Ifo-Institut fuer Wirtschaftsforschung, <http://www.leedsliveitloveit.com/Business>

Примечание: за 100% принято число компаний, сменивших лидера в результате продажи контрольного пакета акций (или всей компании) или смерти топ-менеджера.

В целях проверки гипотезы мы попросили также коллег, организующих тренинги для бизнес-структур и НКО, провести исследования по предложенной нами методике в различных регионах России. Результаты, полученные в 2005–2008 годах, говорят о том, что разрыв во времени принятия решения группами европейцев и россиян всегда сохранялся.

* Здесь стоит добавить — «и финансовые результаты».

Тем не менее нам удалось выявить некоторые аномальные регионы (рис. 1), где алгоритм принятия решений стремится к европейскому. В качестве примера можно привести еще одно наблюдение. На конференциях и семинарах, организуемых европейцами, во время обеда на выбор предлагается либо несколько блюд (для вегетарианцев, мусульман, людей со сложными кулинарными пристрастиями и т.д.), либо устанавливается предельная сумма, в рамках которой участник делает самостоятельный выбор. То есть учет разнообразия закреплён институционально и происходит автоматически. На аналогичных мероприятиях, организованных российскими структурами, участников, как правило, кормят на безальтернативной основе, и альтернатива может появиться только путем психологического давления участников на организаторов и персонал.

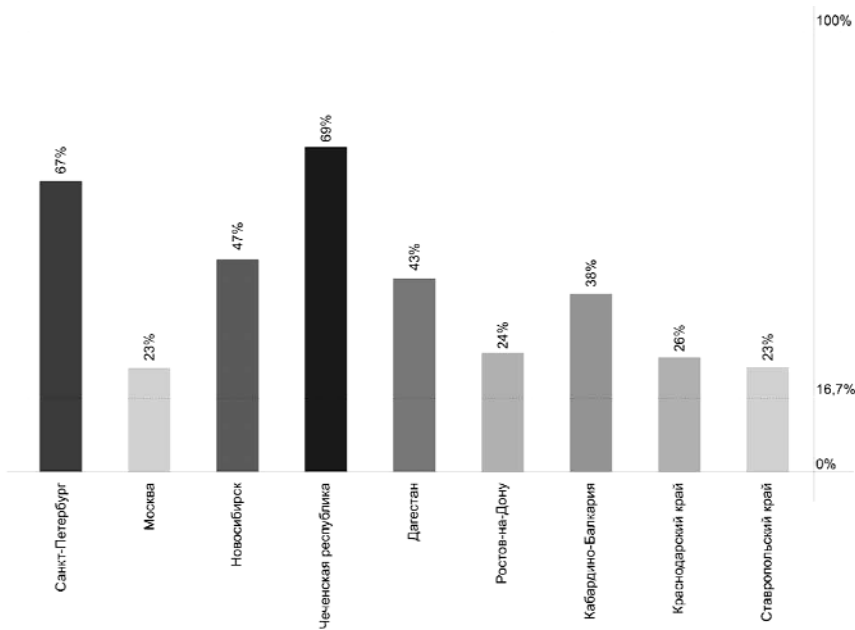

Рис. 1. *Время, затраченное на выработку коллективного решения в различных регионах России.*

Примечание: за 100% принято среднее время принятия коллективного решения группой европейцев, 16,7% — относительное время принятия решения группой граждан РФ.

В то же время учет разнообразия в кулинарных пристрастиях возрастает в регионах, приведенных на рис. 1, более того — в близкой пропорции. В целом, если не учитывать «новосибирскую аномалию», способность к выработке коллективного решения (толерантность и учет разнообразия) возрастает с востока на запад и с севера на юг РФ.

Мы склонны дать этому следующее объяснение. Пространственное развитие России происходило путем закрепления институтов централизованного принятия решений и крепостного права, которое было

модифицировано, но не претерпело глубинных преобразований в советское время и переживает ренессанс в связи с путинской доктриной «вертикали власти» в настоящее время. Тем не менее:

А) Санкт-Петербург изначально формировался как европейский город с имитацией институтов коллективного и децентрализованного принятия

решений. Катализатором процесса служили диаспоры европейских переселенцев, с одной стороны, и российское студенчество и купечество, копирующее европейские практики, с другой. В современный период ска-

Устойчивость социально-экономической системы (института) обусловлена способностью участников к выработке, принятию и исполнению коллективного решения

зывается его географическая близость к Европе, способствующая диффузии европейских стереотипов и практик.

Б) Москва (во всяком случае — прослойка столичной интеллигенции) в Российской империи старалась копировать питерский образ жизни, противопоставляя его московской практике восточного деспотизма. Современная столица представляет собой переселенческое сообщество, вобравшее в себя наиболее активных и склонных к риску регионалов, обреченных договариваться в силу близкого менталитета и происхождения.

В) Новосибирск представляет собой типичную переселенческую культуру (такую как США, Австралия, Сингапур); культуру лидеров, сложившуюся из ссыльных, осужденных за уголовные преступления и радикальной советской интеллигенции. Ментальная доктрина сформулирована как девиз «Не верь! Не бойся! Не проси!». Опыт лидеров, пренебрежительное отношение к официальным иерархическим системам и природно-климатические условия сформировали толерантную к разнообразию и кооперации среду.

Г) Чеченская республика имеет многовековую тейповую (выражаясь современным экономическим языком — кластерную) природу, сочетающую мононациональную культуру с разнообразием управленческих и культурных практик, способствующую согласованию интересов и выработке общих правил.

Д) Дагестан — типичная полинациональная культура, напоминающая, например, швейцарскую. Российскими историками и этнографами для обозначения объединений сельских общин полупатриархально-полуфеодального типа в Дагестане введен термин «Вольные общества Дагестана». Это кланово-племенные объединения аварцев, даргинцев, лезгин и других народов, сохранявших независимость от соседних феодальных владетелей (ханов). Наиболее крупными из них были Салатау, Гумбет, Андия, Дарго и др. Главную роль в экономической и политической жизни обществ играл джаамат — общественная сходка. В период Кавказской войны в 30–50-х гг. XIX века общества составили основное ядро имамата. После подавления движения Шамиля в

60-х гг. XIX века они были формально ликвидированы, но де-факто практики местного самоуправления пережили советское время и в модернизированном виде сохранились до настоящего времени.

Е) Кабардино-Балкария — полинациональное пространство с традициями, близкими Вольным обществам Дагестана.

Ж) Психология принятия решений в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях сформировалась под влиянием двух факторов: культура беглых крепостных крестьян (позже — казаков) противопоставляла практику принятия коллективного решения практике подчинения, катализатором процессов стали переселенческие диаспоры немцев и итальянцев, приглашенных Екатериной Великой для освоения южных земель.

Наши наблюдения коррелируют с наблюдениями А.Ю. Согомонова (Центр социологического образования Института социологии РАН), который сформулировал три отличия россиянина и европейца (таблица 2).

Таблица 2

Три основных отличия среднестатистического гражданина РФ от среднестатистического европейца*

<i>Европеец</i>	<i>Гражданин РФ</i>
стремление жить по закону**	правовой нигилизм
развитое чувство самоответственности	стремление переложить ответственность на руководителя, государство и т.д.
самоуважение	рабство, лакейство

Безусловно, материал выполнен крупными мазками и нуждается в детальной проработке методами социологии, политологии и антропологии. Тем не менее данные, полученные в девяти вышеназванных регионах, свидетельствуют о том, что региональная психология не является статичной и изменяется под воздействием других культур и практик.

Изучение ментально-психологических основ, логики и алгоритмов принятия решений способствует пониманию: насколько региональная среда в данный момент времени способна к формированию устойчивых социально-экономических институтов, к конкуренции (идей и практик в ходе выработки коллективного решения), кооперации, гарантирующей контроль за его исполнением и институционализацией во времени и пространстве, и коэволюции — приверженности общей стратегии развития.

* А.Ю. Согомонов. Презентация «Культура имеет значение?». Материалы федерального семинара МШПИ, 1–3 декабря 2006, г. Ульяновск.

** Что, по мнению автора, предопределяется возможностью изменить закон, воздействуя на депутатский корпус через НКО, политические партии и иные институты.

*Максим Трудолобов,
редактор отдела
комментариев
газеты «Ведомости»*

Разговор на внутреннем языке

Вести в России серьезный разговор о важнейших для общества вопросах политики и нравственности не так-то легко. Мы уже говорили о недостатке признанных всеми неформальных лидеров, которых многие готовы были бы слушать и которым доверяли бы*.

Распространено убеждение, что общественная дискуссия в России ограничена по более приземленным причинам — выдавливания оппозиционных сил из парламента, давления на общественные организации, полного контроля над самыми массовыми телеканалами. Нет достаточного количества активно действующих независимых исследовательских организаций, почти нет парламентариев, готовых вслух заявлять о своей позиции, если она отличается от «генеральной линии». Наконец, мало независимых средств массовой информации, которые могли бы все эти точки зрения транслировать.

Все это объективно верно. Но налицо равновесие: с одной стороны, мало независимых и заслуживающих доверия голосов, а с другой — не хватает площадок для самовыражения. Как свидетельствует опыт редактора, работающего с мнениями и комментариями в неподцензурном издании, запас хороших авторов нельзя назвать неисчерпаемым. Открытия — большая редкость. Как только объем издания увеличивается, заполнять его качественными текстами становится трудно.

Не исключено, что проблема ограничений на свободу слова с точки зрения качества общественной дискуссии не так остра, как кажется. Высокая планка качества, возможно, более серьезный фильтр, чем идеологическая цензура. Если есть предложение — независимые оценки, знания, заслуживающий внимания опыт, находится и способ донести этот материал до граждан. Анонимные выступления, сетевые дневники и прочие неформальные каналы распространения мнений полностью перекрыть невозможно. Кроме того, внешние ограничения только обостряют внима-

* См.: *Авторитет без кавычек, или Чистота взгляда.* — «Общая тетрадь», № 2, 2008. С. 65–70.

ние общества к некоторым высказываниям. Статьи Михаила Ходорковского сразу после выхода в газете стихийно распространяются по Интернету, достигая тех, кто не читает ежедневных газет и не слишком интересуется скучными «государственными» темами. Послание из тюрьмы — это не просто рассуждения, а текст, вызывающий как минимум любопытство, а как максимум — особое доверие, поскольку он дорого оплачен автором.

Контроль над СМИ, прежде всего телевидением, таким образом, сказывается не столько на качестве дискуссии, сколько на размерах неподцензурного пространства. Из ежедневного обихода исчезли массовые ток-шоу на политические и серьезные социальные темы и, что особенно грустно, политический юмор. Российская политика как помрачнела в начале 2000-х годов, так и продолжала оставаться напряженной даже в самые тучные нефтяные годы. Все удавалось российским политическим лидерам в части укрепления их экономической и политической власти, не удавалось только расслабиться и разрешить говорить о себе критически, невзирая на лица. Стремление отучить массовую аудиторию от осмысления происходящего привело к тому, что экологическая ниша для дискуссии о существенных вопросах стала крайне тесной. А тонкий «культурный слой» уязвим — при плохой погоде его быстро смывает.

Внутренний язык

И все-таки более значимое, чем ограничения на работу СМИ и малочисленность общественных голосов, явление, мешающее разговору о важнейших вопросах политики и нравственности, — это отсутствие у потенциальных спорщиков общего языка.

Прошедшая через парламент поправка в Конституцию России об увеличении президентского срока до шести лет —

первое содержательное изменение Конституции со времени ее принятия в 1993 году (были поправки, касающиеся количества регионов и их названий) — не прошла какого-либо публичного обсуждения. Но если бы инициаторы поправки все-таки решили ее обсудить, разговор было бы вести нелегко. «История знает достаточное количество случаев, когда демократические государства изменяли сроки полномочий органов государственной власти», — заявил в своем первом послании президент Дмитрий Медведев. Да, изменяли, но *уменьшали* сроки, если речь шла о Франции. И *увеличивали* сроки в случае Камеруна, Ирака, Узбекистана, Туркменистана. Чем отличаются страны, которые всеми силами продлевают сроки правления первых лиц, и те, которые их ограничивают? На что опереться, определяя «демократичность» этих государств? Российские официальные идеологи не примут критерии Freedom House, а те, кто принимает Freedom House, не примут российского понимания демократичности.

Каким получается спор, когда нет общепризнанных терминов, видно на примере дискуссии о происхождении словосочетания «суверенная демократия». Всех, кому был непонятен этот термин, заведующий кафедрой общей политологии Высшей школы экономики Леонид Поляков, автор антологии в защиту суверенной демократии, отсылал к выступлению Романо Проди. «Кант, вероятно, порадовался бы, увидав то, что мы создали в Европейском союзе, — форму наднациональной демократии в виде Союза суверенных государств, входящих в него в качестве членов, — говорил Проди в 2004 году в лекции в Университете Ольстера (Дерри). — В некоторых отношениях наш Союз есть воплощение сущности кантовской федерации суверенных демократий».

Словосочетание «суверенная демократия» здесь, в этой лекции, — уже термин? Да, термин, объясняет Поляков в

Сезар Бальдасини. Сжатие. 1970

статье в «Независимой газете» в ответ на статью А. Пумпянского, написавшего, что это вовсе не термин, а просто синоним выражения «содружество независимых государств». Возможно, «суверенная демократия» становится термином, только когда Проди (Канта?) цитируют российские идеологи. Если это термин, то у него должно быть одно и то же значение по эту и по ту сторону нашей границы. Но вроде бы само введение этого термина здесь, в России, было задумано как способ обозначить нашу *особую* форму политического устройства, отличную от других. То есть словосочетание «суве-

ренная демократия» должно *здесь* значить не то, что *там*. На самом деле логике здесь нет места. Перед нами *внутренний язык*. А само выражение, хотя и заимствованное, обратно на язык оригинала уже не переводится.

Ложные друзья переводчика

Именно поэтому дискуссию так трудно вести всем тем, кто пытается подходить к внутреннему языку с внешними мерками. Если кто-то со стороны сомневается, что у нас демократия, то напрасно, потому что это *наша* демократия.

Такие несоответствия называются «ложные друзья переводчика»: в переводе с английского или французского cabinet не всегда значит «кабинет», а journal не значит только «журнал».

Особое свойство российской публичной среды в том, что заимствования проникают сюда легко, но довольно скоро меняют значения. Спор о поправках в Конституцию труден еще и потому, что слова и выражения, из которых состоит этот текст, были когда-то заимствованы, но с тех пор приобрели другие значения. Ведь удалось же изменить политическую систему страны, не внося в Конституцию никаких поправок. Мы называем увеличение президентского срока первой поправкой в истории постсоветской Конституции. Как будто в политической действительности ничего за эти 15 лет не менялось. Менялось: реальные правила игры уже давно другие. Только слова и выражения остались прежними: «выборы», «предвыборная кампания», «парламент», «социальное государство». Тут хочется вспомнить персонажа Джорджа Оруэлла, партийного интеллигента, который «при помощи двоемыслия уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна».

Конечно, между тем, что люди говорят, и тем, что они имеют в виду, всегда есть разрыв. Но иногда пропасть между словом и его значением становится слишком глубокой. Возле слов, которые говорят с официальных трибун, сами собой возникают кавычки, поскольку выступающие привычно пользуются заимствованными словами, но значения у слов уже давно другие, и мы, когда эти выступления слушаем, чувствуем фальшь. Человек, может, и хотел бы борьбы с коррупцией, а говорит о «борьбе с коррупцией». Еще одна причина расхождения между словом и значением в том, что за риторику отвечают одни люди, а решения, связанные, например, с распределением собственности, — принимают другие. Вслух при этом говорятся такие слова, какие по-

лагается говорить в приличном обществе: «модернизация», «борьба с коррупцией», «эффективное государство».

Легкому усвоению этого нового *внутреннего языка*, наверное, помогает память о старом. Опыт советского двоемыслия вряд ли стерся из генетической памяти. Подсознательно мы помним, что в России официальный язык — не просто риторика, а полезный навык, иногда даже необходимый для выживания. Слова необходимо произносить нужные и вовремя, не обращая при этом внимания на действительность.

Именно поэтому иностранная пресса, как правило, резко негативно настроена по отношению к российскому публичному дискурсу и действиям российского руководства. Журналисты слишком прямолинейно относятся к российской реальности. Они переводят ее на свои языки напрямую: «парламент» как парламент, «независимость», как независимость, а потом возмущаются, что значения не совпадают. Для внутреннего потребителя эта проблема решаема: у нас есть ирония и инстинктивное умение ставить слова в мысленные кавычки. Но иностранцы не понимают «внутреннего» языка и оказываются жертвами «ложных друзей переводчика».

Ниша над законом

Закон, конечно, должен быть однозначен. Но ведь это наш внутренний закон, он написан на нашем внутреннем языке. Значит должна быть на него какая-то управа.

В России очень давно сосуществуют два вектора — уважение к закону и страх перед ним; благое намерение сделать общество подвластным закону и убеждение, что никаким иным образом, как самодержавным, такая большая страна управляться не может. Это несоответствие, возможно, было осознано уже во времена Екатерины II. Почитательница Монтескье писала: «Законы, основание державы составляющие, предполагают

малые протоки, сиречь правительства, чрез которые изливается власть Государева». А вот о единовластии: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать, сходно с пространством столь великого государства».

Бурная деятельность по составлению законов, их улучшению, переписыванию и сведению в единые кодексы продолжалась в России столетиями, но реализовать принцип верховенства закона так никогда и не удавалось. Впрочем, попыток принять наконец самые настоящие и лучшие законы мы тоже никогда не оставляли — ни в Российской империи, ни в Советском Союзе. Закон всегда был зачем-то необходим властям, притом что пространство над законом они совершенно не собирались освобождать. Прекрасно понимая, что могут всего добиться и без всякого закона, идеологи из политбюро всегда стремились оправдывать свои решения ссылками на закон. У них существовала своя, противопоставленная «буржуазной», «социалистическая» законность. Когда идеологи понимали, что законом им не хватает, они их дополняли, чтобы все было по правилам. К примеру, чтобы судить за книги и демонстрации, в советский Уголовный кодекс в 1966 году была добавлена статья 190 («клевета на советский строй», «оскорбление флага или герба» и «групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок»).

Правозащитники в СССР, собственно, и стремились доказать несостоятельность этих попыток выдать произвол за обоснованные законом действия. «Требовались выдержка, точность поведения, позволявшие не просто сесть, но сесть... с максимальным ущербом для власти, т. е. при максимальном нарушении закона с их стороны», — пишет Владимир Буковский в книге «Московский процесс».

Ничего у вождей не получалось. В результате свое понимание законности

они довели до абсурда. В 1977 году в Конституцию была включена 6-я статья о «руководящей и направляющей силе» КПСС. Отмена этой статьи была одной из первых постсоветских побед. И Конституция уже давно не та, и законы новые. Но в наследство от политбюро нам досталась огромная дыра над законом, которую так и не удалось — или не хотелось — заштопать. Чем дальше, тем очевиднее, что это наследство при всей своей «нематериальности» более тяжкое даже, чем градообразующие заводы на Севере, искаженное расселение людей по стране, уродливая структура экономики, институт прописки и многое другое.

После того как из этой дыры сама собой выпала никому больше не нужная идеология, пространство над законом заполнилось теми, кто был активен в первое постсоветское время. Позже, в 2000-е годы, над законом утвердилась новая целесообразность — возрождение государства, возвращение ему собственности или передача ее из одних рук в другие. В этой роли, над законом, целесообразность не лучше идеологии. Как и в советское время, сначала принимается «целесообразное» решение, а потом оно делается «законным», например с помощью принятия поправок в Конституцию.

Это и затрудняет общественную дискуссию. В обществе, где над законом нет никакого «ручного управления», мы обсуждали бы законность того или иного решения. В нашей ситуации мы обсуждаем, почему закон был применен в одном случае и не применен в другом. Диалог затруднен тем, что несогласные стороны часто представляют два разных видения реальности и два разных языка. Тем, кто предпочитает говорить только на внутреннем языке, видится реальность, в которой «все по закону», а тем, кто знаком и с другими языками (настоящим языком права и государства, другими иностранными языками), внутренний язык кажется обманом.

Мифология и политика

Человек — единственное в мире живое существо, которое можно убить символом. Более того, это единственное существо, которое может пожертвовать собой ради символа.*

Майкл Аронофф

На пороге нового тысячелетия человечество пребывает в состоянии глубокого социокультурного кризиса. Среди его причин обычно называют процессы постиндустриальной модернизации и глобализации, связанные с возросшим уровнем технического могущества человека. Бесспорно, эти проблемы весьма важны и остры; но, вероятно, подлинные причины нынешнего гуманитарного кризиса коренятся глубже — в самом духовно-нравственном ядре человеческого Его. Последние десятилетия на планете происходит постоянное наращивание не только технических, но и информационных идей и ресурсов, а также политических теорий, доктрин и новых смыслов, что влечет виртуализацию и релятивизацию традиционных общественных структур, идеологий и мировоззрений. Обыденный человек субъективно воспринимает данный процесс как распад привычных систем ценностей и моделей поведения, что, в свою очередь, влечет личностную фрустрацию, то есть разрушение оснований для самоидентификации, а в более общем плане — рост неустойчивости социальных систем.

Как указывает Юрген Хабермас, в подобных условиях рациональная организация культурной и социально-политической сферы общественной жизни, базирующаяся на идеях утилитаризма и прагматизма, более не может поддерживаться исключительно за счет собственных, внутренних ресурсов. И, следовательно, возникают благоприятные условия для «размывания» идентичностей индивидуальных Его и подмены их единым семиотическим пространством, опорой которого являются архаичная логика, иррациональ-

*Антон Чаблин,
политический обозреватель
«Открытой» газеты
(Ставрополь)*

* M. Aronoff. *Ideology and interest: The dialectics of politics.* // *Political anthropology yearbook. Vol. I.* — L., 1980. — P. 3.

ный тип восприятия мира и объединенные в систему бинарно-мифологические образы-символы*. Включенность массового человека в эту единую мифологическую «ткань» придает смысл его индивидуальному существованию, создавая некие архетипические «идеальные» образцы поведения и целенаправленные смыслы и, тем самым, оправдывая в его глазах навязываемые извне стереотипы и метапрограммы оценок и поведения.

По пророческому замечанию Питирима Сорокина, огромная часть умственного багажа современного человечества (не исключая и ученых) состоит не из знаний, а из верований и мифов, субъективно принимаемых за знания**. Причем правомерность использования понятия «миф» при анализе современного массового сознания обусловлена принципиальным сходством обыденного мышления и мифотворчества. Повседневное сознание, в отличие от теоретического (осознанно разрабатываемого, систематизируемого), в основном несистематично. Высшей формой его упорядоченности выступает именно миф, не требующий и не предполагающий строгих доказательств, ограничиваясь внешними корреляциями и связями между явлениями. Как писал Мераб Мамардашвили, «в мифе мир освоен, причем так, что фактически любое происходящее событие уже может быть вписано в тот сюжет и в те события и приключения мифических существ, о которых в нем рассказывается. Миф есть рассказ, в который умещаются любые конкретные события; тогда они понятны и не представляют собой проблемы»***.

Наиболее мифологизированной частью массового сознания является политическое сознание. Социальный психолог С. Лурье понимает под политической мифологией такой специфический ракурс рассмотрения политической реальности, который адаптирует внешний мир к определенному культурно-заданному восприятию, снимая чрезмерный уровень психологического напряжения, всегда возникающий от соприкосновения человека с реальностью. Политический миф — своего рода компенсаторный механизм, проективная система, позволяющая приспособляться к конфликтности и противоречивости политической реальности, пусть даже путем ее некоторого искажения****. В современных условиях общего информационного переизбытка мифы возникают из-за дефицита каузальной информации, что способствует формированию мозаичного, дискретного образа окружающей социально-политической действительности. Причем сегодняшние мифы возникают в результате смешения архаического (имманентного человеку любой эпохи) и индустриального типов мышления, при активном содействии современных технологий создания идеологических учений.

Еще в 1944 году немецкий мыслитель Эрнст Кассирер в своей работе «Миф о государстве» писал, что миф всегда трактовался как результат бессознательной деятельности и как продукт свободной игры воображения. «Новые политические мифы не возникают спонтанно... они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами»». Общество создало целый ряд мифопроизводящих ма-

* Ю. Хабермас. *Демократия, разум, нравственность*. Пер. с англ. — М., 1992.

** П. Сорокин. *Человек. Цивилизация. Общество*. — М., 1992.

*** М. Мамардашвили. *Введение в философию // Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен*. — СПб., 2000. — С. 40.

**** См.: С.В. Лурье. *Историческая этнология*. — М.: Аспект Пресс, 1998.

шин. В частности, распространению мифологических представлений в современном обществе способствует расширение визуального компонента мировосприятия и активизация образного мышления, связанные с возрастающими возможностями мультимедийных технологий. Родились целые профессиональные элиты, специализирующиеся на создании манипулятивных технологий, причем формирование современной «электронной демократии», опирающейся на господство технологической репрезентации мира, способствовало формированию мифопроизводящего класса преимущественно в сфере массмедиа и PR.

Политическая мифология является неотъемлемой частью любой современной политической системы. Ведь любая власть нуждается в легитимности и символах ее олицетворяющих, соответственно, выделяются различные типы политических мифов — либеральные, демократические, социалистические, монархические, фашистские и т.д. Наиболее развита такая практика была в фашистской Германии. Третий рейх представлял собой практически идеальную систему теократического правления, где верховный жрец-идеолог одновременно являлся и верховным правителем (философ Н. Бердяев охарактеризовал подобную систему управления как «обратную теократию»). Господствующая нацистская идеология была превращена фактически в государственную религию со своими догматами, литургией, священными книгами («Миф XX столетия» Розенберга, «Моя борьба» Гитлера, «Основы XIX века» Чемберлена), святыми, апостолами. Идеологи нацизма успешно возрождали и ставили себе на служение древнегерманскую языче-

скую мифологию; активно использовали они и христианскую агиографию. Так, немецкий историк В. Клемперер в своем дневнике вспоминает: «В объявлениях говорилось: «Торжественный час с 13.00 до 14.00. В тринадцатый час Адольф Гитлер придет к рабочим». Всякому ясно — это язык Евангелия. Господь, Спаситель приходит к бедным и погибающим... Он совершит чудо, для него запозданий не существует»*.

В высшей степени развитую систему социальных мифов имела на вооружении и советская идеологическая машина. Примечательно, что в советской научной традиции изучение политической мифологии строилось в соответствии с идеологическими «табу»: современные мифы рассматривались как форма «ложного» сознания, свойственная исключительно «прогнившей» западной, «буржуазной» системе. В противоположность им выдвигалась марксистско-ленинская идеология, по своей природе и научному характеру якобы исключаящая мифотворчество. Примечательно, что «Капитал» действительно задумывался Марксом поначалу как последовательная программа демифологизации капитализма, развенчания главенствующего фетишизма товарно-денежных отношений. Для этого Маркс использовал религиозные метафоры и аналогии: например, говорил о западном типе идолопоклонства, рационально описывая, что товар есть святыня, которой поклоняются, словно богу. Однако при всей рациональности марксизма в итоге эта идеология также превратилась в такой же политический миф, против которого была изначально направлена**.

В рамках марксовской мифологии наи- высшего развития достигали сотериоло-

* В. Клемперер. *Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога.* — М., 1998. — С. 55.

** См.: A. von Hendy. *The modern construction of myth.* — Bloomington, 2002.

Микеланджело Пистолетто. Венера Тряпичная. 1967

гические мотивы. Коммунистический строй представлялся как «тысячелетнее царствие», утверждению которого и последующему Спасению препятствуют силы Зла (под которым и понимался капитализм). Следовательно, торжество коммунизма невозможно без революции (трансформации существующего миропорядка), которая представляет собой не только битву Добра со Злом, но и «чистилище» для адептов «тысячелетнего царствия».

Марксистская мифология в советских реалиях и древнегерманская — в условиях Третьего рейха реализовывались через развитую систему ритуалов и церемоний. В тоталитарных обществах были широко распространены «ритуалы почтения населения»: установление памятных дат, празднование годовщин исторических событий, чествование выдающихся деятелей совре-

менности, публичное выражение уважения к символам и атрибутам нации и государства. Каждая из подобных церемоний имела глубокий символический смысл. В частности, ритуал вступления в комсомол или посвящения в пионеры был сродни обряду крещения в христианстве или обряду инициации в первобытных племенах, символизируя приобщение к некоей сакральной, элитарной общности. Массовые демонстрации способствовали принудительной деперсонализации их рядового участника, символического лишения его частной жизни и гомогенизации в качестве рядового элемента «народной массы». Аналогичную сакральную функцию выполняли и спартакиады, во время которых особым символом выступало податливое, атлетически развитое человеческое тело, также отражающее

новый образ коллективистического, глубоко деперсонифицированного социального порядка*.

Впрочем, не стоит думать, что политические мифы — атрибут исключительно диктаторских режимов. Например, в течение XX века получила развитие и мифология либеральной демократии, которая базируется на трех базовых мифах: «свобода сама по себе создает гарантии прав», «существует воля народа, способная определять управленческие решения», «воля народа может быть выявлена простым голосованием, после чего она приобретает силу закона, образуя основу народного суверенитета». Наиболее завершённую форму такая система мифов приобрела в знаменитой American dream — вере в возможность быстрого успеха, личного обогащения благодаря способностям и трудолюбию, в превосходство American lifestyle («американского образа жизни»), особую миссию американского народа, его исключительность**.

Как указывает американский социолог и коммуникативист Уильям Парсонс, если в тоталитарных обществах мифология строится прежде всего на рутинизированном личностном культе вождя (генсека, фюрера, дуче), то в либеральных государствах миф является откликом на социальный запрос масс на борьбу с авторитарными режимами. Например, в современных американских медиа все аргументы и символы подобраны таким образом, чтобы создать у граждан чувство персональной небезопасности. Статьи и телепередачи на политические темы обильно снабжаются фразами типа «война с терроризмом», «контртеррористическая опе-

рация» или «11 сентября» — тем самым «включается» бинарный архетип: если ты не согласен с политикой, проводимой правящей элитой США, то на твою голову обрушится вся мощь террористической машины***.

Выходит, что в любой ситуации индивид, полагаясь на рассудочное мировосприятие, на самом деле оперирует как рациональным, так и иррациональным (мифическим), имманентным его подсознанию. Чтобы делать самостоятельный политический выбор, основываясь не столько на велениях сердца, сколько разума, массовому человеку необходимо знать механизмы создания и воздействия современных политических мифов и уметь рационально осмысливать социальную действительность. Демифологизация и рационализация политического сознания россиян — вот те фундаментальные задачи, над осуществлением которых нужно сообща работать всем институтам гражданского общества. И главную роль в этом предстоит играть независимым массмедиа, призванным не только объективно отражать политическую действительность, но и аналитически сопоставлять ее реальные и мнимые характеристики (например, реальную и декларируемую аксиологию деятельности политических субъектов). Ведь, как указывал американский политолог М. Эдельман, «самым мощным демистифицирующим свойством обладает сама реальная политическая практика****: если гражданин, голосуя за того или иного политика, не получает обещанных социальных благ, то в конечном итоге теряет веру в правящий режим вне зависимости от устойчивости идеологической платформы последнего.

* См.: V. Thorne. *Ideologies and realities of the masses in communist Czechoslovakia. // Dissertation in partial fulfillment of the requirement for the degree of doctor of philosophy (department of political studies).* — University of Pittsburgh. — 2005.

** J. Robertson. *American myth, American reality.* — N-Y., 1980.

*** См.: W. Parsons. *Public policy.* — Cheltenham, 1997.

**** M. Edelman. *Public language. Words that succeed and politics that fail.* — NY, 1977.

*Виктор Панкращенко,
исполнительный директор
Общероссийского конгресса
муниципальных образований*

Местная власть: дефицит очевидности

В области местного самоуправления сегодня самая большая проблема — это не столько нехватка финансовых ресурсов или властных полномочий, что постоянно обсуждается, а нехватка знаний. Чтобы серьезно обсуждать пути развития страны в целом и местного управления в частности, на мой взгляд, нужно прежде всего осознать, что мы многого просто не знаем о реальной жизни наших муниципалитетов и вообще о наших населенных пунктах — как там устроена жизнь, какие социально-экономические структуры там задействованы, у кого реальная власть, какими ресурсами она распоряжается и так далее. Ответы на эти и другие вопросы требуют исследования, которым должны заниматься социальные науки.

В СССР, как известно, социологические исследования были не нужны, либо сильно купированы в силу идеологических установок, тогда как на Западе социальные науки не имели такого ограничителя и развивались вполне успешно. И их понятийный аппарат сформировался на основе анализа западной действительности и западных институтов. А что происходило после распада Советского Союза у нас? В эти годы наблюдалось достаточно активное проникновение, прежде всего западных теорий и точек зрения западных ученых в российскую социальную науку. В результате сегодня в России во многом еще продолжает существовать своеобразный симбиоз научного аппарата, созданного западной наукой, и умозрительных (не подкрепленных анализом конкретных фактов) конструкций, применяемых для описания постсоветской действительности, которая отличается от западной. Этим, на мой взгляд, и объясняется состояние нашего сегодняшнего отечественного знания о местном самоуправлении.

Должен сказать, что местное самоуправление, как это ни покажется странным, в его современном виде возникло на Западе не так уж давно, после Второй мировой войны, вследствие процесса усложнения социальных институтов и появления новых технологий управления в процессе взаимодействия общества и государства.

В Европе проблема децентрализация и развитие институтов местного самоуправления становятся во главу угла с 1957 года, когда состоялась первая ежегодная Конференция местных и региональных органов власти, сыгравшая значительную роль в развитии местной и региональной административной автономии в государствах — членах Совета Европы. Затем, в 1985 году была подписана Европейская хартия местного самоуправления, а в 1994-м создается Конгресс местных и региональных властей — орган, в котором местные и региональные власти стран получили свое представительство.

А теперь посмотрим на хронологию событий у нас. В 1985 году в России тоже начался процесс децентрализации и разрушения вертикали советской власти, системы республиканских, областных, местных советов и их исполкомов, на базе которых стали возникать уже российские органы местной власти. Разумеется, эти даты условные, но, тем не менее, реально этот процесс завершился в 1993 году известными октябрьскими событиями и указами президента Б. Ельцина, который разогнал Верховный Совет и запретил деятельность советов в областях и на местах. Тем самым на смену советской системы органов местной власти пришла постсоветская система.

Прочитую президентский Указ от 26 октября 1993 года «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации»: «Деятельность городских и народных районных депутатов прекращается, а их функции выполняет соответствующая местная администрация». Таким образом, местное самоуправление в России возникло в результате передачи функций одних органов власти другим, однако сами эти функции остались фактически прежними. Сменился лишь советский дизайн системы управления на местах и появились по-другому формируемые, но фактически те же органы власти. Реального возникновения системы местного самоуправления в виде независимых муниципальных образований, существующих в Европе, не произошло, так как этот процесс уже в самом начале носил декларативно-абстрактный характер.

Тем не менее, период 1993–2000 годов можно назвать первой муниципальной реформой в современной России, а некоторые авторы называют его даже первой муниципальной революцией. Но как бы то ни было, были сформированы определенные позиции, закрепленные в Конституции Российской Федерации, а затем в подписанной и ратифицированной Европейской хартии местного самоуправления и первом Федеральном законе 1995 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в соответствии с которым оно формировалось, просуществовав до 2000 года. Это было время, когда местное самоуправление имело другой набор ресурсов и властных полномочий и реально противостояло региональной власти. Не случайно многие бывшие и действующие мэры вспоминают его сегодня как время серьезного расцвета местного самоуправления. Но так ли это в действительности?

Дело в том, что федеральная власть после выборов Ельцина в 1996 году Президентом РФ действительно пыталась уравновесить власть губернаторов, которые в период подготовки выборов взяли себе столько суверенитета, «сколько смогли». Чтобы «подпилить ножки табуретки»,

Джонатан Борофски. Человек с молотком. 1984

на которой устроились региональные лидеры, власть федеральная стала усиливать не местное самоуправление как таковое, а самоуправление мэров, прежде всего в городах — столицах субъектов Российской Федерации. И это продолжалось до августа 1998 года в основном в тех городах, где мэры, обладавшие экономическим мышлением, полноценно использовали имеющиеся ресурсы. В большинстве же регионов России, несмотря на принятый закон, положение практически не изменилось, и судьба местного самоуправления по-прежнему во многом зависела от губернаторов.

А затем случился дефолт, возникли серьезные экономические проблемы, и стало понятно, что необходимо заниматься концентрацией ресурсов и полномочий для распоряжения этими ресурсами. Этим в первую очередь и занялся В. Путин, создавая «властную вертикаль», после

того как в 2000 году стал Президентом России. К тому времени образовался огромный дисбаланс между обязательствами государства и имеющимися в его распоряжении денежными средствами для выплаты пенсий, зарплат бюджетникам и т.д. Инвентаризация выявила, что эти обязательства превышают финансовые возможности государства почти в три раза.

Для решения проблемы была создана «комиссия Козака», которая и занялась распределением полномочий и ресурсов между разными уровнями государственной власти.

Фактически с этого и началась вторая муниципальная реформа, а не потому, что кто-то собирался реформировать местное самоуправление. Это было просто следствие работы по упорядочиванию уровней власти, полномочий и распределяемых ресурсов.

При этом можно выделить два этапа такого упорядочивания: первый — этап подготовки к разграничению полномочий между уровнями власти, инвентаризация ресурсов и наведение порядка в их использовании. После этого, в 2003 году, принимается 131-й закон об организации местного самоуправления. Причем я хотел бы обратить внимание, что его принятие как раз и свидетельствует о дефиците очевидности, который заключается в том, что из-за отсутствия продуманных исследований мы все еще не осознаем, что стали заложниками реформы, полагаясь на европейский опыт. Очевидно, что такой закон был необходим, но отнюдь не столь очевидно, как организовать работу наших муниципальных образований, опираясь на европейский опыт, с которым российские специалисты знакомились во время зарубежных поездок, совместных с европейцами семинаров и т.д. Так или иначе наша модель местного самоуправления формально воспроизводит западноевропейские стандарты, например двухуровневую систему управления и так далее. То, что мы имеем сегодня, — во многом искусственный механизм, который, сталкиваясь с действительностью, очень часто не работает, но закон был принят, и в нем сказано, что местное самоуправление должно существовать на всей территории Российской Федерации.

До 2003 года в нашей стране было около 11 тысяч муниципальных образований, сейчас их 24 210, так как в каждом населенном пункте, начиная с сельского поселения, было необходимо в соответствии с принятым законом и Европейской хартией местного самоуправления создать муниципальное образование с выборной властью, собственным бюджетом и четко очерченными границами. Формально это выглядит как децентрализация власти в стране. Однако параллельно, как я уже сказал, продолжался процесс централизации ресурсов, то есть бюджетно-финансовая система двигалась в прямо противоположном направлении. В результате ресурсы с нижнего уровня, где они были в достаточном количестве в 1996 году, стали подниматься на верхние уровни. И второе, более важное обстоятельство. В России сегодня, как и на За-

В России местное самоуправление, как правило, отождествляется с властью, потому что реальное влияние местного сообщества у нас практически отсутствует

паде, местные налоги — это налоги на недвижимость и землю. Но там они прекрасно собираются и позволяют нормально жить, а у нас земля и недвижимость как объекты налогообложения законодательно недооформлены. То есть формально мы соответствуем западной модели, а реальной экономической базы для самостоятельности местного самоуправления нет, потому что механизм налогообложения земли и недвижимости, повторяю, практически не работает. И еще один важный аспект проблемы местного самоуправления.

На Западе единство муниципальной власти и местного сообщества, которое эту власть выбирает, — это нормальное состояние. А в России местное самоуправление, как правило, отождествляется с властью, потому что реальное влияние местного сообщества у нас практически отсутствует. Это адресует нас к проблеме понятий, смысл которых для местного сообщества явно неочевиден: люди не понимают, о чем идет речь, когда им говорят о правах человека, институтах, избирательном праве. И, не задумываясь, они голосуют, скажем, за Бутова, губернатора Ненецкого автономного округа, которого потом сажают в тюрьму за мошенничество. Европейцы в такой ситуации еще до выборов десять раз подумали бы, нужен им такой «правитель» или не нужен?

Повторю, методы и механизмы, которыми мы сегодня оперируем и по поводу которых спорим, обсуждая в том числе и проблемы финансового обеспечения муниципальных образований, нуждаются в серьезном изучении и разъяснении. Казалось бы, недостаточное финансирование муниципалитетов очевидно, и все это знают. Министерство финансов заявляет, что в стране денег больше чем достаточно, и об этом тоже все знают. Спрашивается, в чем же тогда дело? В том, что у нас большая страна с колоссальным разбросом условий местной жизни? В том, что на территории одного субъекта федерации есть не только городские и сельские поселения, но и индустриальные центры, а в других субъектах таких центров нет, и от этого зависит сбор налогов? Все это так, но думаю, что главная проблема все же не в этом.

Муниципальный бюджет пополняется за счет местных налогов и неналоговых доходов, которых не хватает для развития многих местных территорий, и поэтому там надеются, что, как и при советской власти, им поможет федеральная власть. В этих обстоятельствах Минфин, с одной стороны, финансирует местное самоуправление, а с другой, не требуют от него расширить экономическую базу для увеличения налоговой базы. Понятно, что это ведет к пассивности и утрате самостоятельности местной власти и всего сообщества.

Наша экономика и политическая система устроены сегодня по-другому, чем на Западе. Если там экономика, политическая система и гражданское общество функционируют в режиме взаимодействия, при котором центр не посягает на финансовые источники местного самоуправления, то у нас действует распределительный, или, как иногда выражаются, раздаточный характер. Поэтому не удивительно, что именно от государственной власти ждут решения своих проблем на местах вместо того, чтобы искать их решение, полагаясь на гражданскую и предпринимательскую инициативу, на самостоятельных, думающих и ответственных граждан.

Проблема морального лидерства в России

Вопрос о том, кто может быть моральным лидером в России, носит совсем не абстрактный характер. От того, кому доверяют люди, за кем они готовы идти, кто является их кумиром, во многом зависят пути развития страны. Доверяя тем или иным общественно значимым фигурам, люди часто стремятся переложить на них ответственность за принимаемые решения, что, однако, удается сделать далеко не всегда. В конце концов, за допущенные ошибки отвечают часто те самые «простые граждане», которые еще недавно рукоплескали популярным лидерам. В то же время результат правильно принятого решения позитивно отражается как на общенациональном «макроуровне», так и на «микроуровне» отдельных семей.

Можно выделить три основных типа морального лидерства в истории России: «отец», «защитник» и «пастырь». Разумеется, такая классификация весьма условна, но, кажется, она в наибольшей степени отражает запросы российского общества на различных этапах его существования.

Отец

Для монархического государства образ «отца» как лидера — формального и неформального одновременно, сочетающего в себе сакральность власти и власть авторитета, — вполне естествен. Неудивительно, что эта тенденция проявилась и в России. «Грозный царь Иван Васильевич» уничтожал своих подданных и обескровливал страну, создавая условия для будущей Смуты, но в сознании большинства народа он был сакральным лидером, сильным и требовательным отцом, выжигающим «боярскую крамолу», хотя, возможно, и не без перегибов. Образ «отца» зависел не только от личных качеств правителя, но и от степени его легитимности — не случайно, что родством с Иваном Грозным по линии его первой жены обосновывали свои притязания на престол Романовы. Впрочем, в данном случае речь шла о родственных отношениях не просто с царем, а с признанным лидером. Борис Годунов, бывший братом жены непопулярного царя Федора (которого

*Алексей Макаркин,
вице-президент
Центра политических
технологий*

соотечественники, по данным иностранцев, называли просто *durak*), не смог добиться подлинного признания в глазах своих подданных, несмотря на сильные личностные качества.

В начале XVIII столетия патриархальный «царь-батюшка» трансформировался в мощного *Pater Patriae*, «отца Отечества» в римских латах, победителя в свейской войне, подобного Цезарю и Траяну. Правда, другой титул, присвоенный Петру Сенатом (снова римская аналогия — так было названо собрание бывших бояр и новоиспеченных высочек вроде «полудержавного властелина»), — Великий — напоминал скорее не о римлянце Помпее Магнусе, великом неудачнике гражданских войн, а о Карле Великом, правителе, ставшем образцом для христианского Запада, создателем другой — Священной — Римской империи. На долгие годы Петр стал образцовым «отцом» — официальная мифология предпочитала не вспоминать о цене, которую пришлось заплатить за петровский вариант модернизации: от массовой гибели строителей Петербурга до создания самодовлеющего государственного аппарата, губившего всякую общественную инициативу. Не вспоминала она и о том, что для значительного количества подданных Петр был не «отцом», а «царем-Антихристом», оборотнем, подмененным во время «Великого посольства» в Западную Европу.

В любом случае, Петр как «отец» сыграл определяющую роль в формировании образов целого ряда своих преемников. «Дочь Петрова» Елизавета. Екатерина, распорядившаяся выбить на постаменте Медного всадника «преемническую надпись» *Petro Prima — Katarina Secunda*. Ее сын, назло нелюбимой матери ревизовавший многое из ее наследия, извлек из запасников забытую статую Петра и поставил ее перед Михайловским дворцом (своим рыцарским замком), снабдив не менее «говорящей» надписью — «Прадеду — правнук».

Впрочем, «петровский» образ не мог быть безусловным образцом для следующих поколений монархов по многим причинам. Цари XIX столетия по своим личностным качествам явно не дотягивали до Петра, менялась ситуация в мире, где псевдоримские латы и тоги даже в искусстве уступали место кувшинкам Моне и полям Ван Гога. Кроме того, Петр стал фигурой, подлежащей обсуждению и даже аккуратному осуждению — в последнем были едины славянофилы и последний русский император Николай II, образцом для которого был тишайший царь Алексей Михайлович.

Надо было искать выход. Американский исследователь Ричард Уортман, в своей двухтомной монографии «Сценарии власти» скрупулезно исследовавший символику придворных церемониалов при дворе русских государей, отмечает изменение образов монархов. На место масштабной государственной мифологии петровского времени и екатерининским ярким аналогиям с богинями Олимпа приходят «семейные» мифы последних Романовых, носившие все более камерный, приглушенный характер. Действительно, из отца Отечества государь постепенно превращался в примерного отца семейства — причем последние двое монархов, в отличие от своих предшественников, действительно искренне выполняли эту достойную функцию.

Образ «отца» фактически во многом исчерпался еще при монархии, но неожиданно воскрес при большевиках, когда Сталина стали именовать «отцом народов». Неудивительно, что кремлевский горец питал искренний интерес как к Петру, так и к Ивану Грозному, которого он упрекал за излишний гуманизм (не добил «царь-батюшка» несколько боярских родов!). Однако «отцовство» Сталина держалось как на искреннем желании советских людей переложить свои заботы на мудрого правителя, так

и на сильнейшем страхе, вызванном повсеместным доносительством. Когда после XX съезда партии сталинские памятники стали сносить, за «отца» не вступился никто, кроме эмоциональной грузинской молодежи, для которой вождь был прежде всего соотечественником (тот факт, что среди погубленных им людей было немало грузин — от князей до большевиков — не воспринимался адекватно на этом фоне). Протестный сталинизм 70-80-х годов (портреты Сталина за окнами машин как альтернатива брежневской коррупции и застоюному самодовольству) был лишь остаточным явлением — первые свободные выборы кандидаты-сталинисты полностью проиграли. Сильнейшая травма после распада СССР и начала реформ 90-х годов привела к тому, что образ «Сталина-отца» снова стал набирать популярность, хотя даже многие сторонники наведения порядка сталинскими методами не хотели и не смогли бы жить при таком тиране. Скорее апелляция к нему снова является формой протеста — на этот раз против коррупции и самодовольства постсоветской России.

Похоже, что архаический «отец» действительно ушел в историю, тем более что его вытесняет другой тип морального лидера, который условно можно назвать «защитником».

Защитник

В российской исторической традиции, наряду с «отцами»-царями всегда присутствовали и защитники народа, которые часто были умнее и сильнее «патеров». Вспомним хотя бы былины об Илье Муромце и князе Владимире или сказки, в которых солдат явно выигрывает по сравнению с царем. Сложные, противоречивые отношения между «от-

цом» и «защитником» вообще свойственны российской истории: можно вспомнить противостояния Павла I и Суворова, Сталина и Жукова. Защитник может подвергаться несправедли-

«Отцовство» Сталина держалось как на искреннем желании советских людей переложить свои заботы на мудрого правителя, так и на сильнейшем страхе

вой опале, удаляться в деревню Кончанское в чине фельдмаршала или в Одесский военный округ с поста главкома Сухопутных войск. Эти гонения придают защитнику дополнительную составляющую образа — обиженного, но не обидевшегося, готового по первому зову вернуться в строй.

При этом защитник часто не соответствует образу римского «народного трибуна», то есть заступника угнетенных соотечественников. Обычно защитник — это успешный военный вождь, спасающий страну от супостатов, набор которых в отечественной истории крайне велик. Если Илья Муромец побеждает заявившееся в столичный град Киев Идолище Поганое, то маршал Жуков добывает Гитлера в его берлинском логове (утверждают, что парадный портрет Жукова-победителя стал одним из поводов для его последней опалы в 1957 году). У защитника иногда присутствуют и «отцовские» качества, но они носят локальный, «корпоративный» характер. Идеальный полководец — «слуга царю, отец солдатам», обе эти составляющие были в образах Суворова и Кутузова, почитавшихся как в монархической, так и в сталинской и постсталинской России (понятно, что в советское время царь заменялся на Россию или народ).

Классический защитник — Александр Невский, в молодом возрасте (так что на «отца» он не похож — максимум старший брат) противостоявший после-

Владимир Компанек. Фигуры. 1972

довательно двум противникам: шведам и Ливонскому ордену. Устойчивость авторитета Александра настолько велика, что в его честь были названы ордена царской России и СССР (уникальный случай), а во время проведения акции «Имя Россия» в 2008 году он оказался одним из признанных лидеров. Петр I видел в князе своего предшественника в деле борьбы со шведами за выход к Балтике, Сталин — защитника страны от немцев, а современные евразийцы и последователи славянофилов — гениального геополитика, спасшего Святую Русь от западного засилья.

В данном случае защитник значительно выходит за рамки своей основной функции, превращаясь в восприятии людей в более масштабную многогранную фигуру и изрядно мифологизируясь. Понятно, что Александр Невский был не геополитиком, а реалистом. Перед великим князем стоял выбор — или уничтожение Руси после героической, но обреченной борьбы, или признание себя вассалом Орды и последовательное соблюдение договоренностей с монгольским ханом. Александр выбрал непопулярный, прагматический, но исторически оправданный путь подчинения и выживания — тот самый, по которому пошли его прямые потомки, московские князья. Однако одно дело — реальный образ князя — воина и дипломата, и совсем другое — образ Александра-«антизападника», в значительной степени навеянный восприятием сталинского фильма с актером Черкасовым в главной роли.

Еще один яркий защитник Отечества — князь Михаил Скопин-Шуйский, полузабытый молодой герой Смутного времени, воевавший в союзе со шведами против поляков. И воевавший успешно, возбудивший немало надежд, прерванных его неожиданной и загадочной смертью, как подозревали современники — от рук родственников, видевших в нем конкурента в борьбе за престол. На фоне слабого и недостаточ-

но легитимного царя Василия Шуйского общество видело именно в защитнике будущего «отца», что, видимо, и стало для него роковым. Кстати, пример Скопина-Шуйского, друга шведского генерала Делагарди, свидетельствует о том, что защитник в России совершенно не обязательно должен быть «антизападником» (но при этом в его образе обязательна ярко выраженная патриотическая составляющая).

С учетом такого фактора, как внешняя экспансия России, защитник далеко не всегда должен был оборонять Родину от агрессора — в ряде случаев он мог воевать на далекой чужбине или даже подавлять внутреннего врага, тесно связанного, впрочем, с внешними враждебными силами. В этих случаях он все равно воспринимается как защитник — на тот случай, если противник все же решится напасть на страну. Кроме того, речь шла о более широком понятии — защите интересов империи, которые могли быть весьма многообразными. Поэтому Суворов воспринимался как защитник во время боев в Италии и Швейцарии (с прицелом на новые войны против революционной Франции), а Скобелев, покорявший Центральную Азию и освобождавший болгар от турок — как возможный командующий войсками в случае военного противостояния с крупными европейскими странами (Англией или Германией).

Пример защитника, почти всю свою военную карьеру сделавшего на борьбе с врагом внутренним (хотя и недавно покоренным), — граф Михаил Николаевич Муравьев, которого сторонники называли «Муравьевым-Виленским», а противники — «Муравьевым-Вешателем»). Юным офицером он был тяжело ранен при Бородине, в молодости был декабристом, оставаясь при этом убежденным русским националистом, сторонником сильного имперского государства. Неудивительно, что он быстро отошел от тайного общества, которое перешло в ра-

дикальную оппозицию по отношению к монарху. В 1830—1831 годах он был одним из активнейших участников подавления польского восстания — именно тогда он и сказал, что принадлежит к тем Муравьевым, которые вешают, а не которых вешают. Затем последовала многолетняя административная служба — без особых успехов и провалов — и почетная отставка за несовместимость с реформаторской деятельностью Александра II и либеральной бюрократии. Так в его биографию вошел элемент опалы, хотя и весьма относительной.

Однако роль защитника Муравьев принял на себя на склоне лет, во время нового польского восстания 1863—1864 годов. Будучи вызван из отставки и назначен виленским генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями, престарелый администратор в короткие сроки смог привести к покорности вверенную ему территорию, сочетая как карательные, так и политико-экономические методы. Жестоко карая восставших, не останавливаясь перед казнями католических священников и наказывая представителей польской элиты за малейшее сочувствие к восстанию, он занялся проведением земельной реформы в интересах местных крестьян на условиях, значительно более выгодных, чем в имперской России. Кроме того, он сделал ставку на всяческое поощрение православия в регионе, видя в нем мощный политический ресурс российской власти. Фактически Муравьев действовал в рамках старой, хорошо знакомой ему и не слишком популярной в реформаторские годы николаевской парадигмы «православие, самодержавие, народность». Однако его жесткие (до жестокости) методы были восприняты в обществе как альтернатива слабости либеральных чиновников. Своими решительными действиями Муравьев способствовал сохранению Польши и Литвы в составе Российской империи — правда, не более чем на полвека. Он получил не только

общественное признание, но и высшие государственные знаки отличия — графский титул и орден св. Андрея Первозванного. В начале XX века ему был воздвигнут памятник в Вильне, который через несколько лет снесли после занятия Литвы немецкими войсками в ходе Первой мировой войны (имя Муравьева было одиозным не только для поляков, но и для литовцев).

Образ защитника, в отличие от образа «отца», как отмечалось выше, актуален и для современной России. Феномен Владимира Путина, начала его публично-политической деятельности невозможно понять без образа защитника, военного вождя, который возглавил страну во время второй чеченской войны и обещал «мочить в сортире» террористов. Общество ждало сильного дееспособного лидера, который принципиально отличался бы от политиков 1990-х годов, с которыми ассоциировались слабость и неудачи. «Хотели как лучше, получилось как всегда», — эта крылатая фраза долгого временного ельцинского премьера стала символической. Путин стал альтернативой такому подходу и получил реальную поддержку населения, трансформировавшуюся в два президентских срока. Со временем образ защитника начал приобретать новые составляющие, уже мирные, связанные с социальной политикой, поддержкой уязвимых слоев населения, защитой интересов страны на международной арене. Во время драм «Норд-Оста» и Беслана общество обратилось за защитой к власти (то есть все к тому же Путину), не видя ей альтернативы как защитнику в трагической ситуации, дав ей карт-бланш на проведение серии жестких решений — отмену губернаторских выборов и ликвидацию одномандатных думских избирательных округов.

За период 2000—2008 годов лишь один раз создалось впечатление, что путинский образ защитника может подвергнуться эрозии — во время монетизации льгот,

проведенной без учета социальной психологии и ставшей шоком для многих льготников. Однако шоку были быстро противопоставлены щедрые компенсации из наполненного нефтяными деньгами бюджета, которые позволили микшировать ситуацию и сохранить образ защитника в неприкосновенности. В то же время образ Путина лишен «отцовских» черт, что сделало возможным выдвижение преемника и перемещение президента на формально (но не фактически) второй по влиянию пост премьер-министра.

Пастырь

Третий тип морального лидера — пастырь. В отличие от «отца» и защитника, пастырь может не иметь официального статуса — напротив, такое положение, часто предусматривающее различные компромиссы, противоречит феномену пастырства, основанному исключительно на высоком моральном авторитете. Достаточно сравнить двух современников и в значительной степени единомышленников, причисленных к лику святых, — митрополита Алексия и преподобного Сергия Радонежского. Святитель Алексей сыграл огромную роль в возвышении Москвы, последовательно, талантливо и успешно защищая ее интересы в жесткой конкуренции с нижегородским и тверским князьями, также претендовавшими на великое княжение. Своей деятельностью он в значительной степени подготовил победу русских войск в Куликовской битве. Однако когда требовался пастырский авторитет, то становилось ясно, что им обладал основатель Троице-Сергиевой лавры, в беспристрастности которого могли быть уверены враждующие друг с другом князья. Несмотря на то, что его монастырь находился на территории Московского княжества, преподобный Сергий не был проводником политики князя Дмитрия Донского, исключая те случаи, когда он выступил

защитником общенациональных интересов (вспомним знаменитое благословение перед Куликовской битвой). Когда Дмитрий пытался провести в митрополиты своего ставленника Митяя, Сергий выступил против этой затеи; он же явно сочувствовал митрополиту Киприану в его затяжном конфликте с московским князем.

Глубокое уважение русских людей к пастырским качествам Сергия проявились не только в признании особой роли его монастыря (позднее ставшего лаврой) в истории не только монашества, но и страны в целом. Речь идет и о конкретных миротворческих деяниях преподобного, когда он приглашался в качестве арбитра в трудных спорах. Дважды, в 1358 и 1363 году, Сергий был посредником между московским и ростовским князьями. Затем, по поручению митрополита Алексия, он мирит нижегородских князей — братьев Дмитрия и Бориса Константиновичей, оспаривавших друг у друга контроль над столицей княжества; при этом благостный старец для вразумления не остановился даже перед такой чрезвычайной мерой как интердикт (закрытие храмов). В 1385 году преподобный совершает пешее путешествие в Рязань для того, чтобы примирить местного князя Олега с Дмитрием Донским — и добивается заключения взаимоприемлемого соглашения между, казалось, непримиримыми противниками.

Безупречные личные качества для пастыря в российских условиях традиционно важнее, чем те «месседжи», которые он посылает своей пастве. Наставления старцев, как правило, перекликаются одно с другим (верить в Бога, молиться, вести праведную жизнь), а наиболее почитаемые русские пастыри часто отличаются, в первую очередь, некоторыми особенностями внешнего поведения. Например, когда речь заходит о Серафиме Саровском, то вспоминаются обычно согбенный светлый ста-

рец, история с медведем, приходившим к монаху и получавшим от него хлеб, молитвы на камне. Однако для почитателей пастыря важна не оригинальность мыслей (которая, напротив, может отождествляться с высокоумием, способным привести к ереси), а его роль молитвенника за грешных мирских людей, «неотмирность», смирение, которое позволяет такому старцу смирять сильных и гордых. Пастырь в русском сознании не должен быть новатором — напротив, он хранитель духовной традиции, основанной как на Библии, так и на опыте предшествующих поколений.

Необходимо отметить, что жизнь пастырей далеко не всегда была идиллической — не только из-за трудов по созданию монастырей, часто в практически необжитых местах (знаменитый феномен монастырской колонизации). Пастырь, обладая интеллектуальной независимостью от правителей, мог вызывать их гнев, приводивший к конфликту, иногда напомиравшему противостояние библейских пророков и царей. Преподобный Григорий Пельшемский осуждал междоусобные военные действия, развязанные князем Дмитрием Шемякой: «Сколько людей гибнет от тебя голодом и стужею, и если вскоре не прекратишь междоусобия, кровопролития и насилия, то сам скоро лишишься и славы и княжения». Предсказание полностью сбылось, но еще до этого Шемяка приказал сбросить старца с высокого моста на лед реки, и тот несколько часов пролежал без чувств. Хорошо известна трагическая судьба митрополита Филиппа, не захотевшего быть сервильным политиком при Грозном царе и заплатившего за свою смелость лишением сана, изгнанием и гибелью.

Вплоть до XIX века пастырские функции выполняли духовные лица, и лишь секулярные тенденции привели к тому, что на эту роль стали претендовать светские люди. Казалось, что церковь

исчерпывает свои возможности, устаревают, ее служители ориентированы на карьеру и жизненные блага (особой критике подвергались «ученые монахи», иногда за несколько лет делавшие стремительную карьеру от выпускника духовной академии до архиерея), а подлинно духовная жизнь теплится лишь в нескольких провинциальных монастырях, в первую очередь в Оптиной пустыни. Хотя часто критики не замечали пастырей, живших рядом с ними, как далеко не всегда узнают святого. Пример — «маросейский батюшка» — московский старец Алексей Мечев, создавший крепкую духовно настроенную православную общину, объединенную вокруг своего пастыря. Когда же наступил период большевистских гонений, то выяснилось, что многие священнослужители готовы к пастырству, невзирая на смертельную опасность. Целый сонм новомучеников образовали «ученые монахи», отказавшиеся от обновленческого соблазна компромисса с властями. Патриарх Тихон, сочетавший в себе качества церковного администратора и пастыря, стал символом независимости церкви от атеистического государства. Добрый пастырь питерских рабочих, тихий и скромный митрополит Вениамин проявил стойкость и когда запрещал в служении обновленческих лидеров, и когда предстал перед несправедливым судом, завершившимся смертным приговором.

В современной церковной традиции пастырство сохранилось, хотя и в разных формах. Многие верующие обращались за советами к таким известным старцам второй половины XX века, как архимандриты Борис (Холчев), Таврион (Батозский), Иоанн (Крестьянкин), протоиерей Николай Гурьянов. Новое время способствует смене некоторых традиционных представлений — и появляется пастырь интеллигенции Александр Мень, смело проповедующий в крайне требовательной и часто скепти-

чески настроенной среде, обладавший огромной эрудицией, талантом проповедника и не боявшийся высказывать дискуссионные суждения. Понятно, что такой пастырь не мог стать «консенсусной» фигурой, у него не могло не быть множества врагов, что и стало причиной его гибели.

Если же говорить о «светском» пастырстве, то здесь ситуация значительно сложнее. Понятно,

что на эту роль не могли претендовать ни теоретики «официальной народности», ни титулованные специалисты по научному коммунизму. Революционное движение давало примеры претендентов на роль пастырей — от Бакунина до Михайловского, но они быстро выходили из моды и становились скучны даже своим современникам, не говоря уже о потомках. В XX столетии, когда многие интеллигенты были вынуждены пойти на компромиссы с системой, аналогом пастырства для далеких от церкви людей становилась интеллектуальная честность известных людей, противостоявшая ориентации на карьеру любой ценой. При этом одни открыто противопоставляли себя системе (и ориентиром для многих из них был Андрей Сахаров), тогда как другие, подобно Дмитрию Лихачеву, сосуществовали с ней, не становясь ее сообщниками.

В то же время роль пастырей пытались взять на себя великие писатели, не чуждые размышлениям о судьбах страны и народа и считавшие, что им удалось найти простые ответы на трудные вопросы. Лев Толстой и Александр Солженицын — два ярчайших художника слова — обладали достаточным моральным авторитетом для того, чтобы предлагать обществу пути его развития. Но если «Войну и мир» будут читать и через несколько веков, то «толстовство» стало «проходным» явлением в русской мысли, интересным сейчас преимущественно

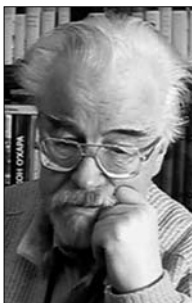
историкам. То же самое можно сказать и о наследии Солженицына — насколько сильное впечатление производят «В круге первом», «Раковый корпус», «Матренин двор», настолько же «про-

Общество ждало сильного дееспособного лидера, принципиально отличавшегося от политиков 1990-х годов, с которыми ассоциировались слабость и неудачи

ходной» выглядит антилиберальная публицистика нобелевского лауреата.

В наши дни пастыри востребованы больше, чем «отцы», но пастырство становится более локальным, ориентированным на отдельные группы населения, а не на страну в целом. Феномен «всероссийского игумена» Сергея Радонежского сейчас вряд ли возможен, хотя это не означает, что не может появиться старец, по своим духовным дарованиям не уступающий преподобному. Просто многие россияне, погруженные в каждодневные дела, вряд ли узнают о его существовании, и количество людей, получающих от него духовные дары, может быть ограничено сотнями, тысячами или десятками тысяч. Наиболее же востребованным типом морального лидера остается защитник, который в наибольшей степени соответствует представлениям россиян о лидерстве. Дело в том, что Защитник достаточно универсален. Он может быть привлекателен и для сторонника сильного патерналистского государства, и для инициативного человека, который не признает государственных «отцов» и воспримет далеко не каждого претендента на роль пастыря, но заинтересован в защите своих интересов, в спокойном и стабильном развитии государства, в безопасности для себя и своих близких.

Полная версия статьи публикуется в журнале «Гуманитарный контекст»

По поводу модернизации

*Александр Волков,
кандидат экономических и доктор исторических наук*

Теория общественного выбора, которую называют новой политической экономией (Джеймс Бьюкенен и др.) предполагает возможность влияния общества на стратегию экономического развития, на выбор между альтернативными решениями. Это в какой-то мере и происходит практически повседневно, хотя у нас, прямо скажем, не много рычагов такого влияния. Но в пору, когда экономике угрожает кризис, разворачиваются особо активные дискуссии о путях развития страны. Сейчас в этих дискуссиях, в частности о модернизации, просматриваются, если отвлечься от частностей, от чисто политических игр и амбиций, два основных концепта, два выбора между возможными вариантами.

Первый ориентируется, как на приоритет, на создание материальной базы инновационной экономики, инвестирование средств в научные центры, рождающие новые технологии, и в производства, их применяющие. Конечно, при этом предполагается и формирование кадров для таких центров и производств, но все же человек со всем многообразием его проблем, в том числе и не связанных с производством, социальные проблемы как таковые остаются на втором плане, решаются лишь по мере того, насколько они значимы для нормального функционирования материальных агентов новой экономики. Что еще более существенно, на первый план выдвигается не столько свобода человека в творчестве, не столько его инициатива, сколько способность решать поставленные кем-то задачи — государством, предпринимателем, менеджментом.

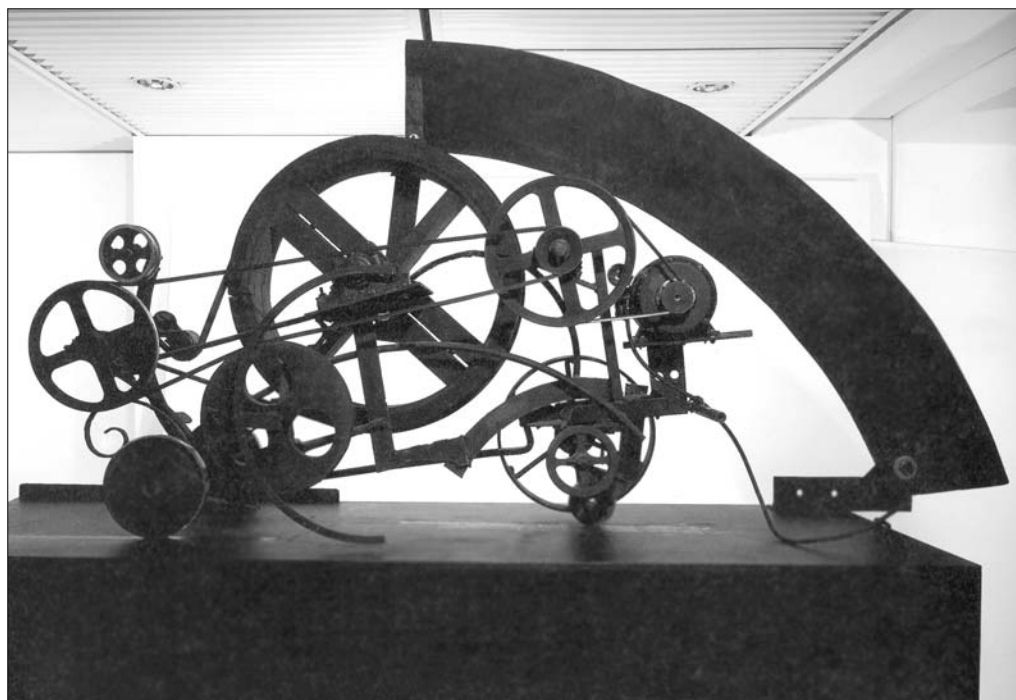
Второй концепт ставит на первый план человека и как производителя, и как потребителя, обеспечивающего платежеспособный спрос. Инвестиции в человека — это создание условий для его здоровья, образования, накопления им знаний и опыта, а также стимулирование его инициативы и творчества, как материальное (зарплата и проч.), так и моральное. Создание ориентированной на это законодательной базы и социально-психологической среды, то есть весь комплекс социальных условий, оказывается тогда основным приоритетом стратегии государства и деятельности институтов гражданского общества. Разумеется, что это предполагает и создание материальной базы для творческой деятельности современного работника, она формируется под воздействием его инициативы, как и обеспечение достойных условий его существования.

Может показаться, что эти два концепта не только не противоречивы, но представляют собой просто две стороны одной стратегии, одного понимания условий развития современной инновационной экономики. И в самом деле, ни одна из предлагаемых теоретических моделей не может существовать в чистом виде. Однако внимательный их анализ, особенно с точки зрения социально-экономической политики, приоритетов и акцентов в ней, рассмотрение некоторых деталей ее реализации обнаруживает

*Забота о человеке выглядит
как благодеяние государства, за которое
надо горячо его благодарить*

большие различия. Очевидно, что первый концепт отдает предпочтение государственному регулированию и даже управлению научными и производственными предприятиями, а второй делает ставку прежде всего на частную инициативу. Столь же очевидно, что в первом случае финансируются прежде всего материальные, производственные потребности, во втором — человеческие, социальные. Очень отчетливо эта разница просматривалась в свое время в распределении колхозного бюджета: деньги шли прежде всего в основные фонды — на покупку техники, в строительство коровников, оснащение токов и других мест переработки урожая, а на трудодни выплачивалось то, что от этих производственных расходов оставалось, а слишком часто не оставалось ничего. Называлось это «остаточным принципом». Тот же подход проявился и в первые пореформенные 1990-е годы, буквально во всех отраслях и сферах деятельности: деньги шли куда угодно, только не на зарплату, и всем памятны массовые протесты граждан по поводу ежемесячных и даже годовых задержек выплаты заработанных денег.

Современное производство требует совершенно иного, чем прежде, работника. Эту новизну хорошо описал в одном из своих выступлений на семинаре Школы шведский парламентарий Урбан Алин. Прежде, говорил он, люди приезжали в города из сельской местности и стояли у ворот фабрики, убеждая нанимателя: я буду работать за меньшую плату, чем он, мой конкурент. А наниматель сообщал, что сегодня нужно, например, три человека, и выбирал их соответственно цене рабочей силы, то есть самых дешевых работников. Они, работодатель и наемный работник, могли так общаться потому, что на фабрике был конвейер, и легко можно было менять людей на рабочем месте. Сегодня все выглядит иначе. Что в мозгах у человека, какая у него квалификация, опыт — вот что главное. «Знаки-символы», хранящиеся в голове человека, как образно описывал это Олвин Тоффлер, становятся основным средством производства. Этот капитал уже важнее материального капитала. Поэтому наниматель не может так просто выйти и взять людей, которые готовы работать за самую низкую зарплату. Посадить их за компьютеры, чтобы они подготовили, например, про-

Жан Тэнгли. Колесница МК IV. 1966

грамму ядерного реактора. В этом отношении рынок поменялся в пользу работников. В сегодняшней Швеции, говорит Урбан Алин, есть компании, где главные ресурсы — это люди, они-то и являются капиталом компании.

Мы не чувствуем со всей остротой этой новизны, поскольку Россия еще не стала современным, постиндустриальным, тем более информационным обществом. Инновационная экономика, по сути, только планируется, может быть, начинается, хотя это направление развития вроде бы уже избрано. Поэтому деятельность властей ориентирована скорее на первый концепт. При многочисленных речах о человеке, важности заботиться о нем, на первом месте все еще остаются скорее машины, чем человек. Забота о нем все еще выглядит как благодеяние государства, произвольно отмеряемое властями, за которое надо горячо благодарить эти власти, наших руководителей. Выглядит в лучшем случае как элемент социальной защиты, поддержки населения, а не насущная потребность экономики и проблема выживания нашего общества в условиях конкуренции. И это серьезный дефект общества, который не исправляется, а, похоже, даже усугубляется в процессе восстановления экономики на основе новых вроде бы подходов к ней.

Человек все еще не главная забота в нашей экономике и политике. Думаю, что это отнюдь не способствует модернизации.

Что значит быть современным политиком*

По моим наблюдениям, люди стали циничнее относиться к политике, вернее — к политикам, и, возможно, это неправильно. Во всяком случае, у меня это вызывает озабоченность, потому что мы оказались сегодня перед огромными вызовами во всем мире, и для адекватного ответа на них, конечно, требуется эффективное политическое руководство.

На мой взгляд, политика привлекает тех людей, которые хотят что-то изменить в обществе к лучшему. Есть люди, которые делают это ради своей страны и искренне верят в это. Ведь многие могли бы уйти из политики и заняться вполне успешным бизнесом, но, судя по всему, им это было бы не так интересно, поскольку у политика другая мотивация. Поэтому разговор на эту тему я начну, пожалуй, с личного опыта.

Несколько лет назад я был в Волгограде, выступал там в университете, и когда направился к кафедре, пожилой человек, находившийся в зале, начал меня обличать, что я принадлежал к фашистской организации, что НАТО хочет напасть на Россию, и мне не должно быть позволено выступать перед студентами университета. Между прочим, чувствовалось, что у него много сторонников в аудитории, и они ждали, как я буду отвечать на попытку срыва моего выступления. Поэтому я дождался тишины и сказал: «Я всегда приветствую подобного рода выступления, потому что Россия сейчас является демократической страной, и вы действительно хотели меня просто приветствовать, чтобы заставить себя почувствовать как дома». Надо сказать, что таким образом я получил поддержку молодой части аудитории.

В Киеве же, когда я выступал в школе, девушка лет пятнадцати задала мне вопрос: «Скажите, что вы делали, когда вам было пятнадцать лет? И задумывались ли вы в то время, что станете Генеральным секретарем НАТО?». На что я ответил: «Знаете, не буду скрывать: в вашем возрасте я выступал на улицах с протестами против размещения американских ядерных под-

*Лорд Джордж Робертсон,
председатель совета
директоров Cable and Wireless
International,
министр обороны
Великобритании
(1997–1999),
Генеральный секретарь НАТО
(1999–2003)*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 10 июня 2008 года.

водных лодок в доках Шотландии. Если бы кто-то мне сказал тогда, что я буду руководить военным оборонительным союзом, я бы решил, что они говорят совершенно безумные вещи».

Так что все меняется, и необходимо быть готовым к переменам. Мир меняется, и нет причин, чтобы у людей оставались взгляды и убеждения, которые у них были прежде. Политическую деятельность я начал с членства в национальной партии Шотландии, затем перешел в лейбористскую партию и в 32 года был избран в парламент. Это произошло 1 июня 1978 года, то есть ровно тридцать лет назад. Тогда лейбористы были один год в правительстве, а затем восемнадцать лет я провел в парламенте в оппозиции, в то время как лидеры правящей консервативной партии руководили страной таким образом, словно страна принадлежит им лично. Затем мы выиграли выборы, и я стал министром обороны. После этого мы еще дважды выигрывали на выборах. Поэтому я знаю, что такое работать во власти и в оппозиции. Но как бы то ни было, я начал политическую жизнь весьма молодым человеком и думаю, что разбираюсь в политике.

Дилемма, стоящая перед политиками сегодня, на мой взгляд, заключается в том, что все крупные проблемы являются международными, а все заботы избирателей связаны, как всегда, с местными проблемами. Остановлюсь вначале на первом роде проблем, среди которых самая серьезная это, конечно, глобализация, поскольку она затрагивает в наше время народы всего мира. Или то, что обычно называют экономической взаимозависимостью, когда бывшие национальные компании превратились в глобальные, и мы видим, что это приводит не только к положительным последствиям. Мы видим, например, что кризис банковской сферы, который начался в прошлом году в США из-за того, что аме-

риканские банки предоставляли кредиты бедным слоям населения (так называемая ипотека) для приобретения жилья, перерос в международный финансовый кризис, и это сказывается теперь на жизни людей в других странах мира.

Цены на нефть сейчас тоже выросли столь значительно, что это сказалось не только на цене бензина, но и на всем, для чего требуется топливо при изготовлении продукта. Даже в США, которым удавалось искусственно поддерживать на низком уровне цену на бензин, она превысила четыре доллара за галлон (галлон — это 3,78 литра, почти четыре литра). Это половина того, что мы платим в Европе за бензин эквивалентного качества.

Растут цены на пшеницу и мясо, что тоже связано, конечно, хотя и опосредованно, с ростом цен на топливо, но главное с тем, что в результате развивающихся процессов глобализации повышается уровень жизни населения в регионах, где раньше бедность была нормой жизни. В Китае, например, люди предпочитают теперь есть мясо, а для того чтобы произвести один килограмм мяса, требуется самое малое три килограмма пшеницы. Огромное население Китая, Индии и других стран ожидает, что оно получит те же блага, что и европейцы, например, кондиционеры, холодильники, автомобили, другие вещи, к которым мы уже привыкли. Итак, взаимозависимость — очень важный вопрос, вряд ли отдельные страны могут самостоятельно справиться с кризисом финансовой системы.

Вторая глобальная проблема — терроризм. Террористические организации не признают никаких границ между государствами и способны порождать страх и создавать хаос, где бы они ни совершали свои акты. И если мы соединим терроризм с распространением ядерного и другого оружия массового

Якуб Богдан. Кот среди петушков. 1710

поражения, то увидим масштаб угрозы. Это тоже не местный вопрос, не тот, который можно решить местными силами, не случайно избиратели спрашивают политиков: «А что же делать?».

Третий крупный вызов, с которым мы сталкиваемся сегодня, это организованная преступность. Рэкет, незаконный оборот наркотиков, работорговля, проституция, незаконная продажа оружия — все это стало огромной индустрией. Организованная преступность оценивается сегодня по обороту денег выше, нежели международный нефтяной бизнес. И все это происходит не только в России. На мой взгляд, это один из самых важных вопросов, о котором нельзя забывать.

И наконец, всех нас не могут, конечно, не волновать экологические проблемы.

Когда я в качестве секретаря НАТО был в Казахстане, меня поразило, какой огромный урон этому региону нанесла советская власть, используя Казахстан в качестве военного полигона. А когда вы подъезжаете к Аральскому морю (раньше это было действительно море, а сейчас — небольшое озеро), вы видите как бы кольца — это бывшая береговая линия, отходящая все дальше. Эксперты говорят, что в ближайшие тридцать лет произойдет еще большее повышение температуры и Аральское море вообще исчезнет. Опять-таки это огромный комплекс вопросов, имеющий отношение к политике не только на местном, национальном, но и на международном уровне.

Один американский политик как-то сказал: «Вся политика — это местная

политика!» Я помню, как после выборов 1978 года, в которых я победил в своем избирательном округе, но при этом моя партия проиграла на национальном уровне, в приемной депутата ко мне обратилась одна дама и стала жаловаться, что у нее на кухне сломался шкаф, а местные власти не хотят этим заниматься. Я чувствовал большую усталость, и, возможно, она прочитала на моем лице то, что я подумал в этот момент: «Почему бы вам не купить себе отвертку и самим не починить шкаф?». Во всяком случае, она сказала: «Господин Робертсон, я знаю, что вы очень важная персона, но моя кухня — это мой мир, и если он в порядке, я буду считать, что и остальной мир тоже в порядке». Мне понравилась такая точка зрения. Люди хотят, чтобы их проблемы тоже решались. Они хотят, чтобы улицы, на которых они живут, были в порядке, чтобы уровень жизни был гарантирован и постоянно улучшался, чтобы создавались новые рабочие места. Они заинтересованы в том, чтобы иметь собственный дом, чтобы у них была удобная система здравоохранения, и чтобы их дети могли учиться. Подавляющая часть населения озабочена именно этим.

А политик, чтобы быть успешным, должен ходить по домам, встречаться с людьми, разговаривать с ними, проводить телефонные опросы и т.д. Скажем, если вы следите за президентскими выборами в Соединенных Штатах, то не можете не обратить внимание на ежедневные сообщения, появляющиеся в СМИ, о настроениях в американском обществе. Вы видите по телевидению, что партийные волонтеры стоят на вокзалах, у супермаркетов, встречаются с избирателями, агитируют, то есть занимаются рутинной работой. И, на мой взгляд, это естественно. Это единственная возможность привлечь к себе симпатии людей.

Политики — особая категория людей, смотрящих в широком плане на мировые проблемы. Но когда вы приезжаете домой, вы тоже начинаете думать о том, насколько безопасно ходить по той улице, на которой живете. Или насколько довольны своим домом, какое образование получают ваши дети, получают ли они медицинскую помощь, когда заболеют. Поэтому понятно, почему люди ждут от политических лидеров помощи в решении конкретных вопросов, говорят о своих заботах, тревогах и т.д.

Но вернусь к тому, что я уже сказал. Если политик не смотрит на проблемы в крупном масштабе и не решает те вопросы, которые складываются из глобальной экономической взаимозависимости, угрозы терроризма, организованной преступности и т. д., то его деятельность едва ли будет успешной. И люди обычно понимают это, и тем не менее говорят: «Решайте ваши проблемы, но мы будем судить о качестве вашей работы по тому, как она сказывается на местном уровне. Если вы принимаете долгосрочные решения, мы хотели бы, чтобы они не влияли отрицательно на нашу повседневную жизнь».

Легко давать людям обещания во время предвыборной компании, что они будут лучше жить, не будет проблем с транспортом, в достатке окажется рабочих мест. Но потом вы понимаете, что эти обязательства невозможно выполнить, потому что слишком много внешних факторов этому препятствует. И в конце концов это приводит к разочарованиям граждан в политической системе. Добавьте к этому еще коррупцию, которая стала глобальной проблемой, и вы поймете, почему люди перестают верить в демократию. И тогда появляется демагог, который говорит: «Голосуйте за меня, я буду против коррупции». А на самом деле он начинает с того, что подавляет демократию.

Хорошо известно высказывание Уинстона Черчилля, что демократия плохая система управления, но она лучше всего из всего, что было испытано в истории человечества. Только посредством демократии можно обеспечить человечеству обладание истинным выбором, только она позволяет решать названные мной проблемы и дает гражданам те силы, которые необходимы, чтобы страна процветала.

Когда я говорил, что потратил 18 лет, находясь в оппозиции, это пугало людей, воспринималось как какое-то наказание. Но партия вынуждена нести такое наказание и вслушиваться в проблемы, заботящие людей, только тогда мы находим способы что-то изменить.

Очень важно, чтобы политики строго придерживались тех принципов, которые они провозглашают, и чтобы люди верили им. Конечно, в политике бывает много цинизма. Это касается и британского парламента. Но, чтобы преуспеть в политике, нужны честность и искренность. Мы должны защищать верховенство права, права собственности, последовательно бороться с коррупцией. Это самые крупные приоритеты политического руководства в любой стране, независимо от того, что это за страна. Если мы будем решать крупные проблемы, то в таком случае и люди, которые занимаются своими ежедневными делами, тоже будут достигать успехов.

У нас в Великобритании много спорят о морали в политике. Но надо разграничить моральные ценности как таковые и мораль конкретного политика. Политики такие же люди, как и все остальные. Их выбирают, они получают власть и реализуют ее, и не нужно ожидать, что политик непременно какое-то воплощение добродетели, это не

так. Это люди, которых выбрали другие люди с тем, чтобы они прежде всего представляли их интересы в правительстве. Но в политике должна быть моральная цель. Я не пошел бы в политику, если бы у меня не было такой цели и желания участвовать в общественной жизни. Конечно, всегда существуют и будут различия в том, как мы смотрим на вещи, но есть некие общие представления о нравственности, и есть разное понимание ее в отдельных странах. В Бирме, например, совсем недавно была нужна международная помощь тысячам людей, которые пострадали от циклона. Но что сделали генералы в этой стране? Они сделали совершенно безнравственную вещь, на грани зла, заявив вначале, что помогать им не надо.

Дилемма политика заключается в том, что все крупные проблемы являются международными, а все заботы избирателей связаны, как всегда, с местными проблемами

Люди могут по-разному воспринимать ценности демократии. Но гражданам, безусловно, нужна политическая свобода. Как я уже сказал, в США в настоящее время идет предвыборная президентская кампания, и мы видим, что есть два главных кандидата. Они представляют разные точки зрения, и пока непонятно, какой выбор сделает Америка. В конечном счете, это решат граждане, какой будет их страна, скажем, будут ли Соединенные Штаты присутствовать в Ираке. Эта ситуация разрешится в зависимости от того, кто придет к власти. У нас есть инстинктивное восприятие добра и зла, и это присуще, безусловно, политикам в такой же степени, как и простым людям.

*Мадинат Кумыкова,
выпускница Школы,
начальник Информационно-
аналитического управления
администрации Президента
Кабардино-Балкарской
Республики*

Кабардино-Балкарская Республика и сеть Интернет

Республика в виртуальном пространстве: первые шаги

Стабильный рост числа пользователей глобальной сети в России уже позволяет не опасаться того, что страна останется в стороне от общемировых информационных трендов. Но если спрос на глобальные и общероссийские электронные ресурсы информации можно считать более или менее удовлетворенным, то с развитием сайтов, имеющих региональную специфику, дело обстоит гораздо хуже. Как правило, это поле заполняется либо рекламными страницами коммерческих структур, либо частными попытками энтузиастов собрать на своих домашних страничках разрозненную информацию, посвященную своему региону. (Примерами последних могут служить, среди прочих, сайты www.kbr-life.ru или www.kbr07.info)

В последние годы системный подход к разворачиванию государственных электронных СМИ регионального масштаба был найден в таких крупных и развитых субъектах Российской Федерации, как Московская и Ленинградская области, поддерживающих известные сайты www.mos.ru и www.spb.ru. Однако часто региональные ресурсы, опирающиеся на поддержку государства, наполняются исключительно нормативно-правовыми и официальными данными, не слишком интересными для массового пользователя Интернета из конкретной республики, края или области.

Для Кабардино-Балкарии пока характерно не очень широкое разнообразие региональных интернет-проектов, которые поставляли бы потребителям свежую и оперативную информацию новостного, коммерческого или развлекательного характера. Если говорить о государственных программах, то нельзя не упомянуть проект www.nalnet.ru, за которым в конце 1990 годов закрепился статус официального сайта Республики. Этот ресурс стал своеобразной визитной карточкой Кабардино-Балкарии и с момента своего создания содержал общие данные о республике как субъекте Российской Федерации, освещал ее

государственное устройство, предлагал галерею фотографий природных уголков региона. Однако, на мой взгляд, этот проект так и не смог превратиться в регулярно обновляемый новостной портал, в полной мере «успевающий» за жизнью Кабардино-Балкарии и ее столицы — Нальчика.

Кроме того, Кабардино-Балкария имеет запись о присвоении ей доменного имени *nalchik.ru* как способа адресации в сети Интернет для географических единиц в общем списке доменных имен типа GEOGRAPHICAL РФ. Если поначалу на сайте *www.nalchik.ru* можно было обнаружить лишь подборку фотографий с видами республиканской столицы, то теперь это насыщенная новостями, полезной информацией, юмором страничка.

Из заметных явлений местной интернет-жизни можно упомянуть также сайт *www.work.kbrnet.ru*, который был разработан и создан при участии Управления федеральной государственной службы занятости населения по Кабардино-Балкарской Республике. Его сопровождение и поддержку осуществляют специалисты Республиканского информационно-аналитического центра молодежи КБР. Создатели сайта ставят перед собой задачу содействия занятости населения республики, чему способствует генеральный спонсор ОАО ЮТК «Каббалктелеком» <<http://www.kbrnet.ru>>, который предоставляет абонентам ADSL бесплатный доступ к его ресурсам.

Что еще можно сделать?

К сожалению, благие намерения властей по созданию официального сайта республики, начало которым положило объявление в 2003 году тендера, пока так и остались нереализованными. При этом за прошедшее время необходимость создания такого сайта только возросла. Республика рассчитывает на серьезные инвестиции, задаются векторы новой экономической политики, и поэтому проблема наполнения тематического сайта полной, достоверной и профессионально представленной информацией становится актуальной как никогда.

Каким может быть ожидаемый сетевой ресурс? Его основными компонентами могут стать следующие блоки:

- 1) общая информация о республике и ее административно-территориальном устройстве — это практически статичные данные, которые будут обновляться редко;
- 2) ресурсы профессионального использования:
 - база данных предприятий и участников рынка республики с делением по отраслям производства и сферам услуг;
 - база данных вакансий и заявок на трудоустройство;
 - аналитические обзоры рынков республики (например, обзоры рынка мобильной связи, предоставления доступа в Интернет), предназначенные для потенциальных внутренних и внешних инвесторов, а также действующих экономических акторов;
 - подготовленная с участием профессионалов информация справочно-разъяснительного характера, пошагово излагающая посетителям сайта процедуру регистрации новой фирмы или частного предприни-

Матей Крен. Идиома. 1992

мателя и другие моменты, вызывающие у непрофессионалов затруднения и потери времени;

— информация обо всех конкурсах и проектах Министерства экономического развития КБР по поддержке субъектов экономической деятельности;

3) ресурсы общего использования:

— новостная лента, освещающая основные события общественно-политической жизни республики;

— чат для текстового общения посетителей сайта;

— форум для обсуждения посетителями сайта различных проблем посредством добавления своих записей в дискуссию, развернутую по той или иной теме;

— электронная доска объявлений о продаже движимого и недвижимого имущества, сделанная по образцу бумажных газетных изданий с объявлениями о купле, продаже и обмене;

— система электронной почты с регистрацией электронных адресов вида «имя пользователя @kbr.ru»;

— система регистрации доменных имен третьего уровня вида «слово.kbr.ru» для некоммерческих проектов и частных лиц;

— система обратной связи для доведения посетителями сайта до его разработчиков своих пожеланий относительно технического исполнения и контента ресурса;

4) раздел, посвященный информационным технологиям:

— информация о правилах подключения к Интернету, адресованная новичкам;

— обзоры ключевых типов компьютерного оборудования, доступного для потребителей в Кабардино-Балкарии;

— доска объявлений о покупке и продаже компьютерного оборудования;

— система типа «вопрос-ответ» для консультирования проживающих в республике пользователей компьютеров и Интернета с формированием базы наиболее часто задаваемых вопросов в этой области и ответов на них;

— система добровольной переписи пользователей персональных компьютеров Нальчика с целью систематизированного подхода к развитию локальных домашних сетей в столице, а в перспективе — и в других районах Кабардино-Балкарии;

5) рекламно-коммерческий раздел:

— текстовая и графическая информация рекламного характера, размещаемая непосредственно администрацией сайта;

— баннерная система с возможностью заработать каждым ее участником права на показ своей рекламы на страницах сайта www.kbr.ru и сайтах других участников системы;

— регистрация на коммерческой основе ценных и удобно запоминаемых доменных имен третьего уровня вида «название фирмы.kbr.ru» или «ключевое слово отрасли.kbr.ru» с возможностью разработки веб-сайтов для каждого приобретенного адреса;

— специфические услуги в области разработки программного обеспечения и дизайна: создание программ для автоматизации специфических операций, в том числе сетевых приложений, разработка рекламных мультимедийных материалов для тиражирования на лазерных компакт-дисках и другое.

Государственная или частная инициатива?

Перед нами остро стоит вопрос: должны ли региональные интернет-ресурсы и торговля на основе электронных технологий развиваться усилиями государства или же стараниями частных лиц и организаций? По моему мнению, государственная власть может лишь способствовать развитию рынка услуг по предоставлению доступа в сеть Интернет посредством создания условий для провайдеров и фирм.

В настоящее время в КБР практически монопольное положение на рынке предоставления интернет-связи занимает филиал ОАО «Южная Телекоммуникационная Компания», или «Каббалктелеком».

Учитывая произошедший в республике в 2007 году значительный рост услуги широкополосного доступа (в 2,7 раза), с 1 июня 2008 года введены новые тарифные планы с неограниченным потреблением трафика, по которым тариф снизился почти в два раза. Сегодня за 800 рублей в месяц абоненты могут 24 часа в сутки исследовать и развивать «всемирную информационную паутину». С 1 июля филиалом проводится акция «Бесплатное подключение к высокоскоростному Интернету “DiSeL”». В результате число абонентов увеличилось в три раза.

На сегодняшний день к Интернету подключены все образовательные учреждения и органы власти республики, что само по себе вроде бы должно означать модернизацию и движение вперед. Однако и официальные лица, и обычные пользователи постоянно жалуются на высокие тарифы и качество предоставляемых услуг.

Причин здесь, наверное, несколько. Филиал не является первичным провайдером и поэтому для транзита интернет-трафика использует магистральные MPLS-сети операторов «РТКом» и «Ростелеком». По-видимому, при установлении тарифов учитывается баланс между реальным платежеспособным спросом потребителей и ценой, которая обеспечила бы сохранение рентабельности и возможность инвестиций в структуре расходов. Кроме того, следует учесть, что во многих районах республики телефонные линии устарели, а это снижает качество работы в Интернете посредством технологии ADSL.

Иными словами, необходимо создать такие условия, чтобы на рынке были представлены и доступны для широкого круга пользователей все возможные технологии подключения к всемирной сети — такие как спутниковый Интернет, беспроводной Интернет типа Wi-Fi, мобильный Интернет. Когда Интернет станет качественным, доступным и войдет в повседневную жизнь большинства граждан как полноценный источник информации, повысится как уровень наших сайтов, так и их разнообразие.

Возможно, частно-государственное партнерство может стать гораздо более значимым фактором развития рынка информационных услуг и ресурсов, чем попытки наладить инфраструктуру высоких технологий на государственном уровне.

Портрет пользователя

Пока, по оценкам социологов, в Кабардино-Балкарии Интернетом пользуются лишь 9,5% населения. Наиболее посещаемыми сайтами названы www.sk-news.ru (0,8%) и www.kavkazweb (0,3%). Некоторые респонденты отметили, что пользуются поисковой системой «Yandex» (0,6%) и программой быстрого обмена сообщениями «ICQ» (0,3%).

Среди респондентов, которым 18–29 лет, количество пользователей Интернета составляет 16,8%, 30–45 лет — 8%, 46–59 лет — 6,3%. Среди респондентов старше 60 лет Интернетом пользуются только единицы. Больше всего пользователей среди респондентов с учеными степенями — 17,6%, за ними идут респонденты с высшим образованием — 12,4%, на третьем месте — граждане со средним и средне-специальным образованием — 5,3%. Среди респондентов с начальным и неполным средним образованием встречаются лишь единичные пользователи. Выявлено также, что среди работников старшего звена наблюдается наименьший процент пользователей.

Следует отметить, что отмеченный респондентами сайт www.sk-news.ru создан и поддерживается инициативой и усилиями частного лица — собственного корреспондента ИТАР-ТАСС по Кабардино-Балкарской Республике, известной журналистки Марины Чернышевой. Сайт очень живой, он насыщен актуальной информацией в сфере экономики, политики и СМИ, посещаемый и известный. Этот ресурс весьма достойно и профессионально представляет нашу республику.

Есть положительные примеры участия государства в освоении интернет-пространства. Наиболее яркий из них — сайт президента КБР А.Б. Канюкова — www.president-kbr.ru, — созданный по его поручению в ответ на предложение, прозвучавшее во время встречи с молодежью республики. Совершенно новой формой взаимодействия с гражданами стала интернет-приемная президента. Все обращения, а они поступают в огромном количестве, рассматриваются, авторам даются обоснованные ответы, а некоторые, наиболее существенные и интересные для широкой аудитории, публикуются на страницах газеты «Кабардино-Балкарская правда».

В целом можно сделать вывод о том, что интернет-культура в КБР еще только формируется, а интернет-сообщество представлено в основном студенчеством и молодежью. В плане рекламы региона ресурсы всемирной сети используются слабо. В этой сфере нам еще предстоит сделать очень и очень многое.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хакиев А.А. Региональное развитие информационных ресурсов сети Интернет в Кабардино-Балкарии // Материалы региональной научно-практической конференции «Проблемы информатизации общества и образования», КБГУ, 2003 г.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утверждена Постановлением Правительства РФ 7 февраля 2008 г., № Пр-212) // *Российская газета*. 16 февраля 2008 г. № 34 (4591).

Отрасль СМИ и полиграфии КБР: в поисках модели управления. Социологическое исследование, проведенное в июне 2008 г. Информационно-аналитическим управлением Администрации Президента КБР.

Просвещение

Просвещение и образование

Термином «Просвещение» (с заглавной буквы) обычно обозначают историческую эпоху в развитии европейской философии, науки, культуры, длившуюся примерно с конца XVII века до начала XIX века. Принципиальным является то обстоятельство, что эта совокупность политических, экономических, социальных и культурных событий до сих пор оказывает влияние на нашу жизнь. Центральным понятием той эпохи стал «естественный свет разума», *lumen naturale*, а центральной идеей выступало убеждение, что разум есть своего рода универсальный инструмент, посредством которого можно познать все законы, объясняющие кажущийся хаос природного и социального мира. Присущая просветителям вера во всемогущество разума сегодня, возможно, выглядит наивной. Однако, принимая традиции просвещенческого рационализма или же, напротив, критикуя и отрицая рациональность той великой эпохи, мы в любом случае, по выражению французского философа Мишеля Фуко, остаемся «существами, в некоторой части исторически определенными Просвещением».

Понятие «просвещение» имеет и другое значение, которое тоже связано с определенным периодом европейской истории, но понимается, скорее, как его важнейшее, сущностное следствие. В этой своей ипостаси, широко утвердившейся в России, термин «просвещение» конкурирует с термином «образование» — зачастую они вообще используются как взаимозаменяемые. На мой взгляд, с такой трактовкой согласиться довольно трудно, поскольку она недопустимо

упрощает проблему. Если «образование» понимается как передача знаний, пусть даже глубоких и разнообразных, от учителя к ученику, то «просвещение» соединяет такую передачу с *нравственным осмыслением* переданного, в результате чего обязательной компонентой просветительства оказывается воспитание. Просвещенный человек, в отличие от образованного, не просто обладает обширными познаниями, но умеет и хочет использовать эти знания во благо. Для него знания сами по себе не являются самоцелью, хотя для человека образованного такое вполне возможно. Иначе говоря, в то время как образованный может жить анахоретом, читая книги и приращивая свои и только свои знания, просвещенный человек имеет гражданскую позицию и стремится реализовать ее.

Эпоха Просвещения в Европе

Период Просвещения в Европе называют еще «веком разума»: ни до, ни после него достоинства человеческого Разума не ценились столь высоко. Разум был вознесен европейцами на пьедестал, причем это было сделано в ущерб другим человеческим способностям, которые не слишком почитались или даже целенаправленно принижались. В то время Европа как будто проснулась: век Просвещения дал миру плеяду мощнейших талантов, которые продвигали вперед философию, естественные науки, экономику, политику, историческую науку, образование. Человечество «вырастало из добровольной незрелости» (Дэвис, 2005: с. 439). Был совершен гигантский прорыв к новым зна-

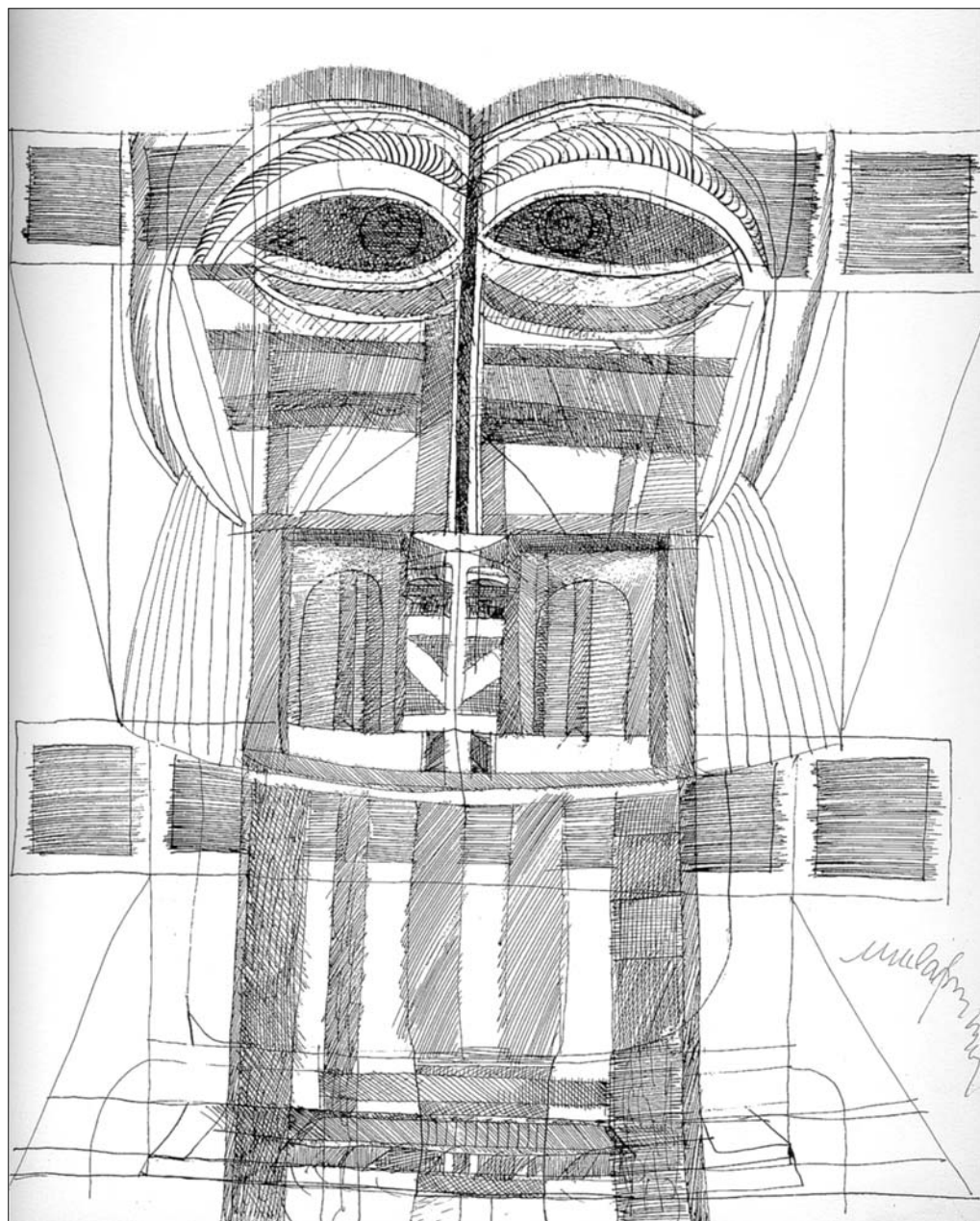
ниям, хотя впоследствии оборотной стороной его стала череда чрезвычайно жестоких европейских революций.

Философы Просвещения занимались преимущественно гносеологией, то есть пытались понять, что именно мы знаем и как мы приобретаем новое знание. Настоящую революцию в философии и социальных науках произвел немецкий мыслитель Иммануил Кант. Именно он наиболее полно и четко сформулировал концепцию Просвещения как морального и интеллектуального освобождения индивида. По словам Канта, очень актуально звучащим и сегодня, «просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной воле. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» (Кант, 1966: 26–27). Заметный вклад в формирование духовных основ Просвещения внесли также английские философы Джон Локк, Джордж Беркли и Давид Юм. Так, Локк обосновывал предположение о том, что все человеческое знание проистекает сугубо из опыта. В том же направлении шел и Беркли, убедительно раскрывший роль чувственного восприятия в формировании человеческих представлений о внешнем мире. Наконец, Юм, занимаясь исследованием механизмов, на которых держится религиозная вера, пришел к заключению о невозможности ее рационального обоснования. Изыскания этих мыслителей теснейшим образом примыкали к работе в естественных науках Исаака Ньютона. Сформулированные им законы всемир-

ного тяготения и механики определили базис общепринятой картины мира более чем на двести лет вперед. Главная идея, которую обосновывала новая физика, состояла в том, что окружающий человека мир — это мир *порядка*, причем порядка, в наиболее фундаментальных своих отношениях *естественного*, несмотря на наличие сверхъестественной первопричины, допускавшейся многими просветителями.

Одним из важнейших приоритетов Просвещения стала рациональная экономика, причем прогресс — крайне важное для той эпохи понятие — обосновывался и теоретически, и практически. В наиболее передовых европейских странах достижения научной мысли «конвертировались» в экономическую практику: например, освоение земель по научно обоснованной голландской методике радикально изменило облик ряда низменных районов Европы. Одновременно Адам Смит предложил новаторский «свод законов» рынка, который описывал механизмы производства, конкуренции, ценообразования. Интересно, что современная экономическая наука до сих пор вдохновляется проблемами, поставленными этим английским экономистом.

В политической сфере Просвещение было отмечено формулировкой базовых принципов гармонизации общественного бытия и разумного устройства государства. Именно тогда были сформулированы идеи разделения властей и взаимного сдерживания исполнительной и законодательной власти. В изложении Шарля Луи де Монтескье эти постулаты, ограничивавшие абсолютную власть и ставшие в наше время хрестоматийными, звучали так: «В каждом государстве есть три ветви власти: законодательная, исполнительная власть над теми вещами, которые зависят от прав народа, и исполнительная власть, связанная с гражданским правом. ...Но ничего не получится, если один и тот

Михаил Шварцман. Наивие. 1970

же человек будет осуществлять все три власти: создание законов, исполнение общественных постановлений и власть судить за преступления» (цит. по: Дэвис, 2005: 444).

Тот факт, что основу Просвещения составили рациональное знание и культ разума, объясняет присущую этой эпо-

хе моду на составление энциклопедий, которая порой становилась своеобразной манией. Наибольшую известность на этом поприще приобрел грандиозный проект, предпринятый французом Дени Дидро и предполагавший составление фундаментальной энциклопедии, или Толкового словаря наук, ис-

кусств и ремесел. Целью этого начинания провозглашалось обобщение всех знаний, накопленных человечеством к тому времени. Кстати, в эпоху Просвещения появилась и известная Британская энциклопедия — проект, хотя и не такой масштабный, но гораздо более долговечный.

Итак, культура Просвещения утверждалась широким кругом людей, работавших в самых разных направлениях. Вместе с тем две фигуры олицетворяли ее в наибольшей степени: с одной стороны, широчайшим диапазоном профессий и множеством социальных ролей, которые они с блеском играли на своем жизненном пути, а с другой — теми противоречиями, которые между ними закономерно возникали. Вольтера, литератора, историка и философа, и Жан-Жака Руссо, музыканта, писателя и философа, сближали великие цели. Но их взгляды не совпадали почти ни в чем. В то время как Вольтер обращался к просвещенным элитам, Руссо апеллировал к народам. Вольтер выступал поборником цивилизации, основанной на разуме, а Руссо предостерегал от того разлагающего влияния, которое она приносит с собой. Наконец, проблема общественного неравенства волновала Вольтера в значительно меньшей степени, нежели Руссо. Именно второму из этих мыслителей принадлежит фраза, цитируемая революционерами последующих веков: «Человек рождается свободным, а между тем он всюду в оковах».

Европейское Просвещение и образование

Особенно благодатной почвой для утверждения просвещенческих идей оказалось образование: век Просвещения стал также и веком Педагогике. Прежде монополия на школьное и университетское образование принадлежала

церкви, и поэтому почти повсюду усилия просветителей наталкивались на глубоко укоренившуюся религиозную традицию обучения. «К образованию способны все»: такова одна из самых знаменитых фраз в истории педагогической мысли, принадлежащая французскому философу Клоду Адриану Гельвецию. В этой мысли воплотились радикальные намерения Просвещения перестроить всю предшествующую систему образования, ибо, как доказывал ее автор, человек есть не более чем продукт того образования, которое он получил. Деятели Просвещения воодушевлялись широчайшими возможностями, которые обеспечивались образованием при формировании нового миропонимания (Parry, 2000: 25).

В результате упорной борьбы просветители добились того, что общее образование было отделено от религиозного, а в школьные и университетские программы в дополнение к классическим были включены и современные предметы. Важно, что государство начало воспринимать приобщение населения к образованию как собственную задачу, а не задачу церкви: во второй половине XVIII века создаются первые государственные органы, отвечающие за образование. Дэвис обращает внимание на интересную ситуацию в Польше, где в 1772–1773 годах была создана Национальная образовательная комиссия, которая стала первым в Европе государственным министерством образования. Комиссия проделала огромную работу, создав около двухсот светских школ и подготовив для них новых учителей. Причем эта деятельность пережила само государство, поскольку единая Польша вскоре была разрушена, а образовательная традиция и новые школы сохранились (Дэвис, 2005: 448).

Итак, современное образование — во многом «дитя» Просвещения, так что критикующие образование одновременно нападают и на сам просвещен-

ческий проект. Культ образования нередко обвиняют в том, что он игнорировал разнообразие, основывался на абстрактном индивидуализме и, что хуже всего, выступил источником утопической концепции технологического контроля над социальным порядком, в конечном итоге приведшего к ужасам тоталитаризма XX века (Parry, 2000: 26). Есть, однако, и другая точка зрения: современная Европа должна благодарить эпоху Просвещения не только за то, что она дала миру плеяду блестящих умов, но и в не меньшей степени за тот прорыв, который удалось совершить в области образования. Оно стало светским, то есть перешло от церкви к государству и обществу, в результате чего были созданы предпосылки для роста того мощного образованного среднего класса, который впоследствии стал двигателем европейского развития.

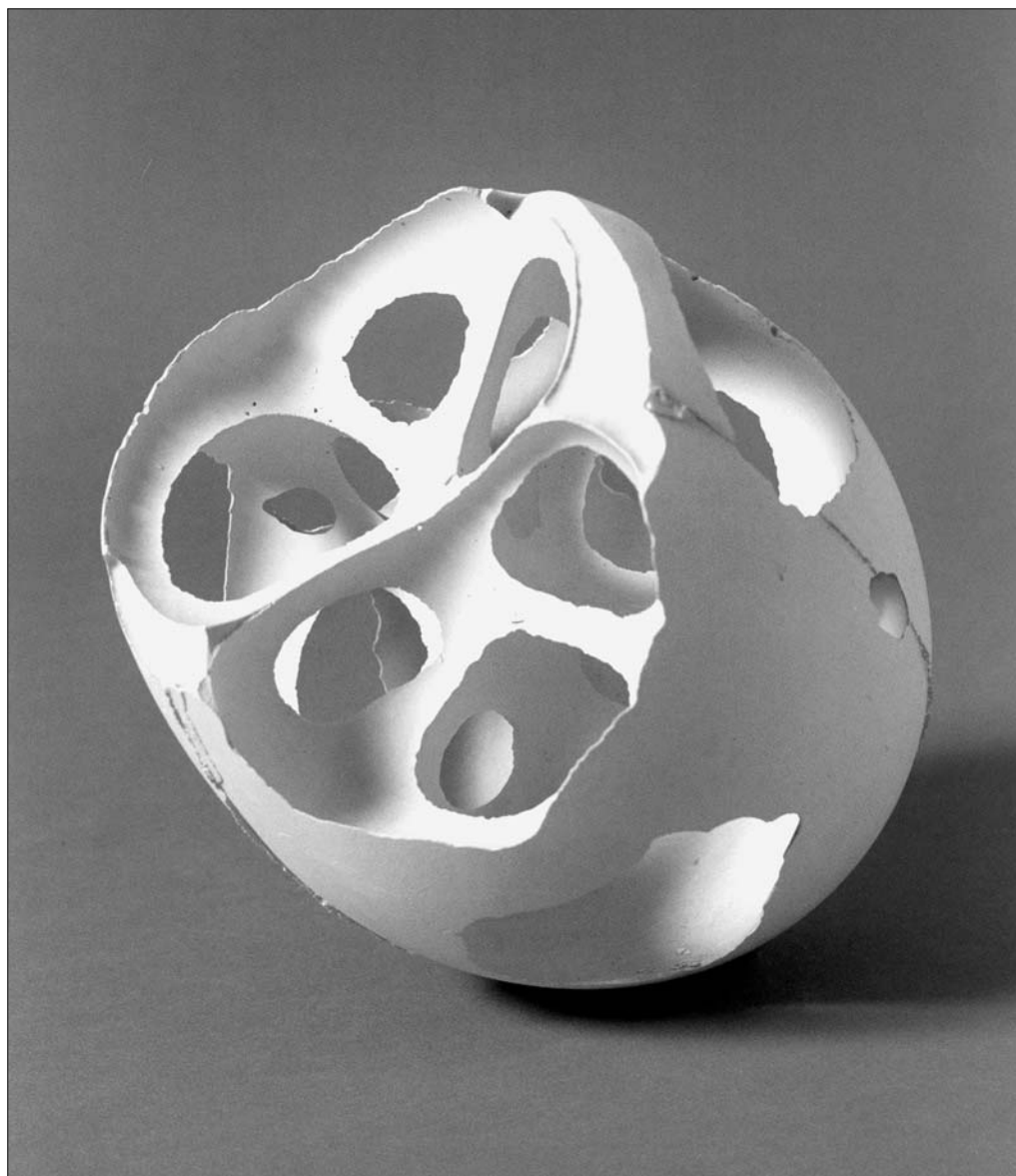
О Просвещении в России

Если для Европы эпоха Просвещения предстает временем Вольтера и Канта, то для России ее символами стали, несомненно, имена Ломоносова и Радищева. Однако первым российским просветителем оказался, как ни странно, политик — царь Петр I. Просвещение было его страстью, в нем он видел спасение для России, а источником его считал только Европу. Примечательно, что страсть к просвещению не мешала ему быть тираном и внедрять свои просветительские новации насильственным путем. Развив петровские начинания, основной просветительницей России сделалась императрица Екатерина II. Именно с ней в страну пришел «просвещенный абсолютизм», а себя она называла «философом на троне». Екатерина чрезвычайно высоко ценила идеи Монтескье, переписывалась с Вольтером и Дидро. Привержен-

ность принципам Просвещения заставила ее реформировать государственные институты с целью укрепления самодержавия, усиления и расширения бюрократического аппарата, централизации и унификации системы управления. Подобно тому, как это происходило в европейских государствах в период Просвещения, политика императрицы во многом ущемляла церковь. Так, в 1764 году в России была проведена секуляризация земель, принадлежащих православной церкви.

Что же касается общественных оценок российского Просвещения, то их неоднозначность прекрасно иллюстрируется извечным российским диспуттом между западниками и славянофилами. Суммируя не разделяемые им воззрения западников на российское Просвещение, Иван Киреевский писал: «Различие между просвещением Европы и России существует только в степени, а не в характере и еще менее в духе или основных началах образованности. У нас, говорили тогда, было прежде только варварство — образованность наша начинается с той минуты, как мы начали подражать Европе, бесконечно опередившей нас в умственном развитии. Там науки процветали, когда у нас их еще не было, там они созрели, когда у нас только начинают распускаться. Оттого там учителя, мы ученики; впрочем — прибавляли обыкновенно с самодовольством — ученики довольно смысленные, которые так быстро перенимают, что скоро, вероятно, обгонят учителей» (Киреевский, 2002: 151).

Позиция самих славянофилов была принципиально иной. Да, они вынужденно признавали достижения европейцев в развитии наук и познании вообще. Однако эти успехи воспринимались ими негативно, как нечто бесполезное и даже вредное. Развивая и тренируя отвлеченный ум, западный человек, по словам славянофилов, ут-

Мария Бартушова. Скорлупа. 1989

ратил религиозную веру и растерял убеждения. Более того, он разочаровался и во всемогуществе самого разума. Внутренний духовный разум был предан забвению в угоду внешней разумности и торжеству рационализма. Иное дело — просвещение в России. Невежество, бесспорно, пагубно, содействие просвещению народа есть высочайшее благодеяние, но заниматься им нужно по-

особому, не так, как в Европе. Для европейского просвещения свойственны раздвоенность и рассудочность. Российское же просвещение отличают цельность и разумность, в основе которой лежит православная вера. Именно благодаря своей религиозности России, по мнению славянофилов, предстоит сыграть ключевую роль в преобразении человечества. Европа пытается по-

стичь истину через рассудочное просвещение, но попытки эти бессмысленны, ибо истина постигается не одним рассудком, а всей духовностью человека, которая во многом базируется на вере. Если человек «при учености своей злое сердце имеет, то достоин сожаления и со всем своим знанием есть сущий невежда, вредный самому себе, ближнему и целому обществу» (Новиков, 1990: 161). Русское просвещение должно преодолеть вредные стороны западной образованности для того, чтобы направить ее в истинное русло, поскольку, согласно тому же Ивану Киреевскому, высшая ступень западной образованности есть лишь начало образованности русской.

К несчастью для нашей культуры, этот исторический спор не завершился до сих пор. Россия так и не смогла окончательно определиться и со своим отношением к европейскому Просвещению и его наследию. Эта двусмысленность, в свою очередь, препятствует внятной самоидентификации страны и ее общению к эпохе постмодерна.

Нужно ли просвещение современной России?

Сегодня в России наличествует громадная нужда в просвещении. По-видимому, это задача не только государственная. Такую миссию могло (и должно было бы) взять на себя гражданское общество — при создании государством рамочных условий для этого. Следует отметить, что по сравнению с 1990-ми годами нынешний подход государства к этой задаче принципиально изменился, ибо при всей неразберихе и хаосе того времени 1990-е годы с полным основанием могут называться «золотыми годами» российского просветительства. К сожалению, светлая полоса оказалась короткой, просвещение же нуждается в постоянных усилиях. Сегодня

российское государство объявляет образование одним из своих наивысших приоритетов: ему посвящен специальный национальный проект, в своем послании Федеральному собранию президент страны выделил образование в отдельную проблему, от решения которой будет буквально зависеть успех модернизации России. Однако, как уже говорилось, просвещение и образование — термины отнюдь не взаимозаменяемые. Образование, понимаемое властью чрезвычайно узко и формально, не заменяет просвещения, главная задача которого — научить людей иметь смелость и мужество пользоваться собственным умом.

Ирина Бусыгина

ЛИТЕРАТУРА:

- Дэвис Н.* История Европы. — М.: Транзиткнига, 2005.
- Киреевский И.В.* Разум на пути к истине. — М.: Правило веры, 2002.
- Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? Собр. соч. в 6 т. — М.: Мысль, 1963—1966. Т. 6. — С. 25—37.
- Новиков Н.И.* Отрывки // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. — Свердловск: Уральский государственный университет, 1990.
- Фуко М.* Что такое Просвещение // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 1999, № 2. — С. 132—149.
- Джон Грей.* Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. Пер. с англ. — М.: Праксис, 2003.
- Lively J (ed.).* The Enlightenment. — London: Longmans, 1966.
- Parry G.* Education Can Do All // *Geras N. and Walker R. (eds.).* The Enlightenment and Modernity. — London: Palgrave Macmillan, 2000.
- Munck T.* The Enlightenment: A Comparative Social History, 1721—1794. — London: Arnold, 2000.
- McMahan D.* Enemies of the Enlightenment. — Oxford: Oxford University Press, 2001.

Куда делась утопия?

Second Life (вторая жизнь) — выражение, которое приходит на ум, когда задумываешься о новой современной утопии. *Second Life* — это виртуальный пространственный мир в режиме онлайн. Его изобрела в 2003 году американская компания Linden Lab. Речь идет о другом мире, о «второй жизни», которая полностью проходит в Интернете. Пользователи, называемые в данном случае резидентами, могут просто войти в виртуальный мир *Second Life* или изменить его, дополняя «вторую жизнь» объектами, создавая новые заставки, вводя дополнительных персонажей. Резиденты могут даже пользоваться авторскими правами на создаваемые объекты, продавать их или обмениваться ими с другими «резидентами». Виртуальные денежные единицы (*Linden Dollar*) можно переводить в настоящие американские доллары или в настоящие евро. Внутри *Second Life* можно встречаться с другими людьми, но при «образном» посредничестве аватаров, воображаемых людей, действующих в виртуальном мире по поручению реальных людей. Этот виртуальный мир действительно способен создать иллюзию «второй жизни». Наделенная эффектами трехмерного пространства, она в любую минуту под рукой у вас дома. В этой виртуальной жизни можно постоянно изобретать самих себя в другом измерении, наконец-то избавляясь от проблем реального мира.

Second Life представляет собой одну из новейших форм технологической утопии. Но что скрывается за этим изрядно потрепанным словом «утопия»? Что означает это понятие — «утопия»? На общепринятом языке термин «утопия» используется для указания на нечто недостижимое и фантазмагорическое, не имеющее оснований в реальности. Исследователи политической мысли понимают под «утопией» вполне определенный жанр политического трактата, образчиком которого является «Утопия» Томаса Мора, опубликованная в 1516 году. «Утопия» это описание совершенного общества. У Мора Утопией называется остров в форме молодой луны. На острове около полусотни селений. В своем роде это идеальные города-сады. В каждом из них, разделенном на административные округа, 6000 семей. Работают все, и для всех

*Алессандро Скафи,
профессор истории культур
Средневековья и эпохи
Возрождения,
институт Варбурга
при университете
г. Лондона*

работа как игра. Благодаря этому на Утопии богатая экономика, справедливое распределение благ и достатка, уйма свободного времени и приятный досуг. На Утопии нет роскоши, частной собственности, причин для враждебности и разногласий, стремления к материальному обогащению. На Утопии все живут счастливо и мирно, уверенные в отсутствии внутренних распрей и внешних угроз.

Утопия представляется идеальной и в то же время воображаемой страной. Термин «утопия» придуман Томасом Мором, он заимствовал его из греческого. Согласно Морю, «утопия» — это и *eu-topos*, и *ou-topos*. *Eu-topos* происходит от греческих слов *eu* — «хороший» и *topos* — «место». Следовательно, мы имеем дело с «хорошим местом». *Ou-topos* означает «не-место». То есть для Мора Утопия была как «хорошим местом», так и «не-местом». В самой этимологии слова заложена двусмысленность, свидетельствующая о том, что Утопия была счастливым местом, расположенным в пространстве вне места. В ней мы обнаруживаем множество странностей: реку без воды *Anydris*, (*an* по-гречески означает «без», а *idris* — «вода»); монарха без подданных (принц *Ademus*); горожан без города (*Alaopolites*); столицу-призрак (*Amaurote*).

«Утопия» Томаса Мора полна лексических парадоксов. Они отражают главные парадоксы, общие для всех утопических конструкций, описывающих реальное место вне пространства и реальное время вне времени. Достичь утопии, кажется, невозможно ни для кого, кроме тех, кто способен чудесным образом сжать пространство и остановить время. Утопия всегда где-то там, на далеком острове, за морем-океаном, вечно недоступная. Утопия всегда «вне времени». Она в вечном вчера... в некотором царстве, в некотором государстве... но она еще наступит завтра! Вера в идеальное и счастливое общество не как в плод фантазии, а как в некогда существовавшую реальность, которая обязательно настанет в конце истории, представляется нам константой истории человечества. Это очень важно для тех, кто действует на политическом поле и изо дня в день занимается политикой как искусством возможно-го. Очень важно понимать это, а значит, придавать своей работе историческую перспективу. Стремления и решения, хоть и абстрактные, вытекающие из истории утопии, никоим образом не являются чуждыми разработке больших тем, оживляющих политическую дискуссию. Поэтому сегодня вполне уместен вопрос: куда же делась утопия?

Мы не случайно задаемся этим вопросом именно здесь, в Москве, где на протяжении двадцатого столетия была предпринята попытка реализовать великую утопию, тоталитарную утопию коммунизма. И не случайно мы задаемся этим вопросом именно сегодня, в момент великих перемен, требующих от нас умения спроектировать радикально новое общество.

Куда делась сегодня утопия? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, мы должны в первую очередь выяснить, что же это, собственно, такое — утопия? Многие сводят значение утопии к общепринятому толкованию, понимая под утопией всевозможные представления об идеальном и несуществующем обществе. Однако это явление видится гораздо более сложным и глубоким. Во все времена в утопиях повторяются одни и те же мотивы. Это дало повод Мартину Буберу говорить о «тропах утопии». Некоторые объясняют постоянство этих тем следованием некой литера-

турной модели, а именно «Утопии» Томаса Мора. Другие дают более глубокие объяснения, говоря о желании преобразовать жизнь, преследующем человека, где бы он ни был. Или о бессознательном психическом процессе, скрывающемся за усилиями тех, кто создает идеальный город. Все кто писал об утопии, отмечают, насколько сложно дать точную формулировку этого жанра.

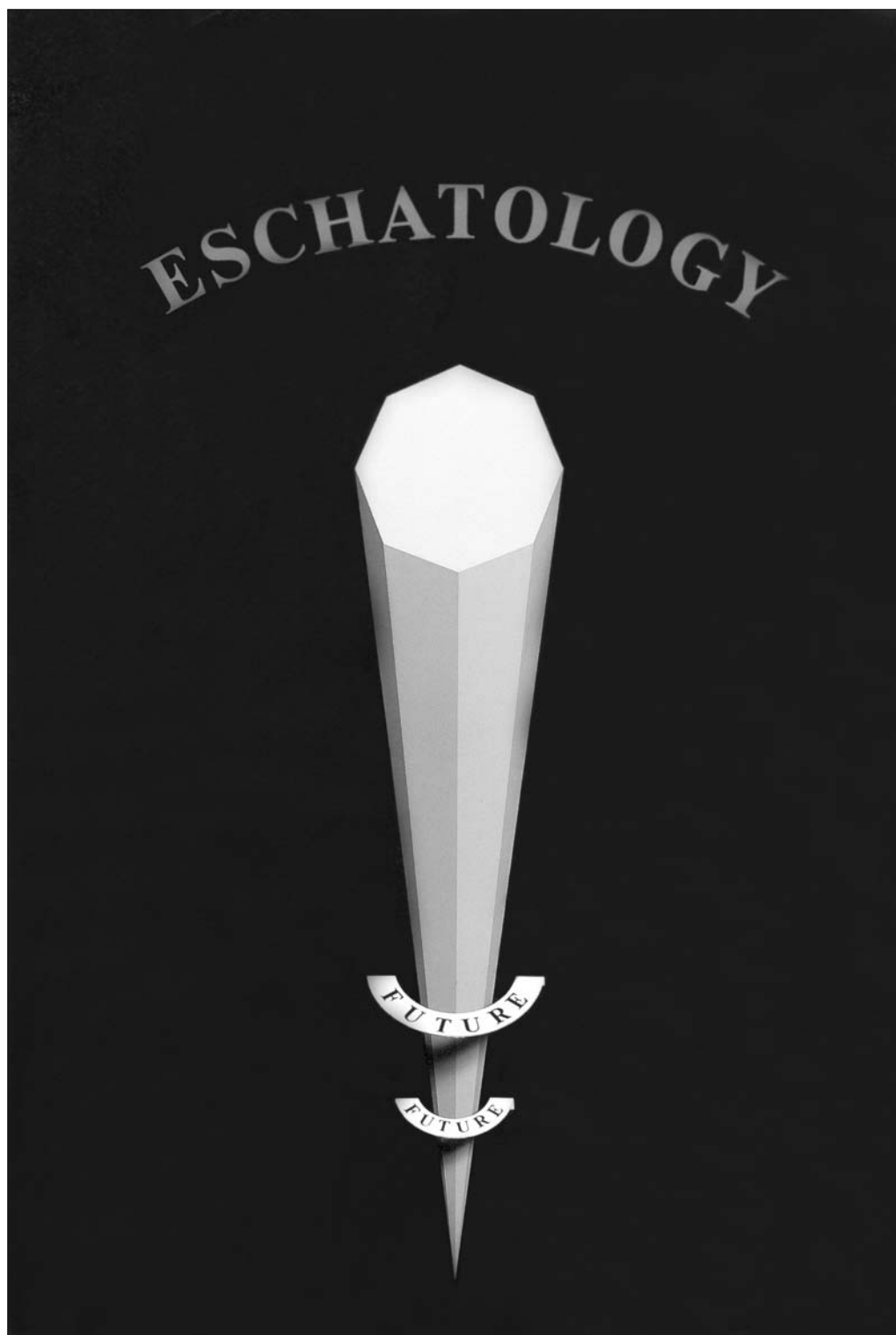
Рэмон Труссон, к примеру, предупреждал, что попытки исчерпать эту тему сами по себе... утопичны! Классические произведения жанра утопии, Платона, Мора, Кампанеллы, рассматривались под самыми разными углами.

Их расценивали и как художественную фантазию, и как идеальные конструкции вне исторического контекста, и как идеализацию исторических моделей, и как реальные правительственные программы. И всякий раз на поверхность выступала двусмысленность термина, придуманного Томасом Мором: утопия — это, как мы выяснили, одновременно *ou-topos*, не-место, несуществующее место, и *eu-topos*, хорошее и счастливое место, идеальное государство, существование которого считается вполне возможным. Более того, самыми популярными утопиями были как раз самые противоречивые утопии, допускавшие разнообразные интерпретации и подходы. Каждый проект идеального города словно отсылает нас к двусмысленности и многообразию, имеющим глубокие основания.

Карл Мангейм дал социологическое объяснение утопии. Раймон Рюйе предложил психологический ключ к пониманию жанра утопии. Однако утопия не сводится только к процессу социального развития или к играм ума утописта. В чем состоит конечная цель утопических фантазий? Почему они тяготеют к постоянному обновлению? Где та единая красная нить, если она вообще есть, которая проходит сквозь весь жанр утопии? Рожер Муккьелли попытался определить принцип, постоянно присутствующий в человеческой истории, некую исконную силу, толкающую людей на бунт против существующего общественного устройства и миропорядка, бунт, основанный на представлениях о другом, более справедливом мире. Эта неосознанная воля к свободе, по Муккьелли, принимает форму мифа, мифа идеального города, наиболее глубоко укоренившегося в человеческом сознании. Здесь мы имеем дело с единым принципом, отражающимся на поведении как отдельных людей, так и целых народов. Утопия является лишь одним из исторических определений этого поведения. Муккьелли отмечает, что во все времена, согласно истории и вопреки ей, возрождается миф об идеальном городе с постоянными отличительными признаками соразмерности, законченности, непреходящести.

Однако если принять утверждение Муккьелли об исконном стремлении человечества к всеобщности и полному совершенству, из которого исходят не только совершенные линии идеального города, но и сожаление об утрате некогда совершенного состояния и ожидание грядущего небесно-

*Сравнительное изучение утопий
показывает, что в политическом
воображении имеются константы
представления о власти, обществе,
способах строительства совершенной
общности людей*

Зви Голдитейн. Будущее. 1985

го счастья, то можно говорить о более обширной истории мифа об идеальном городе. Тогда мы можем высказать общие соображения о представлении человеком идеального государства. Понятие идеального города можно рассматривать в качестве исторического явления и переносить во времени и пространстве. При переносе во времени это понятие применимо к истокам цивилизации. Отсюда миф о Золотом веке, тоска по состоянию совершенного счастья в начале всех времен, когда не было смерти, люди говорили с богами и жили в полном изобилии, когда во всем царил справедливость, все совершалось без каких-либо усилий. Для древних греков это была эпоха правления Кроноса. В Библии говорится о времени первородной непорочности и блаженства Адама и Евы. Понятие идеального города можно рассматривать в качестве исторического явления и переносить в конец времен. Отсюда идея будущего Золотого века, после очередного перерождения космоса, в соответствии с циклическим представлением о вечном возврате. В Библии, согласно линейному представлению об историческом развитии, предвещается Небесный Иерусалим конца времен.

Понятие идеального города применимо и к пространству. Иначе говоря, его можно актуализировать в настоящем, но поместить в некое удаленное место. Отсюда миф о Золотом веке, воплощенном в некоем месте: на островах Счастья и Удачи или на Елисейских полях. По классической традиции герои живут на них *сегодня* божественной жизнью, напоминающей жизнь начала времен. В христианской традиции развит миф о земном рае. В основе его идея о том, что место первородного блаженства Адама и Евы, Эдемский сад, сохранилось где-то на земле. Место это отмечено на многих географических картах. Именно этим вопросом я занимался в ходе моих исследований по истории картографии земного рая в западной традиции. В христианском Средневековье не было ни одной утопии, не связанной с идеей божественного вмешательства в человеческую историю. Никто и помыслить не мог, что человек в одиночку может воздвигнуть на земле идеальный город. Хотя некоторые, вроде Роджера Бэкона в XIII веке, предсказывали всеобщее христианское общество в качестве земного воплощения и предвосхищения Града Божия конца времен.

В эпоху Возрождения архитекторы и гуманисты стали задумываться о возможности построения человеком идеального города на земле. Они черпали вдохновение в городах-государствах классической эпохи, в греческих полисах, а также в законах самой природы. Города, площади, дороги, бульвары — все это можно было спроектировать и построить, следуя плану, идеально соответствующему божественным природным законам. Леон Батиста Альберти, к примеру, описывал предлагаемые проекты для земных городов, помещенных в точные математические сетки. Леонардо да Винчи намеревался ввести функциональную модель расположения улиц и домов во Флоренции и Милане. Леонардо Бруни восхвалял геометрический центр Флоренции наряду с ее гражданскими свободами. Не только тело города — его архитектурная структура, но и городская душа — его политическая структура могли быть усовершенствованы и украшены благодаря рациональным законам и возможностям новой образовательной системы.

Идеальный город Возрождения был реальным и специфическим. При этом универсальный и утопический характер города проявлялся в его геометрической модели, идеально соответствовавшей законам природы. По мысли проектировщика города, он мог изменить людей благодаря организации городского пространства. Архитекторы пятнадцатого века опирались на познания в математике и вдохновлялись образцовыми городами античности. Они проектировали свои города как живые организмы. Тем не менее строительство такого идеального города на земле не состоялось ни в реальном пространстве, ни в реальное время. Честолюбивая попытка превратить существующий город в совершенный город столкнулась с историческими процессами, отрицавшими реальность полиса. Новая реальность Синьории* и появление крупных национальных государств раздавили гуманистическую мечту об идеальных и свободных городах-государствах, вдохновленных классической моделью. В начале пятнадцатого века проекты итальянских городов преследовали цель быть как совершенными, так и практичными. В конце пятнадцатого века совершенные и практичные города можно было отыскать разве что в воображаемых мирах. Если раньше идеализм лишь исподволь присутствовал в геометрической правильности городской планировки, то теперь он становится все более явным. Возникает утопия.

Описания утопического характера идеальных и воображаемых обществ наводнили литературу Возрождения. К этому приложили руку Антон Франческо Дони, вообразивший в своем «Мире сумасшедших» радикальный город с женским кварталом для общего пользования; Франческо Патрици да Керсо, мечтавший в «Счастливом городе» о правительстве из мудрых философов и полном изобилии продуктов; Лудовико Агостини, видевший в своей «Диковинной республике» преимущества фантастической республики с домами-общежитиями и опытными поварами; Томмазо Кампанелла, согласно которому жители его укрепленного «Города солнца» занимались постоянным самообразованием при идеальном коммунистическом строе, предаваясь любви только по предписанию астролога и врача.

История утопического жанра доходит вплоть до наших дней. Но чем интересна нам история утопии сегодня? Дело в том, что существует тесная связь между утопией и политикой. Сравнительное изучение утопий показывает, что в политическом воображении имеются константы, повторяющиеся стереотипы мысли для представления о власти, обществе, способах строительства совершенной общности людей. Существует и жанр утопии, получившей определение *социальной утопии*. Она скорее применима к политической практике. Социальная утопия является проектом по переустройству всего общества. В рамках этого проекта утопия игнорирует конкретные возможности преобразования, необходимые для этого средства, постоянное возникновение новых страстей, пристрастий, потребностей, чаяний, ценностей. В рамках этого проекта утопист наивно верит, что для создания совершенного общества дос-

* *Форма политического устройства ряда итальянских городов-государств второй половины XIII — середины XVI вв., характеризующаяся сосредоточением власти в руках правителя-тирана. (Прим. ред.)*

таточно обновить государственные институты, принять хорошие законы, реформировать систему образования. Но программа социальной реформы становится менее утопичной, если радиус ее действия сокращается во времени. Проекты по переустройству общества, считавшиеся в свое время утопичными, в конце концов, предваряют будущие решения. В этом случае они не распространяются на всю общественную жизнь, не игнорируют исторические этапы развития, психологические препятствия, ограниченные возможности техники, человеческие страсти и пороки.

*Утопия восстает против того, что есть,
во имя того, чего нет, но что в глубине
человеческого сознания стремится
к осуществлению*

В этом случае, писал Ламартин, «утопии зачастую являются ничем иным, как преждевременными истинами».

Есть и другая классификация утопического жанра, представляющая интерес для Школы политических исследований. Речь идет о различии между *утопией бегства от действительности* и *утопией преображения*. *Утопия бегства от действительности* — это исключительно литературное описание идеального города, умственное построение справедливого и совершенного мира. В описании может преобладать назидательное начало (и тогда бичеванию подвергаются пороки), обучающее начало (и тогда предлагаются образовательные меры), научное начало (и тогда возникают новые горизонты, открытые наукой). Так или иначе, *утопия бегства от действительности* отражает произвольную игру ума. На противоположном полюсе мы находим *утопию преображения*. В ней проявляется сильное нравственное напряжение и то идеальное представление, за которое мы готовы биться не на жизнь, а на смерть — свою и чужую. Здесь утопия становится *хилиастической*. Так она названа по аналогии со средневековой верой в тысячелетнее царство на земле Бога и праведников. По Норману Кону, каждую хилиастическую доктрину можно определить как весть о всеобщем преображении человеческого существования. Вытекающее из нее видение характеризуется, по Кону, целым рядом элементов. Во-первых, преображение является *коллективным*, поскольку относится к целой группе или целому народу. Во-вторых, *земным*, поскольку идеальный город должен быть построен на этой земле. Кроме того, преображение воспринимается как *тотальное*, поскольку вовлекает в процесс глубоких перемен все стороны жизни. Наконец преображение понимается как *неизбежное*, а его наступление сопровождается небесными знаками. Вот как утопическая традиция оставляет после себя поле абстрактных теоретических умозрений и непосредственно входит в историю и политику.

В этом контексте Норман Кон исследовал несколько народных средневековых движений, которые руководствовались хилиастическими идеями и предпринимали попытки достичь собственного утопического преображения. Обычно эти волнения отмечались в перенаселенных и быстро развивавшихся районах, где чувство безопасности, свойственное феодальным устоям, сменялось полной дезориентацией. Там скапливались массы взбудораженных и неистовых людей под предводительством очередного мессии. Экзальтированные адепты движения

Тони Крег. Собор. 1987

считали себя хранителями божественных заповедей. Интересно, что Кон сравнивает мессианские средневековые движения с тоталитарными системами двадцатого века и не только в части фанатизма и нетерпимости. По мнению Кона, в обоих случаях речь идет о ряде хилиастических заповедей, высказанных в убедительной и пророческой форме отчаявшимся и лишенным своих корней людям. Их вовлекали в движение, готовое перевернуть мир с целью его преобразования. Точно так же, полагает Кон, Гитлер был новым мессией для немецкого народа. Он был готов вести новый избранный народ в новое тысячелетнее царство, царство арийской расы. То же самое происходило, по мысли Кона, и с коммунистической утопией. Пролетарии считали своим дол-

гом очистить ради нее прогнивший мир, в надежде, что скоро из мира горести и угнетения они попадут в рай бесклассового общества.

Сегодня мы знаем, что все эти утопии потерпели крах. Сегодня их очень легко осуждать. Политические реалисты издавна критикуют наивный характер утопии. Политические прагматики не приемлют государств, искусственно создаваемых теоретиками. История этой критики восходит еще к Аристотелю. По мнению реалистов, критикующих утопические грезы, те, кто не принимает несовершенство общества, отказывается от его совершенствования. В этом-то и заключается ошибка. Поборники тоталитарных грез взывают к свободе, но устраивают гонения. Утопическая жажда покончить с прошлым, чтобы начать все с нуля, напоминает неумный характер французских революционеров, стрелявших в Париже по башенным часам. Однако эти попытки обречены на провал, поскольку утопические модели неизбежно сдерживают динамизм жизни. Неслучайно замечено, что гравюра острова Утопия, украшающая первое издание сочинения Томаса Мора, по форме очень напоминает маленький череп. Утопии, стремящиеся зафиксировать и затормозить жизнь, несут смерть и разрушение. Попытка установить тотальный контроль над живым организмом означает убить его. Именно так утопии становятся концентрационным лагерем счастья, где людей «заставляют» быть свободными, где мечта о новом мире превращается в кошмар.

Однако вопрос остается: стоит ли жить без мечты? Иные безапелляционно осуждают утопию как нелепую, извращенную, опасную практику, как абсурдную, далекую от истории фантазию. Это стало еще очевиднее после трагического похмелья от тоталитарных идеологий двадцатого века — коммунизма и нацизма. В эту эпоху утопия проявила все свои мрачные стороны, чреватые гибелью и катастрофой. Однако кто-то упорно отмечает новаторские черты утопий, настаивая на том, что утопии были не только надуманными олитературными попытками уйти от действительности или пленительными мечтами, готовыми обернуться трагическим кошмаром. Кое-кто продолжает заявлять, что утопии предвосхищали еще не утвердившиеся истины, способные изменить историю. Для поборников утопического воображения человек не является таковым без какой-либо утопии.

Значит, термин «утопия» все еще сохраняет некую двусмысленность. Положительную или отрицательную? Это зависит от того, кто произносит слово «утопия», от его интонации. «Утопия» может означать надежду или отчаяние, свободу или угнетение. Вот почему важно задаться одним существенным вопросом: всегда ли утопические построения оборачиваются иллюзорными фантазиями, ведущими к катастрофе? Или утопическая фантазия является неудержимой мечтой человеческого духа, его творческим стимулом? О чем же мы говорим: об *Eu-topia* или об *U-topia*?

Конечно, как писал Эрнст Блох, утопии описывают *Noch-Nicht-Erfahrung*, то есть то, что еще не подтверждено опытом. При этом они следуют тем же образам, тем же схемам, тем же решениям, тем же мечтам. И тогда уместно задаться вопросом: откуда берутся эти столь схожие образы в столь отдаленных друг от друга во времени и пространстве культурах? Какие глубинные потребности находят в них свое общее выражение? Почему, несмотря на критику, снова и снова повторяются

все те же противоречия? Неужели утопист не осознает, что его мечта о свободе убивает свободу? Очевидно, мало просто выявить противоречия утопических видений. Видно, мало просто указать на ошибку для того, чтобы данное представление больше не обольщало сердца и умы. *Non flere, non indignari, sed intelligere*, — писал Спиноза: не негодовать, не удивляться, но понимать.

А чтобы понять вечное повторение одного и того же символа, чтобы объяснить постоянное воздействие, которое оказывают на людей эти образы, кто-то заговорил о проекции бессознательных психических процессов и о всеобщих потребностях, лежащих в основе утопической мысли. Потребностях в единении (то есть стабильности, безопасности и мире), целесообразности (то есть подлинности существования ради неэфемерных ценностей), справедливости (то есть отсутствия беззакония, подавления, социального отчуждения). Когда эти потребности переводятся в рациональные формулы в рамках утопического представления, тогда проявляются противоречия и антиномии. Но в *этой* преобразовании, противоречия и антиномии всегда игнорируются, поскольку утопия восстает против того, что есть, во имя того, чего нет, но что в глубине человеческого сознания стремится к осуществлению.

Вот почему постоянно возрождается миф об идеальном городе, словно творческий порыв социального преобразования, словно бегство в воображаемые миры, принимающие различные формы — ностальгии, надежды, ожидания. Кажется, будто мы не можем не стремиться к всеобщему преобразению жизни, будто вопреки нашим наивысшим рациональным намерениям нам вечно тесно *здесь и сейчас*.

Куда же делась сегодня утопия? Есть ли еще архитектурные или политические проекты утопического характера? Что осталось, например, от студенческого движения 1968 года, последней хилиастической встряски в истории Западной Европы? Витают ли еще утопические настроения в ходе создания Соединенных штатов Европы? Какие перспективы открывает религиозный фундаментализм? Можно ли усмотреть в потребительстве, после победы либеральной демократии над тоталитарной демократией, некую форму утопии? Не является ли нынешний финансовый кризис подтверждением краха еще одной утопии — утопии законченного благосостояния, гарантированного капитализмом и рынком? Куда подевалась утопия?

Ответ поступит из хроники, которая затем станет историей. Среди множества возможных ответов мы можем упомянуть здесь один. Область, в которой сегодня может отозваться нерв утопии, указывая нам на другую и совершенную жизнь, — это область технологии. Технология и впрямь способна предложить человечеству утопический сценарий. Часто она предстает перед нами в двойственном виде. Она состоит из обещаний и рисков. Человечество оказывается на распутье: либо неизбежное уничтожение, либо надежда на то, что все опять начнется сначала. Одни с ужасом говорят об экологической катастрофе и парниковом эффекте. Другие вынашивают идею мира под полным научно-техническим контролем, мира, в котором наука и техника сулят не просто лучшие условия жизни, а совершенно новую жизнь. Наиболее передовая технология становится при этом утопическом видении целью вместо того, чтобы оставаться лишь

средством. В частности, мир Интернета представляется безграничной нематериальной реальностью, «не-местом», сотворенным через кабель. Это «не-место», возникающее со скоростью мысли силой слова-образа, как будто дает нам возможность построить новый мир, всеобщий город, без временных и пространственных границ, город нематериальной плотности, упраздняющий сроки и расстояния, учреждающий окончательную электронную демократию.

В заключение вернемся к *Second Life* — второй жизни, трехмерному виртуальному миру, с которого я начал эти размышления. Любопытно заметить, каким образом разные университеты и компании использовали *Second Life* в учебно-образовательных целях. Некоторые государства уже открыли в ней свои посольства, а некоторые религиозные организации моленные дома. В *Second Life* есть своя экономика, своя валюта, в ней можно иметь свою собственность. Но и в этой «второй жизни» возникли проблемы, характерные для реального мира, для «первой жизни». Например, зафиксированы случаи краж, юридических тяжб и даже виртуальных потасовок между политическими соперниками. Кроме того, появилась проблема порнографии. Недавнее закрытие виртуального казино привело к финансовому кризису, опять же виртуальному. Система оказалась нестабильной, особенно по воскресным дням из-за переизбытка контактов. Мало того, вход в *Second Life* стоит денег. Нужно покупать абонемент. Некоторые телевизионные комики сделали на американском телевидении пародию на *Second Life*. Они создали еще один виртуальный мир внутри виртуального мира. Его назвали *Second Life of Second Life* — *Вторая жизнь второй жизни* и посвятили его «желающим еще дальше уйти от реальности!». Так мы снова возвращаемся к ответу на вопрос: куда же делась утопия?

*Перевел с итальянского
Геннадий Киселев*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bloch, Ernst. *Geist der Utopie*. — Munich 1918.
- Bruni Roccia, Giulio. L'utopia del Campanella e gli archetipi della societa politica. In: *Campanella e Vico*. — Rome 1969. — P. 182–213.
- Buber, Martin. *Pfade in Utopia*. — Heidelberg 1950.
- Cohn, Norman. *The Pursuit of the Millennium*. — London 1957.
- Garin, Eugenio. La Cité idéale de la Renaissance italienne. In: *Les Utopies a la Renaissance*. — Brussels and Paris, 1963. — P. 11–37.
- Gilson, Etienne. *Les Metamorphoses de la Cité de Dieu*. — Louvain-Paris 1952.
- Mannheim, Karl. *Ideologie und Utopie*. — Bonn 1930.
- More, Thomas. *Utopia*. — Louvain 1516.
- Mucchielli, Roger. *Le Mythe de la Cité Idéale*. — Paris 1960.
- Ruyer, Raymond. *L'Utopie et les utopies*. — Paris 1950.
- Scafi, Alessandro. *Mapping Paradise : A History of Heaven on Earth*. — London-Chicago 2006.
- Stoichita, Victor. La Cité idéale: Préhistoire du texte utopique. *Cahiers de l'Herne*, 44 (1983). — P. 233–243.
- Trousseau, Raymond. *Voyages aux pays de null part*. — Brussels 1979.

Три года назад умер эксперт Школы Алексей Михайлович Салмин. Он был ведущим академическим политологом современной России и был признан в качестве такового еще тогда, когда сама эта наука существовала в СССР полуподпольно. В настоящее время сотрудники Российского общественно-политического центра, президентом которого он был, издадут его собрание сочинений. Ниже публикуется глава из его работы о Токвиле, написанной в 1983 году и вошедшей в книгу «Шесть портретов», в которой собраны тексты, объединенные жанром «портрета» — интеллектуального и политического. Они были опубликованы в свое время под грифом «Для служебного пользования» мизерными тиражами.

Алексей Салмин

Свобода как идея и идеал*

«Свобода была главной идеей Токвиля. Он хотел свободы для себя, хотел видеть свободными свою родину и все человечество», — пишет швейцарский исследователь Н. Барт [Barth 1953. S. 54], воспроизводя общее место подавляющего большинства работ о Токвиле. Комментаторы, придерживающиеся самых разных убеждений, сходятся в одном: идея свободы — главное звено творчества Токвиля, ключ к пониманию всех основных его концепций. Очень часто Токвиля называют «либералом» не потому, что он близок к какой-то определенной школе либерализма (сам он однажды назвал себя «либералом нового типа»), а из-за его постоянной апелляции к «свободе». Тем самым, не замечая того, иногда превращают Токвиля в либерала самого старого из всех возможных типов — либерала по инстинкту, если можно так выразиться. Настаивая на изначальности, едва ли не врожденности интуиции свободы у Токвиля, обычно упускают из вида, что у мыслителя такого масштаба, обладающего к тому же обостренным нравственным чувством, практически не может быть чисто инстинктивных, неосознанных привязанностей, что свойственные ему, как и любому человеку, страсти и подспудные стремления рационализируются, проверяются логикой и критериями морали и либо подавляются, либо, если подавить их не удастся, как-то «оправдываются», либо, наконец, получив санкцию разума и совести, культивируются уже в качестве просветленных страстей. Токвиль явно культивирует свою любовь к свободе; насколько известно, он, испытывавший периоды мучительных сомнений, никогда не

* А.М. Салмин. *Наследие А. де Токвиля и современная политическая традиция Запада. // Шесть портретов.* — СПб.: Алетейя, 2008. — С.110–117.

ставил под вопрос ценность этого своего идеала, более того, находил в нем какой-то якорь, если не в духовной, то в общественной жизни.

При чтении Токвиля сразу бросается в глаза, что идея свободы возникает у него, как правило, не сама по себе, а в противопоставлении чему-то. Обычно это «что-то» — деспотизм, произвол, необратимость разрушительного эгалитарного процесса. Гораздо меньше обращает на себя внимание то, что свобода как идеал противостоит у автора «Демократии в Америке» и «Старого порядка» не только угнетению или моральному упадку, но и противоположной «крайности», являясь, таким образом, промежуточной ценностью или, по выражению самого Токвиля, «средним путем».

«Делайте что хотите, — пишет он своему другу Л. де Кергорле 5 августа 1836 г., — неизменным останется одно: то, что людям дана не только душа, но и тело и что ангел облечен в плоть зверя. Любая философия, любая религия, забывающие об одной из этих противоположностей, способны произвести на свет несколько выдающихся творений, но никогда не повлияют на род человеческий в целом. Я убежден в этом, и это меня волнует, поскольку Вы знаете, что не более далекий от зверя, чем любой другой человек, я склоняюсь перед ангелом и хочу, чтобы ангел в итоге превозмог. Я непрестанно ломаю голову, пытаюсь отыскать для человечества средний путь между этими двумя крайностями, который не вел бы ни к Гелиогабалу*, ни к св. Иерониму**, ибо я убежден, что никто не способен

увлечь большинство людей по одному из них, и по второму еще менее способен, чем по первому» [цит по: Мауер 1940. Р. 154–155].

Глубоко убежденный в необходимости религии для сохранения элементарных основ общественности, Токвиль видит, однако, что на практике христианство пронизывает далеко не все стороны общественной жизни, и предпочитает по этому рассматривать общество в действительном, а не идеальном состоянии, изыскивая способ обеспечить его более или менее устойчивое соответствие нравственному идеалу.

В принципе Токвиль не исключает возможности чуда, то есть возрождения христианства и обращения вспять процесса секуляризации, но, не питая иллюзий насчет смысла лихорадочной религиозности в современном ему обществе, не желает принимать эту возможность в расчет в своих политических трудах. Возрождение христианской сентиментальности вызывает у Токвиля скептическое отношение. Биограф Токвиля делает вполне основательное предположение, когда утверждает: «Хотя и религиозный по инстинкту, каким он был, но просвещенный и зрелый ум его был бы скорее встревожен, чем обрадован, стремлениями к неопределенному мистицизму, которые в настоящее время являются убежищем для известного количества душ, уstraшенных молчанием или оговорками науки в вопросах, которые не дают успокоиться их жажде к определенности. Он не желал видеть в религии ни жандарма, которого ищут в ней некоторые консерваторы и главной обязанностью которого

* Гелиогабал, или Элагабал (Цезарь Марк Аврелий Антонин Август), — римский император (218–222 гг.), в возрасте 14 лет возведенный на престол сирийскими легионами. В детстве — жрец бога Солнца Эл-Габала (отсюда прозвище). Имя Гелиогабала стало символом необузданного распутства, жестокости и темного мистицизма.

** Иероним Стридонский (330–419/420 гг.) — один из учителей западной церкви, церковный писатель, богослов, переводчик Библии на латинский язык (Вульгата). Один из эпизодов жизни — подвиги аскезы в Халцидской пустыне, с которыми прежде всего связывает имя св. Иеронима народная культура католических стран.

последние считают обеспечение за ними их земных благ; ни оплота изнеженности, за которым, не обладая верой, но не имея другого убежища, скрываются сердца, жаждущие спокойствия» [Эйхталь 1902. С. 139–140].

Все это приводит к тому, что как политический писатель Токвиль занимает в отношении религии чисто консервативную, охранительную позицию. По этой причине, а также по внутренней склонности он практически изгоняет какие-либо размышления по чисто религиозным вопросам из своих сочинений и даже писем, ограничивая творчество тесным миром политической и исторической науки*.

Токвиль — не философ и тем более не теолог, пишущий о политике, а исключительно политический писатель, считающий себя католиком и не чуждый религиозно-философским интересам. Это очень важный момент, позволяющий рассматривать все идеи Токвиля в должной перспективе. Отличие Токвиля от Монталамбера, Лакордера и других «политических католиков» в том, что, признавая роль Провидения в человеческой жизни, в том числе и политике, признавая, подобно им, необходимость соединения политической свободы с религией, он не становится идеологом этих ценностей. Принимая многие идеи, объединяющие его с либеральными католиками не только формально, но, видимо, и глубоко эмоционально, Токвиль решает возникающие перед ним проблемы исключительно

но как политический писатель и — позже — историк.

Токвиль отделяет политику от религии, поскольку она уже отделена от нее фактически, но не становится в силу этого «макиавеллистом» или последователем Бенгата и не отказывает политике в родстве с религией и моралью, причем в принципе теми же самыми, которые направляют жизнь индивидов.

Две стороны, два аспекта внутренне единой установки Токвиля — его замкнутость на проблемах политического общества и его склонность трактовать общественный процесс как «естественный» — объясняют ту специфическую роль, которую играет в его концепции идея свободы. Свобода по определению является у Токвиля политической сущностью, сущностью «среднего пути», точнее — проявлением высшей духовной ценности в мире, рассматриваемом в плоскости политики**. Свобода воли — не неотъемлемое свойство каждого индивида, что же касается свободы политической, то она — критерий морального здоровья народа, нации, политического сообщества *в целом*, свидетельство того, что народ как целое утратил способности *выбирать* между добром и злом, не вовлечен в слепые, неосознанные действия, противные нравственному порядку***.

Подчинение деспотизму, не столько добровольное, то есть сознательное, сколько неосознанное, слепое (деспотизм может восприниматься как торжество свободы: так, империя Бонапарта рассматривалась как средство защиты

* *Ближайший друг Токвиля, Г. де Бомон, вспоминает: «Хотя его убеждения далеко не были ортодоксальными, однако он прежде всего не желал оскорблять верований другого. Точно так же избегал он всякого религиозного спора. Это, может быть, единственный вопрос, о котором за срок лет нашего близкого знакомства мы никогда не спорили с ним» [Эйхталь 1902. С. 139].*

** *По убеждению Токвиля, «религия видит в гражданской свободе благородное проявление человеческих способностей, в мире политики — сферу, отведенную творцом для умственных усилий. Свободная и могущественная в своей сфере, удовлетворенная отведенным ей местом, она (религия. — А. С.) знает, что царство ее тем более устойчиво, что она правит, опираясь на собственные силы, и господствует в сердцах, не нуждаясь в защитниках» [Uhde 1978. С. 61].*

*** *Токвиль пишет: «Свобода, по правде говоря, есть нечто святое. Существует лишь одна вещь, с еще большим основанием заслуживающая этого имени, — добродетель. Но что такое добродетель, как не свободный выбор добра?» [цит. по: Uhde 1978. С. 60].*

завоеванной революцией «свободы» от реставрации старого порядка), — свидетельство фактического отказа народа от реализации свободы воли. Свобода воли не может быть безвозвратно утрачена — это в одинаковой степени верно в отношении индивида и народа, но она может быть забыта, о ней могут не знать; такое забвение или незнание ведет между тем к ничтожеству и духовной гибели. «По моему убеждению, — пишет Токвиль, — человеческие общества, подобно индивидам, способны стать чем-то, лишь реализуя свободу» [цит по: Uhde 1978, S. 45].

Демократические общества, «лишенные свободы, могут отличаться богатством, изысканностью, блеском, даже великолепием, могут быть сильны весом своей однородной массы; в них можно встретить качества, украшающие частную жизнь, можно встретить хороших отцов семейства, честных торговцев и весьма почтенных собственников; мы найдем в них даже добрых христиан, потому что отчизна христиан — не от мира сего и христианство славно тем, что порождало истинно религиозных людей среди величайшей испорченности нравов и при самых худших правительствах: Римская империя в эпоху своего крайнего упадка была полна ими. Но в среде подобных обществ, говорю смело, никогда не окажется великих граждан и тем менее великого народа, и я не боюсь утверждать, что общий уровень сердец и умов никогда не перестанет понижаться, пока равенство и деспотизм будут соединены в них» [Токвиль 1911. С. 14].

Наслаждение, даваемое свободой, по Токвилю, заключается «в праве говорить, действовать, дышать без стеснений, повинуюсь только Богу и законам» [Токвиль 1911. С. 165]. Находя в сознании свободы воли критерий относительного нравственного здоровья народа, точнее — свидетельство того, что его духовная болезнь в принципе не смертельна, Токвиль ищет аналог этого соз-

нания в политической сфере. Он обнаруживает его в свободе от произвола, лишь одним из проявлений которого выступает произвол власти. Эта установка сближает его — по крайней мере в тех узких рамках чисто политического мышления, в которые он сознательно поместил свое творчество, — с традицией «протолиберального» философствования, символом и, быть может, наиболее ярким выражением которого является концепция Монтескьё. Влияние Монтескьё на Токвиля общепризнанно и не требует специальных доказательств [George 1922; Richter 1969]. В творчестве автора «Духа законов» Токвиль обретает источник интеллектуального и стилистического вдохновения.

Подобно своим предшественникам, Токвиль видит в свободе свидетельство поддержания народом определенного нравственного уровня: это убеждение, вероятно, и позволяет ему посвятить всю свою жизнь политике и все свое творчество — изысканию путей сохранения свободы. Для такого убеждения необходимо, однако, сохранять постоянную уверенность, что политика как сфера деятельности и философствования не является чем-то даже не вредным, а бессмысленным рядом с идеалом нравственного самосовершенствования. Для предшественников Токвиля, живших в мире, где более или менее высокий уровень народной религиозности оставался неизменным фоном, проблемы такого рода практически не существовало: сам вопрос о религиозности мог выноситься за скобки, а спасение народа как целого возлагаться на просвещение, т. е. на исправление его нравов.

Мир Токвиля совсем иной: политические ценности остаются в принципе прежними, но сама их религиозная подоснова струнулась с места, началось развитие. На всю жизнь религия сделалась для Токвиля мучительной проблемой, источником беспокойства и неудовлетворенности. Токвиль столкнулся в сво-

Огюст Роден. Собор. 1907

ей жизни с духовным потрясением, многое, судя по всему, определившим в его биографии и творчестве. Речь идет о кризисе веры, который Токвиль испытал в ранней молодости [Pierson 1938. P. 17; Redier 1925. P. 38–39, 287–288; Goldstein 1975. P. 2]. Едва ли можно сказать что-то определенное по поводу глубины этого кризиса и того, как скоро Токвилю удалось его преодолеть, но именно с этого момента наблюдающиеся в обществе тенденции десакрализации и секуляризации вызывают в его душе ощущение подлинного «религиозного ужаса». Глубочайший историософский пессимизм, подкрепляемый, по-видимому, собственными религиозными сомнениями, и страстное желание найти «ключ» к духовному возрождению народа — две стороны единого по своей сути настроения Токвиля, проходящего через все творчество и определяющего как его фундаментальные основы, так и эволюцию.

Мало того, что нравственный порядок лишился устойчивости, — исчез сам критерий оценки морального состояния общества, а следовательно, и возможность вывести норму чисто логическим путем. Моральный опыт можно извлечь только из окружающей действительности: в Америке, продвинувшейся по пути энтропии дальше Франции, Токвиль видит обнадеживающее свидетельство того, что народ способен сохранить сознание свободы воли и в условиях деградации общества. Проблема сводится лишь к сохранению авторитета веры и правильному устройению общества: «Дать образование демократии, оживить, если возможно, ее верование, очистить нравы...» и т. д. [Токвиль 1897. С. 4]. В первой своей книге Токвиль остается, в сущности, просветителем, но просветителем «нового типа», не строящим иллюзий насчет направленности общего процесса. Остаться «просветителем» Токвилю позволяет его принципиальная сосредоточенность на мире политики как тако-

вой, тщательное исключение из рассуждений всего, что относится к «вечным» вопросам, в частности к оценке смысла самой политики в современном обществе, то есть фактически — судьбы народа в целом. То, что для просветителей было естественным мировоззренческим кругом, полным в своем раскрытии, для Токвиля стало искусственно и, быть может, болезненно, но необходимо ограниченной сферой. Именно такая ограниченность поля зрения и позволяет Токвилю сохранять тот *чисто политический* по своей природе оптимизм, который выглядит столь обнадеживающим на фоне общего глубокого пессимизма его историософских воззрений и так привлекает идеологов самых разных направлений.

Подобная установка, безусловно, способствует превращению «мира Токвиля» в замкнутое, хорошо организованное целое, куда не допускаются мучительные сомнения, подтачивающие стройную конструкцию его теории и прорывающиеся иногда на страницы писем и заметок, не предназначенных для печати. Однако эта же установка заставляет современников упрекать Токвиля в узости взгляда. «Токвиль, — пишет Ш.-О. Сент-Бёв, которому нельзя отказать ни в тонкости, ни в наблюдательности, — по вопросу о демократии, точно так же, как и в философских вопросах... не держится на поверхности, но и никогда не доходит до дна. Везде есть бездны, которые он не исследует» [цит. по: Эйхталь 1902. С. 295].

Действительно, некоторые «бездны» Токвиль явно (и, вероятно, сознательно) оставляет за скобками. Американский опыт, казалось бы, свидетельствует о возможности сохранения свободы в условиях «демократии». Но «демократия» у Токвиля, как уже говорилось, — сложный многомерный символ, в котором соединяются образы эгалитарного процесса и десакрализации. В большинстве случаев противоречия между

ними не возникает, однако так получается не всегда. На страницах «Демократии в Америке» Токвиль неоднократно подчеркивает, что уровень религиозности в Соединенных Штатах выше, чем в Европе, и религия там «более правильно организована» — она сохраняет общественный авторитет даже в процессе секуляризации. В то же время Токвиль не верит в возможность обращения процесса вспять естественным путем ни в Европе, ни в Америке, но при этом хочет верить в возможность сохранения свободы.

Что же является гарантом этой свободы, если такой роли не выполняет, по сути, даже *авторитет* религии? Это противоречие не могло не побуждать Токвиля к напряженным размышлениям, стимулировавшимся также трагическим опытом французской истории 1848—1852 гг. Следует отметить, что в «Старом порядке» проблема свободы и демократии имеет для Токвиля уже не совсем тот смысл, что в «Демократии в Америке». Складывается впечатление, что в последней своей книге Токвиль приходит к осознанию того, что для «спасения народа», то есть для сохранения свободы, правильное устройство демократии, власти необходимо, но лишь во вторую очередь. Главное — ограничение самого энтропийного процесса, сохранение определенного уровня духовности, подрываемого соблазнами материального порядка. Желание «богатства во что бы то ни стало, искание прибыльных афер, страсть к барышу, погоня за благосостоянием и материальными наслаждениями являются в таких (демократических. — А. С.) обществах самыми обычными страстями. Здесь эти страсти свободно распространяются во всех классах, проникая даже в те из них, которым они раньше были наиболее чужды, и если предоставить им волю, в короткое время могли бы совершенно расслабить и развратить нацию. Природе же деспотизма свойст-

венно содействовать их развитию и распространению. Эти расслабляющие страсти служат ему пособницами; они отвлекают внимание и занимают воображение людей вдали от общественных дел и заставляют их дрожать при одной мысли о революции. Один деспотизм может доставить им убежище и мрак, дающие простор алчности и позволяющие наживать бесчестные барыши, не огорчаясь бесчестьем. При отсутствии деспотизма эти страсти были бы сильны; под его сенью они господствуют» [Токвиль 1911. С. 13].

Идея энтропийного процесса проникает в самое средоточие политического мира Токвиля. Что касается свободы, то она в «Старом порядке» скорее средство, чем цель, — средство сдерживания этого процесса: «Одна свобода может в таких обществах успешно бороться со свойственными им пороками и удержать эти общества на наклонной плоскости, по которой они скользят. И в самом деле, она одна может извлечь граждан из того состояния изолированности, в котором удерживает их сама материальная обеспеченность, и заставить их приблизиться друг к другу, она согреет их душу и ежедневно будет их соединять необходимостью понять, убедить друг друга и нравиться друг другу при выполнении общего дела. Она одна способна оторвать их от денежного культа и от мелкой будничной суеты частных дел, чтобы заставить их ежеминутно чувствовать свою связь с отечеством; она одна от времени до времени на место погони за материальной обеспеченностью ставит более энергичные и возвышенные стремления, доставляет более значительные цели, чем приобретение богатств, и творит свет, дающий возможность видеть пороки и добродетели людей» [Токвиль 1911. С. 13—14].

Творчество Токвиля по традиции рассматривается как единое целое, а две его основные работы — как различные

проявления или даже применения одной и той же мировоззренческой установки. Очевидно, однако, что за два десятилетия, прошедшие между выходом первой и последней его книг, он существенно изменил если не концепцию (концепция внешне действительно не изменилась), то угол зрения на историю и политику, на философию истории. Токвиль остался верным своей концепции демократии и свободы, но при этом как бы отстранился и взглянул на нее несколько со стороны: как на предельное постижение смысла политики.

Именно в «Старом порядке» Токвиль замечает: «Кто ищет в свободе чего-либо другого, а не ее самой, тот создан для рабства» [Токвиль 1911. С. 165]. От постановки вопроса о том, что можно сделать в политике для сохранения свободы народа, Токвиль вполне определенно переходит совсем к другому вопросу: что можно сделать *для политики*, цель которой — сохранение свободы народа?

Если рассматривать философию «Старого порядка» обособленно, но в то же время в контексте эволюции токвилевского творчества, приходится констатировать, что идея свободы у Токвиля здесь как бы раздваивается между свободой воли индивида и свободой воли целого народа, между свободой политической и свободой вообще, намечается некоторая дистанция и устанавливается несколько более определенное отношение, хотя оно и не всегда отчетливо из-за эмоциональности и напластований прежних убеждений. Окончательный вывод Токвиля таков: для того чтобы народ в целом оставался на определенном нравственном уровне, то есть сохранял свободу воли, нужно, чтобы в самом народе сохранялась внутренняя свобода. Политическая же свобода как таковая — лишь необходимое, но совершенно недостаточное, даже бессильное при отсутствии внутренней свободы средство. Токвиль так и не вы-

шел за пределы своей чисто политической схемы: она сохранила единство и целостность, но он фактически завершил и исчерпал ее, сформулировав тезис, звучащий как тавтология, однако в действительности суммирующий трагическую проблему политического общества, переживающего энтропийный процесс. На вопрос: «Чего недостает народам, лишенным свободы?» — Токвиль отвечает: «Им недостает... желания быть свободными» [Токвиль 1911. С. 165].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Токвиль А. де. 1897. О демократии в Америке. — М.: Кн. Депо.
- Токвиль А. де. 1911. Старый порядок и революция. — М.
- Эйхталь Е. 1902. Алексис де Токвиль и либеральная демократия. — СПб.: XX век.
- Barth N. 1953. Die Idee der Freiheit und der Demokratie bei Alexis de Tocqueville. — Aarau: Keller.
- George W.H. 1922. Montesquieu and de Tocqueville and Corporative Individualism. // *American Political Science Review*. Vol. 16. № 1. — P. 10–21.
- Goldstein D.S. 1975. Trial of Faith: Religion and Politics in Tocqueville's Thought. — N.Y.: Elsevier.
- Mayer J.P. 1940. Alexis de Tocqueville: A Biographical Essay in Political Science. — N.Y.: Vicing press.
- Pierson G.W. 1938. Tocqueville and Beaumont in America. — N.Y.: Oxford univ. press.
- Redier A. 1925. Comme disait monsieur de Tocqueville... — P.: Perrin.
- Richter M. 1969. Comparative Political Analysis in Montesquieu and Tocqueville. // *Comparative Politics*. Vol. 30. №2. — P. 129–160.
- Uhde U. 1978. Politik und Religion: zum Verhältnis von Demokratie und Christentum bei A. de Tocqueville. — B.: Duncker a. Humblot.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

ДЕМОКРАТИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Приложение к журналу «Общая тетрадь». — М.: Московская школа политических исследований, 2008.

В сборник вошли выступления американских экспертов по вопросам внешней политики на семинарах Московской школы политических исследований в 2004–2008 годах. Их темы касаются некоторых ключевых сфер мировой политики начала XXI века, характеризуют содержание дебатов между Россией и США в последние годы. Дискуссии, сопровождавшие презентации экспертов, отражают восприятие общественным мнением России тех или иных аспектов внешней политики США.

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ

Минсин Пей,

директор китайской программы Фонда Карнеги
за международный мир (Нью-Йорк)

Прежде чем говорить о влиянии информационной революции на политику Китая, хочу обратить внимание на тот факт, что китайская политическая система кардинально отличается от российской системы. Если о России можно говорить как о демократической стране, то в Китае монополия на власть по-прежнему в руках коммунистической партии. Этот момент очень важен для понимания происходящей в стране информационной революции и политических последствий, которые она с собой несет.

В первую очередь отмечу колоссальные изменения в информационной сфере китайского общества. Многие из вас наверняка помнят, что 25 лет назад Китай был такой же бедной страной, как Северная Корея сегодня. Более того, это была закрытая страна, почти полностью изолированная

от внешнего мира, со слабо развитой информационной инфраструктурой. Сейчас Китай открыт для внешних контактов, экономика переняла рыночные механизмы, а в информационной сфере произошел коренной переворот. Чтобы у вас появилось более четкое представление, о каком Китае на настоящий момент идет речь, приведу некоторые цифры.

Прежде всего о телевидении: сегодня им охвачено 95 процентов китайского населения, а в 1978 году эта цифра не превышала 50 процентов. В городских районах телевизор есть в каждом доме, иногда даже несколько телевизоров на одну семью. Даже в сельской местности, а около 60 процентов китайцев проживают именно там, 70 процентов населения имеют телевизоры.

Развитие в сфере телекоммуникаций также идет беспрецедентными темпами. В 1978 году только в одном доме из ста, то есть всего у одного процента жителей, был телефон. Во всем Китае на тот момент было подключено только 4 млн телефонных аппаратов, сейчас в стране их 305 млн, то есть почти стократное увеличение за 25 лет. Ни в какой другой стране развитие телекоммуникаций и телевидения не происходило столь быстро. В деревне сейчас около 90 млн телефонов, в городах — 270 млн. Не уступает в развитии и мобильная связь. Я знаю, что в России сейчас больше половины населения имеют мобильные телефоны, в Китае — только четверть. Но если перевести эти показатели в абсолютные цифры, они несопоставимы. Если в России упомянутые 50 процентов составляют 75 млн телефонов, то в Китае 25 процентов — это уже 360 млн. Китай сегодня является крупнейшим рынком сотовой связи, именно там такие компании, как «Nokia» или «Motorola», предпочитают тестировать свою новую продукцию.

Отдельно стоит сказать об Интернете, как наиболее прогрессивном средстве коммуникации. По последним сведениям около 103 млн китайцев имеют доступ в Интернет. По этим показателям мы занимаем второе место после США. При этом количество пользователей с каждым годом увеличивается на 20 процентов. Если такая тенденция сохранится, через 2–3 года Китай догонит США. Однако необходимо учитывать, что в Китае 103 млн составляют всего 8 процентов населения, причем к ним относятся главным образом горожане, то есть Интернет — это урбанистический феномен.

Колоссальное развитие в последнее время получили печатные СМИ. В сравнении с 1978 годом (я беру именно этот год, поскольку тогда впервые был приоткрыт китайский «железный занавес»), когда число названий издаваемых книг составляло 15 тыс., сейчас ежегодно издается около 170 тыс. названий книг. То есть здесь произошел более чем десятикратный прирост. В 1978 году издавалось 930 журналов, сегодня уже 9 тысяч. Налицо опять-таки десятикратное увеличение. Число выпускаемых газет в 1978 году составляло 176, сегодня — 2100. Таким образом, по всем направлениям издательского дела наблюдается настоящий бум.

Причинами столь бурного развития послужили модернизация и экономический рост, составляющий на протяжении последних 25 лет 9 процентов. В результате китайское правительство постепенно утрачивает контроль над информационными потоками. Если вы взглянете на пять секторов информационного поля, то есть на телевидение, газеты, журна-

лы, книги и Интернет, то легко убедитесь в этом. Правительство продолжает удерживать контроль над телевидением, поскольку оно крайне важно, особенно в части выпусков новостей. Куда в меньшей степени ему подконтрольны газеты. Фактически после того, как они были переведены на самофинансирование (за счет рекламы и подписки), здесь речь идет только о номинальном контроле. Правительство было вынуждено разрешить части печатных изданий жить по законам рынка, чтобы пресса соответствовала интересам публики. В стране сейчас явно прослеживается возникновение того, что я назвал бы двойными стандартами. Этим Китай очень напоминает бывший Советский Союз, где коммунистическая партия издавала свои официальные газеты. Такие официальные издания есть в каждом городе, в каждой провинции. Но интересно, что наряду с официальными газетами существуют и полуофициальные издания, ориентированные сугубо на получение прибыли. Официальные газеты рассчитаны прежде всего на должностных лиц, а полуофициальные — на широкую публику. Последние лучше продаются, их отличает более доступное изложение, более интересные репортажи. Например, в Гуаньдуне, одной из наиболее экономически развитых южных китайских провинций, коммунистическая партия издает две газеты, одна из которых называется “Southern Daily”, а другая — “Southern Weekend”, еженедельный таблоид узкого формата. “Southern Weekend” по большей части скандальная газета, разоблачающая коррупцию. Она предлагает публике весьма любопытные факты, которые другие официальные газеты не освещают. Это делает газету интересной, она имеет огромное количество читателей. Однако редакторы этой газеты четко осознают рамки дозволенного и за них не выходят. Так, например, если разговор идет о коррупции, то она разоблачается исключительно в других китайских провинциях, но только не в Гуаньдуне.

Изменился и характер журнальных публикаций, так как журналам тоже приходится жить по законам рынка. Чтобы не быть вытесненным конкурентами, изданию необходимо иметь достаточную читательскую аудиторию и быть в состоянии продавать рекламные площади на своих страницах. То же самое касается и книг. В сфере розничной торговли частные лица контролируют более половины рынка. Книги, которые плохо продаются, не будут публиковаться. Интересно, что если правительство запрещает какую-либо книгу, ее тираж растет, так как работает масса не зарегистрированных официально типографий. Наложение официальным органом ограничений на распространение той или иной книги — показатель ее ценности. Такую книгу хотят покупать. Самое благоприятное, что может произойти с автором, — это если правительство запретит его книгу, тогда он сможет реализовать колоссальное количество экземпляров.

Итак, последствия информационной революции следующие. Прежде всего, значительно расширился доступ к информации. Появились новые информационные источники, в частности Интернет, к которым могут обращаться люди. Во-вторых, возросли насыщенность информации и ее разнообразие. Информация стала более специализированной, то есть в поисках материалов на интересующую тему вам есть из чего выбрать. Повысилась, наконец, качество информации, поскольку ее

поставщиком в большей мере является общество и частный сектор, а не правительство. Стало также сложнее фильтровать информацию, особенно отсеивать новости негативного характера. Как известно, авторитарные правительства всегда держат информационные потоки под контролем, им важно, чтобы люди не сомневались, что все идет хорошо. Но в условиях множественности источников очень сложно предотвратить распространение информации негативного содержания. До информационной революции китайская коммунистическая партия действительно могла сдерживать распространение «плохих» новостей. Приведу несколько примеров: в 1977 году в Китае произошло большое землетрясение, в результате которого погибли более 300 тыс. человек, а китайцы даже не узнали об этом, поскольку информационные источники находились под тотальным контролем властей. Интернет не позволяет скрывать подобные происшествия. Если в Китае взорвется бомба, уже на следующий день публика будет в курсе. Если в результате какого-либо инцидента погибнут люди или произойдет крупное дорожно-транспортное происшествие, об этом тоже тотчас узнают. На китайских сайтах вы найдете публикации обо всех несчастных случаях и катастрофах. Я вовсе не хочу сказать, что жить в Китае стало опасней. Инциденты такого рода всегда имели место, но теперь власти уже не в состоянии их скрывать. Приведу еще один наглядный пример: два года назад юг страны охватила эпидемия — респираторная инфекция, повлекшая за собой гибель людей. Первоначально правительство намеревалось скрыть происходящее, но одна местная газета опубликовала заметку об эпидемии, тема получила освещение в Интернете, а затем информация передавалась даже через sms. В итоге правительству пришлось признать, что по стране распространяется опасный вирус.

Следующим итогом информационной революции явилось повышенное внимание людей к происходящему в Китае. Они начали требовать все больше информации. Это замкнутый круг: люди проявляют интерес, получают новую информацию, удовлетворяющую их запросы, и становятся более осведомленными. Осведомленность порождает новый всплеск интереса и так далее. В результате информационной революции у граждан появились реальные возможности влиять на власти, они почувствовали свою значимость. Революция способствует их самоорганизации. Здесь я тоже приведу два примера. Первый касается спиритической группы, представлявшей потенциальную угрозу коммунистической партии и потому запрещенной в 1999 году. Группа была организована как раз с помощью Интернета. Одной из самых значительных ее акций стал однодневный пикет перед китайским административным зданием, равным по значимости Кремлю. Активисты не предпринимали каких-либо серьезных действий, но, тем не менее, власти были очень напуганы, потому что угроза пришла ниоткуда. После того, как группу запретили, она открыла несколько веб-сайтов за рубежом и поддерживала таким образом связь со своими сторонниками. Ею предпринимались даже попытки воспрепятствовать работе китайских телеканалов. Некоторые из последователей группы, квалифицированные компьютерные хакеры, взламывали программные компьютеры и вызывали сбои в системе китайского телевидения. Другим примером могут слу-

жить относительно недавние события. Возможно, вам приходилось слышать о волне антияпонских демонстраций, прокатившейся по Китаю в этом году. Правительство не имело к ним никакого отношения, они были проведены самим обществом, отдельными гражданами, которые испытывают неприязнь к японцам из-за их политики во время Второй мировой войны. Для организации демонстраций пригласили именно к Интернету и сотовой связи.

Положительным результатом информационной революции является то, что люди стали более ответственными за собственную жизнь. Плохо, конечно, что революция стала стимулом для экстремизма и национализма. Антияпонские выступления именно из этой области.

Если говорить о том, как на информационную революцию реагируют власти, то они, безусловно, напуганы. Известно, что авторитарные правительства жизнеспособны до тех пор, пока они могут контролировать информационные потоки. Но перед китайским правительством стоит дилемма. С одной стороны, оно должно поддерживать рост китайской экономики. Но контроль над информацией тормозит экономическое развитие, потому что современная экономика нуждается в постоянном обновлении данных. С другой стороны, функционирование авторитарного строя вне контроля над информационными потоками невозможно. Как урегулировать этот конфликт? Китайское правительство прекрасно понимает, что один пирог два раза не съешь. Первоочередной задачей выступает поддержание экономического роста, что предполагает больше информации и меньше контроля. Однако полностью отказываться от борьбы с информационной революцией власти тоже не собираются. Они стремятся гасить ее, вводя строгую цензуру, в том числе и в отношении телевизионных программ. Журналисты, которые отказываются давать ложную информацию, наказываются. Например, те, кто освещал уже упомянутую эпидемию, были подвергнуты арестам на основании обвинений в коррупции. Цензура существует и в отношении книг. В распоряжении правительства находятся около ста пятидесяти цензоров, которые, читая новые рукописи, решают, можно ли их публиковать или лучше запретить. К счастью, подвергнуть цензуре все книги просто невозможно. Что касается телевидения, то правительство очень требовательно по отношению к освещению политических событий, но совершенно не интересуется культурными и развлекательными каналами. Наиболее интересна, как мне кажется, политика в отношении Интернета. Эту область, как вы понимаете, крайне тяжело регламентировать, но в Китае, тем не менее, изыскивают для этого способы. Прежде всего, практикуется весьма строгое законодательное регулирование пользования интернет-ресурсами. Например, интернет-провайдеры обязаны сотрудничать с правительством, интернет-кафе, а около половины китайцев выходят в on-line именно через них, подлежат регистрации. Прежде чем выйти в on-line, вы должны предъявить удостоверение личности, разрешение на посещение конкретных сайтов, а также купить интернет-карту, которая в итоге позволяет фиксировать все посещаемые вами сайты.

Во-вторых, для обеспечения контроля над виртуальным пространством китайское правительство обращается к новейшим технологиям. Напри-

мер, если попытаться зайти на запрещенные сайты, такие как, например, сайт британской ВВС или сайты других новостных агентств, появится сообщение об ошибке или сбое при соединении. В правительственных организациях используются компьютеры, следящие за электронной почтой. Далее, установлены специальные фильтры, которые по ключевым словам процеживают информацию. Что интересно, иностранные компании активно помогают КНР в разработке подобных технологий. Используемые для этого новинки в большинстве своем являются продуктами западных компаний, таких как «Yahoo» и «Microsoft».

Кроме того, Китай одна из немногих стран, где учреждена специальная интернет-полиция. Всего в Китае около тридцати тысяч полицейских, наделенных исключительной компетенцией по контролю над Интернетом. Отделения интернет-полиции есть в каждой провинции, они, среди прочего, осуществляют мониторинг интернет-кафе, которые объединены в единую сеть и напрямую связаны с полицейским центром. То есть, когда вы выходите в on-line, полиция имеет возможность отслеживать посещаемые вами сайты. Интернет-полиция сотрудничает с фирмами-провайдерами, где у нее есть свои информаторы. Что касается частных интернет-блогов, где вывешиваются какие-либо публикации демократического содержания, то они зачастую блокируются. Особенность китайской интернет-полиции в том, что ее методы очень напоминают методы КГБ; работа ведется так же профессионально и последовательно. В идеале ее задача состоит в том, чтобы задушить Интернет. Власти хорошо понимают, что в условиях кризиса они смогут контролировать телевидение или радиовещание, но не Интернет. Полиция регулярно проводит своеобразные учения: моделирует кризисные ситуации национального масштаба и смотрит, можно ли в таких условиях использовать Интернет для передачи нежелательных сведений. Задача полицейских в том, чтобы в течение 48 часов при содействии телекоммуникационных и интернет-провайдеров уничтожить всю вредную информацию.

Реакцию китайских властей на информационную революцию я оцениваю негативно. В то же время, как мне кажется, информационная революция придала общественному мнению КНР большую весомость. Современная Коммунистическая партия Китая разительно отличается от вчерашней. Она авторитарна, но не тоталитарна; в этом коренное отличие КНР от КНДР. Коммунистическая партия Китая осознает, что общественное мнение играет важную роль в создании ее имиджа и поддержании легитимности. Таким образом, в некоторой мере информационная революция заставляет правительство быть более ответственным. Сегодня, когда появляются сообщения о стихийных бедствиях, коррупции, авариях на производстве, китайские власти вынуждены доводить происшедшее до публики. А как только о неприятностях становится известно обществу, должностным лицам приходится нести ответственность. Еще несколько лет назад такого не было. После любой значительной производственной аварии, например взрыва на шахте, представители местной власти все чаще вынуждены подавать в отставку. Ранее подобное никогда не случалось. То же касается и коррупции; в случае крупного коррупционного скандала представители местных органов власти привлекаются к ответственности, порой довольно суровой, их сажают в тюрьмы и

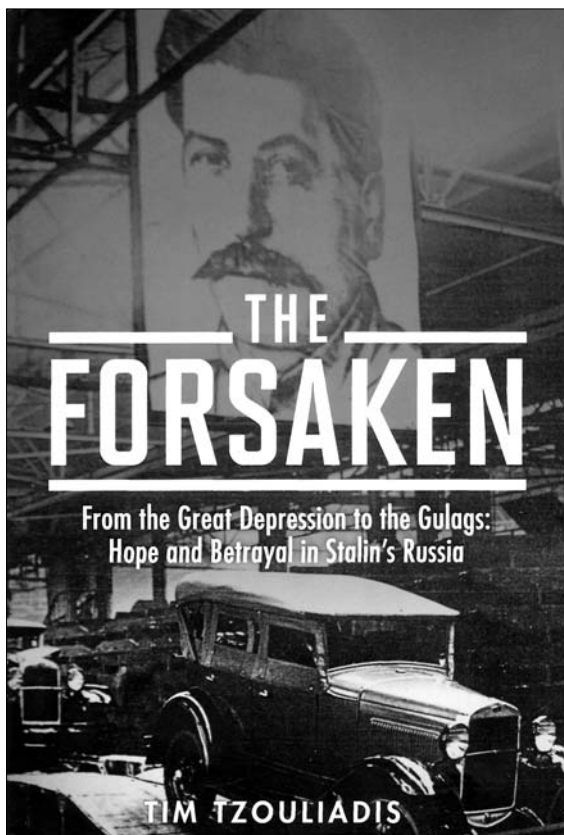
даже расстреливают. Например, в провинции Хэйлунцзян, граничащей с Россией, произошло следующее: женщина, управлявшая автомобилем BMW, сбила крестьянку. При этом полицейским она сказала, что является невесткой крупного чиновника и потому не может быть задержана. Каким-то образом эта история появилась в Интернете и вызвала вспышку гнева в обществе; поведение чиновников раздражает многих китайцев, потому как сейчас в Китае нет равенства. В данном случае власти обязались провести расследование и наказать виновную, чтобы люди знали, что с инцидентом разобрались и в отношении чиновников или их родственников, совершивших убийство, не действуют какие-либо привилегии. Или можно привести историю о мафиозном боссе из Манчжурии. Его арестовали, предъявили обвинение, но приговор явно не соответствовал тяжести совершенного преступления. И снова это вызвало большой скандал, люди считали, что ему кто-то покровительствует. По настоянию общественности был проведен суд с участием присяжных, и мафиозо приговорили к смерти. Такие примеры подтверждают, что из-за информационной революции власти Китая становятся все более зависимыми от общественного мнения.

Информационная революция повлекла за собой определенные изменения и в области внешней политики. С одной стороны, правительство старается придерживаться прагматичной линии и не хочет ухудшать отношения с Западом. Но информационная открытость сделала китайское правительство более националистическим. Оно не может не учитывать настроения народа. Возможно, вы помните, как в 1999 году американские самолеты по ошибке разбомбили китайское посольство в Белграде. Буквально за ночь это стало известно всему Китаю, и уже на следующий день у американского посольства в Пекине произошли беспорядки: здание закидали камнями, бутылками, яйцами. А в 2001 году американский самолет столкнулся с китайским истребителем над Южно-Китайским морем. Хотя тогда правительство попыталось скрыть информацию об инциденте, об этом факте стало известно публично, и это очень ее разозлило.

Позволю сделать некоторые предположения по поводу дальнейшего развития Китая в контексте информационной революции. Эта революция не закончена, она продолжает набирать обороты. Общественность, получившую доступ к информации, уже нельзя лишить этого блага. Нельзя объявить Интернет вне закона даже в Китае. Технологический прогресс продолжится, рыночные силы будут развиваться дальше, и запросы населения будут только расти. Я полагаю, что информационная революция будет углубляться, несмотря на все попытки китайского правительства противодействовать ей. В конце концов победа останется за обществом. Если мы обратимся к истории, то увидим, что ни один тоталитарный режим не мог подчинить себе информационно продвинутое общество. Правда, сейчас только городское население Китая можно считать таковым. Сейчас это всего 40 процентов граждан, то есть около 520 млн. Но через десять лет их будет уже 50 процентов — 600 млн человек. А если 600 млн человек будут иметь доступ к Интернету, ежедневным газетам, телевидению, китайским властям станет еще сложнее контролировать страну.

Билет в один конец

В 1931 году в американском списке бестселлеров несколько месяцев подряд лидировала странная книга. Она называлась «Пример новой России: история пятилетки» и описывала выдающиеся свершения советского народа в годы первого пятилетнего плана. Этот невероятный факт стал проявлением более широкого тренда: в начале 30-х годов опыт страны Советов был исключительно популярен в Соединенных Штатах Америки, стремительно погружавшихся в пучину небывалой экономической депрессии. Причем, по мере того как очереди за бесплатным супом делались все длиннее, многие американцы начинали мечтать о переезде в страну победившего социализма. В результате «впервые в американской истории число тех, кто покидал Соединенные Штаты, превысило число переезжавших туда» (р. 6). Представительство Амторга, выполнявшее до установления дипломатических отношений функции советского посольства в США, было завалено обращениями американских граждан, стремившихся покинуть родину и уехать в советскую Россию навсегда. Сегодня невероятным кажется следующий факт: в одном только 1931 году советские учреждения в Америке приняли *более ста тысяч* подобных заявлений. Интересно, что власти США даже не пытались препятствовать страждущим, видя в них законченных коммунистов. Хотя, разумеется, таковыми были далеко не все эмигранты. Для XX века гигантские перемещения людей не были редкостью, но этот чело-

Tzouliadis T. The Forsaken. From the Great Depression to the Gulags: Hope and Betrayal in Stalin's Russia. — London: Little, Brown, 2008. — 472 p.

веческий поток оказался одним из самых трагичных. Люди меняли родину свободно и вдохновенно, но их самые светлые надежды оказались обманутыми. Обосновавшись на новом месте, многие из них очень скоро обнаружили, что жизнь в СССР — отнюдь не сахар. Более того, ошибка с выбором постоянного места жительства оказалась слишком дорогостоящей: в конечном счете лишь самым удачливым из «советских американцев» удалось вырваться из объятий пролетарской диктатуры и вернуться домой целы-

ми и невредимыми. Остальные же остались в России навсегда, причем мало кому была уготована долгая жизнь.

Эта история многие годы оставалась в забвении, и на то имелись веские причины. Одна из них состояла в том, что американское посольство в Москве, открывшееся в 1934 году, так и не смогло эффективно помочь одумавшимся несчастным, через какое-то время решившим вернуться в Соединенные Штаты. НКВД разгромно обыгрывал империалистов, изымая у «захваченных» американцев паспорта, обвиняя их в шпионской деятельности, арестовывая, ссылая, расстреливая. Более того, почти до самого конца Второй мировой войны влиятельные круги США — к ним, в частности, принадлежал и Генри Форд, на советских заводах которого работали многие из его сограждан, — предпочитали не замечать мытарства бывших американцев, ставя добрые коммерческие отношения с СССР выше этих досадных неприятностей. Как справедливо отмечалось в рецензии, опубликованной в британском журнале “The Economist” в августе нынешнего года, «настоящая ценность этой книги заключается в том, что она стала подлинной хроникой исключительной бездеятельности и безразличия американских чиновников и политиков к судьбе своих соотечественников. Еще до арестов большинство американцев было, по сути дела, заключенными. Поскольку их паспорта были конфискованы, они поневоле стали советскими гражданами. Но те люди, которые могли им помочь, не считали нужным это делать».

Общее число американских жертв большевистского «гостеприимства» неизвестно до сих пор. Конечно, в глобальном масштабе социалистического строительства их страдания были ничтожнейшей каплей, поскольку все-таки в первую очередь от рук советской власти погибали не иностранцы, но са-

ми советские граждане. Тем не менее британский журналист Тим Цулиадис попытался реконструировать эту забытую драму, и у него получилась неплохая книга. Особо привередливые, возможно, поморщатся, обнаружив, что в библиографии отсутствуют ссылки на советские архивные материалы. Но автор, собственно, и не претендовал на слишком многое: для любознательного читателя даже с учетом этого пробела его сочинение не становится менее достоверным и пронзительным. Впрочем, зарубежные критики отмечают, что даже если бы он и попытался подкрепить свое повествование подобным образом, то не слишком бы преуспел, так как в новой России многие архивные полки сталинской поры до сих пор закрыты для исследователей. Кроме того, не стоит забывать, что в распоряжении автора был не менее ценный источник — многочисленные документы дипломатического ведомства США, которые, собственно, и позволили пролить свет на эту страницу американской истории.

Рецензии и прочие отклики, встретившие выход этой работы на Западе, в большинстве своем оказались позитивными. За рубежом книги о сталинизме по-прежнему остаются товаром повышенного спроса, чего нельзя сказать о нашей стране. В чем же, интересно, причина этого любопытного явления? Можно, конечно, пытаться объяснить его патологической ненавистью империалистов к нашему славному прошлому. Но должны ли мы в своих размышлениях о Родине уподобляться предвзятым *celebrities* из информационно-аналитических программ российского телевидения? Лично я так не думаю: подобная логика примитивна. Кстати, в самой России выход этой стимулирующей работы остался практически незамеченным.

Андрей Захаров

* См.: <http://www.inosmi.ru/text/stories/02/07/18/3106/243080.html>.

Региональное книжное обозрение

В.А. Холопов. Государство и местное самоуправление: основные аспекты стратегического взаимодействия. — Рязань: Ассоциация органов ТОС г. Рязани, 2007. — 328 с.

Владимир Холопов, заместитель председателя городской думы Рязани, выпускник Московской школы политических исследований, вполне обоснованно считает институт местного самоуправления (МСУ) необходимым элементом, без которого государственный строй ни одной страны не может быть устойчивым. В своей книге, написанной в самый разгар нашей муниципальной реформы, он пытается раскрыть основные аспекты взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в России.

Специалисты и аналитики довольно давно начали говорить о том, что реализация новой версии Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» обернется серьезными проблемами. Такого же мнения придерживается и автор, полагающий, что нынешняя реформа отразится на взаимоотношениях государства и МСУ в наиважнейших аспектах: служении обществу, реализации общественных интересов, предоставлении качественных услуг гражданам. Чтобы разобраться в новой диспозиции, он предпринимает скрупулезный анализ исторического развития и нынешнего состояния муниципальной жизни в стране, одновременно соизмеряя отечественные реалии с зарубежным опытом. Причем методологически автор абсолютно прав: для того чтобы понять, как работать в новых условиях, надо прежде выяснить, на какую модель сотрудничества государственной и местной власти мы пытаемся ориентироваться.

Известно, что на местное самоуправление можно взглянуть с двух точек зрения. С одной стороны, в нем видят способ самоорганизации населения, стремящегося самостоятельно решать вопросы местного значения. С другой стороны, его трактуют как форму публичной власти. Понятно, что народная инициатива и власть не всегда гармонируют друг с другом. И в этом смысле, полагает автор, неплохо было бы понимать, какой подход выступает приоритетом для авторов реформы. Опираясь на российскую историю, Холопов констатирует: у нас местное самоуправление всегда выполняло государственные функции. По его мнению, в стране четко прослеживается комбинация общественного и государственного подходов, как в научном понимании сути местного самоуправления, так и в его практической деятельности.

А это, в свою очередь, выводит на первый план финансовую составляющую муниципальной реформы, что очень логично: если государство заинтересовано в эффективной местной власти, за это нужно платить. Именно здесь, как и следовало ожидать, обнаруживаются самые болезненные точки реформы: недостаточное финансирование пере-

данных муниципальным образованиям полномочий, отсутствие бюджетных средств на развитие муниципалитетов, излишняя централизация бюджетных потоков муниципалитета и так далее. По мнению автора, для местного самоуправления России финансовая тема еще долго будет одной из самых актуальных. Причем нынешнее неопределенное положение вещей вполне поддается корректировке в лучшую сторону: большие надежды автор связывает, в частности, с различными формами консолидации муниципального сообщества, и прежде всего — с общероссийским объединением муниципальных образований. Аналоги таких структур существуют во многих европейских странах, а их влияние по значению даже сопоставимо с влиянием национальных парламентов. И здесь стоит согласиться с автором: умение уравновесить волю государства консолидированной волей его граждан — важнейший инструмент корректировки и совершенствования любых реформ, в том числе и муниципальных.

Виктория Евликова
(Ярославль)

Отчет по результатам социологического исследования «Женщина в современном российском обществе». — *Великий Новгород, 2008.* — 40 с.

В июле — августе этого года на территории Новгородской области Центром региональных и муниципальных исследований «Диалог» был проведен социологический опрос с целью изучения общественного мнения о роли и положении женщины в российском обществе. Опрос проводился методом индивидуального анкетирования в областном центре и сельских поселениях. Всего в нем приняли участие 450 респондентов, из них 135 человек — жители сельской местности (76 женщин и 59 мужчин), 375 опрошенных — жители Великого Новгорода (177 мужчин и 198 женщин). Статистическая погрешность выборки 3% при уровне доверительной вероятности 95%.

Выводы, к которым пришли авторы исследования наверняка будут интересны читателю.

В рейтинге жизненных ценностей как у женщин, так и у мужчин первое место занимают цели, связанные с личностным аспектом жизни: здоровье (более 90% респондентов), желание иметь крепкую семью (94% женщин и 87% мужчин), иметь детей (92% женщин и 84% мужчин). Материальные ценности, возможность покупать все, что хочется, занимают четвертую позицию в рейтинге.

Большинство респондентов считают, что наиболее важны для женщин такие качества, как хозяйственность и заботливость, тем самым отводя им социальную роль в воспитании детей и заботе о семье.

В вопросах продолжения рода более половины опрошенных новгородок придерживаются традиционной репродуктивной модели, рассматривая в качестве идеального для себя варианта (при условии, что их не ограничивали бы неблагоприятные материальные условия) рождение и воспитание не менее двух детей. Трансформация нормативной модели в реальные жизненные стратегии обусловлена характером социально-

экономического состояния общества — отказываться от своих родительских притязаний женщины вынуждают в первую очередь материальные трудности, связанные с этим жилищные проблемы и неуверенность в завтрашнем дне. Субъективные факторы, такие как карьера, семейные неурядицы, воспитание уже имеющихся детей, отходят при этом на второй план.

Материальные трудности являются сдерживающим фактором, препятствующим реализации права на отпуск по уходу за ребенком (более половины опрошенных вышли на работу до достижения ребенком трех лет), поскольку иждивенческая нагрузка на семью в связи с появлением в ней несовершеннолетних детей резко снижает уровень душевого дохода.

Данные исследования подтверждаются данными городской статистики: увеличивается число женщин, вынужденных выйти из отпуска до достижения ребенком 1,5 лет. Авторы выражают надежду, что это учтут местные органы власти при планировании пребывания детей в дошкольных учреждениях. Несмотря на законодательные директивы, правовая защита матерей на практике реализуется неудовлетворительно: более 10% опрошенных матерей, родив ребенка, рисковали остаться без работы. Такому риску были подвержены как малообеспеченные, так и женщины с высокими (более 20 тысяч рублей) доходами.

Противоречивые мнения высказывают опрошенные о роли женщины в обществе. 46% женщин уверены, что женщина — отличный политический деятель, хорошо понимающий нужды российских семей, 48% считают, что необходимо увеличить число женщин на государственных и муниципальных административных должностях. И в то же время 58% говорят о том, что женщина должна заботиться о своем доме, а государственными делами должны заниматься мужчины. Позиция мужчин по этим вопросам довольно предсказуема: 30% считают, что женщина не может быть отличным политическим деятелем, столько же мужчин против увеличения числа женщин на государственных должностях, 70% мужчин уверены, что удел женщин — забота о доме, а не государственная служба.

В то же время мужчины оказались более пассивны, чем женщины в готовности участвовать в общественной жизни. Во всех возрастных группах доля мужчин, не желающих участвовать в работе общественных организаций, выше, чем среди аналогичных групп в массиве женщин. Особенно велик разрыв в молодежной группе до 25 лет: мужчины в 2,5 раза чаще женщин отказываются от участия в общественной жизни. О дискриминации женщин на работе чаще говорят образованные, относительно обеспеченные респонденты, городские жители, так как в сфере высококвалифицированного труда существует больше возможностей для карьерного роста и более вероятна гендерная конкуренция. Низкие доходы влекут за собой не только сокращение доступа к услугам здравоохранения, но и девальвацию ценности здоровья и здорового образа жизни. Это проявляется в ухудшении условий быта, питания, сокращении оздоровительных мероприятий.

Данные опроса показывают, что население еще не готово к профилактике собственного здоровья. Современный темп жизни приводит к то-

му, что при заболевании трудоспособное население все реже обращается к врачу из-за боязни потерять рабочее место.

В вопросах реализации конституционных прав мужчины чаще выбирают вариант «возможности равны», а различия в реализации прав по гендерному признаку чаще признаются женщинами. Помимо стандартного признания мускулиной позиции, часть женщин ответили, что у них больше, чем у мужчин, возможностей реализовать себя в бизнесе, на рабочем месте.

Семья является социальным институтом, основанным изначально на добровольном согласии супругов, наделенных одинаковыми правами и обязанностями. Но, как показало данное исследование, возможности реализовать себя в семье не являются равными: мужчины все чаще перекладывают реализацию семейных обязанностей на женщину, и женщины в своих ответах субъективно с этим согласны (так же, как и мужчины, они чаще выбирали ответ «у женщины больше возможностей реализовать свои права в семье»). Вариант ответа «возможности равны» в вопросах о семейных правах набрал наименьшее количество, меньшее равенство прав признается только в вопросах об участии в политике. Реже, чем в семейных вопросах, равенство прав признается только на политической арене. Подобная ситуация отрицательно сказывается на воспитании подрастающего поколения, так как ребенок, проходя преимущественно «материнскую» социализацию в семье, затем из ближайшего окружения попадает в окружающий мир с правилами, заданными мужской культурой. Это объясняет феминизацию мужчин и принятие на себя хозяйственных функций женщинами.

Большинство женщин Новгородской области отмечают наличие у них проблем. Среди самых насущных — отсутствие средств на самое необходимое, плохие жилищные условия, отсутствие свободного времени для общения в семье и недоступность качественной медицинской помощи.

В интересах женщин доминируют личностные (материальные) аспекты, безопасность. Наличие проблем напрямую связано с теми опасениями, которые испытывают женщины в повседневной жизни: беспокойство по поводу здоровья своего и близких, страх остаться без средств к существованию, боязнь терактов и войн.

Процент сельских женщин, ответивших, что у них есть проблемы, значительно больше, чем процент городских. Сельскими женщинами самыми важными проблемами названы: нехватка материальных средств, жилищные проблемы и недоступность качественной медицинской помощи.

Культура и образование (их рост в профессиональном портрете) являются катализаторами гражданской и деловой активности женщин, а также роста амбициозности (независимости от всего) и снижения патриотичности. При этом женщины с образованием и без такового заинтересованы в росте статуса государства в международном рейтинге.

Ольга Артамонова
(Великий Новгород)

Контрапункт

ИДИ, НО СМОТРИ...

Станислав Белковский. Империя Владимира Путина. — М.: Алгоритм, 2008. — 272 с.

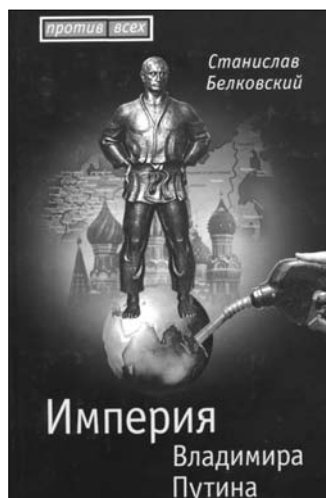
В основу книги известного политехнологического публициста положены статьи, написанные в разное время и опубликованные в разных изданиях. Такого рода книги обычно строятся ретроспективно, с указанием конкретных дат и в сопровождении сиюминутных примечаний, они же пояснения. При каких исторических обстоятельствах было высказано данное суждение; какой изменчивый контекст окружал шлейфом те или иные послылы. Вот, друзья мои, заметки на полях истории, улыбнитесь нашим ошибкам, восхититесь нашими прозрениями. Станислав Белковский от дат и примечаний наотрез отказался. Контекст восстанавливать не стал. Просто прошел свои статьи и доклады, отныне ставшие частями и главками, некоторыми внутренними связками, отсылками к сказанному прежде. И тем самым обрек свою книгу на специфическое восприятие. Не историческое. А концептуальное.

Между тем с исторических позиций к его книге нет никаких претензий. Скорей наоборот, сплошные похвалы. Вот как некоторые современники воспринимали ход событий в «нулевые» годы. Вот как реагировали на вызовы времени. А таким вот образом менялось их отношение к политической ситуации и породившему ее вождю. Любопытно. Тем более что пишет все это человек сколь яркий, столь и умный; в бойкие журналистские обороты умело ввинчены пиаровские образы, которые обречены на запоминание и воспроизведение; попутно делаются точные наблюдения и высказываются интересные мысли общегуманитарного свойства. Интересные сами по себе, безотносительно конкретных обсуждаемых сюжетов.

Но что касается концептуальности, тут книга Станислава Белковского вызывает множество вопросов. Как-то вдруг, внезапно, из пропутинской риторики мы перескакиваем в риторику антипутинскую; начинается все ярким обличением либералов и не менее ярким порицанием ВВП, продолжается рассказом про угрозу олигархического переворота против великого Путина, во главе которого стояли, дескать, Ходорковский, Абрамович и Дерипаска; затем все нечувствительно перетекает в пламенеющую адвокатскую речь в защиту Ходорковского, а завершается

Александр Архангельский

восторженной угрозой превратить «наши марши несогласных» в начальный этап общенародного сопротивления. На разных страницах «Империи Путина» можно найти и жесткий вызов власти предрекающей, и не менее жесткий призыв ее оборонять от разрушения и распада, бряцающее приятие идеи мирной революции и ее суровейшее порицание. Приветствие оранжевой революции и издевку над ней. И всякий раз это звучит убедительно. И всякий раз произносится с каким-то гражданским надрывом. Россия, братцы, гибнет! Братцы, спасемте Россию!

Общий знаменатель всех разнородных посылов Белковского — многократно повторяемый образ «одиночества Путина». Иногда автор Путина просто жалеет, иногда он Путина брезгливо не любит, иногда восхищается им. Но все время возвращается к одной и той же мысли: многое в путинской политике определяется

бытийственным одиночеством вождя, отсутствием властных инстинктов и брачного союза с властью; эротические отношения с ней заменены преувеличенным чувством долга, и только. Однако это не более, чем навязчивый словесный лейтмотив. Бывает одиночество пророка, бывает одиночество Демона, а бывает одиночество полковника, которому никто не пишет. А какое одиночество у Путина? решите сами.

Книга вышла в серии «Против всех». С тем же успехом серию могли назвать «За все!». Потому что метод автора можно описать с помощью великой тавтологии: *смотря как посмотреть*. Исходный посыл неизменен — страна в беде. А ответ на вопрос, где источник беды, зависит от приводящих обстоятельств. Обстоятельства, в свою очередь, зависят от того, в какой точке исторического процесса находится сию минуту автор, он же наблюдатель, он же участник, он же пропагандист и упаковщик духа времени в яркие образы. История в его изображении похожа на радужный мыльный пузырь, который вращается вокруг своей оси и радует глаз, пока не соберется лопнуть. Бесполезно искать тут единую точку отсчета; ее нет и быть не может; вопреки известному речению Лютера «Я здесь стою и не могу иначе», Станислав Белковский не стоит на месте, потому что иначе не может.

И тем не менее это очень полезная книга, которую прочтут сейчас и будут изучать впоследствии, как выразительный образец сегодняшнего хода мысли. Того самого хода мысли, который пусть не порожден, но многократно усилен эпохой путинской империи. Политический писатель этой самой империи — чеховская Душечка навыворот. Душечка любила каждого из многочисленных мужей до потери собственной личности. Разделяла их несовместимые суждения. Но все-таки поочередно. А теперешние авторы способны на любовь и ненависть в одно и то же время; их разнородные позиции не меняются, а сосуществуют. И дело тут не в деньгах, не в заказах; Станислав Белковский неизменно повторяет, что невозможно считать подтексты современной публицистики с помощью бухгалтерских методик, что взгляды важнее заказов. Делает он это примерно с той же настойчивостью, с какой говорит о путинском смертельном одиночестве. И нет оснований ему не верить. Но *взгляды* тем и отличаются от *убеждений*, что целиком и полностью зависят от местонахождения *смотрящего*. А его местонахождение определяется раскладом внешних сил.

СМОТРИ — НО ВСЕ-ТАКИ ИДИ

Захар Прилепин. Я пришел из России. Эссе. — СПб., М.: Лимбус-пресс. — 256 с.

Захару Прилепину присуща склонность к яркой фразе, звонкой, как пощечина. Самодостаточной, обособленной от реального смысла. Что заметно даже в названии сборника прилепинских статей: «Я пришел из России». Не надо спрашивать, куда пришел Прилепин и зачем он из России ушел; не следует раздумывать: хотел ли автор нас, читателей, отправить за пределы родной страны — ведь если он пришел к нам *из* России, стало быть, мы — *вне*. Не надо, потому что автор никуда не уходил и нас никуда не отправлял. Он имел в виду лишь звонко хлопнуть в ладоши и собрать читателя вокруг себя. И не размышлял о лишних тонкостях.

Если сосредоточиться на этом самом *хлопке*, на бодрой и звонкой фразе, можно вычитать из книги что угодно. Например, то, что вычитал из прилепинской прозы банкир Петр Авен, не так давно опубликовавший жесткую полемику с писателем. Авен всерьез объяснял молодому прозаику, что бизнес полезен, а протест как таковой разрушителен, что надо побольше работать и поменьше звать на баррикады. А ведь Прилепин и не возражает. Он просто хочет завернуть пожестче, сказать покруче и слегка похвастаться. Его нацбольство, баррикадность и оппозиционность вполне литературны. Если же не заморачиваться внешней стороной его экспрессивного стиля (и в жизни, и в литературе) и скосырнуть этот стиль, как болячку, то под ним обнаружится живая кровь. И целительная боль.

Это боль за человека, которому не повезло, который не сумел пристроиться к эпохе, оказался на ее обочине. Боль за страну, которая заслуживает лучшего, но получает то, что видим. Боль за детей. За стариков. За себя, который был ребенком и когда-нибудь состарится. Ради этой страны, этих детей, стариков, ради самого себя, своей жены и детей стоит двигаться вперед, сопротивляться и бодаться с властью. Как именно сопротивляться и с чем конкретно бодаться — вопрос другой; ответ на него мы поищем не у Захара Прилепина, он не по этой части, не по части формул. Он по части сострадания и чувства естественной жизни. Все его словесные выкрутасы про нацбольские борения и симпатичнейшего революционера Эдичку Лимонова, как пена, сползают и превращаются в жалкую лужицу. Остается каркас.

Когда дочитываешь книжку, то ясно понимаешь: самое сильное в ней — не скорострельные хлопушки, а чудные жизненные зарисовки; центр малой прилепинской вселенной — рассказец о том, как автор с женой готовились отпраздновать десятилетие свадьбы, но внезапно оба заболели гриппом, и легли на детскую двухэтажную кровать, чтобы совместно возгонять температуру и никого на заражать. Рассказец будет помниться, а лозунги уже забылись.

Нет никаких сомнений: чем уверенней будет себя чувствовать Прилепин как писатель, тем меньше позы будет в его политических жестах. Останется главное: любовь к России, из которой он вовсе даже и не уходил, а в которой живет и ради которой работает в литературе и в политике. То есть работает ради детей и жены. Но ведь они и есть — Россия.

Сергей Магарил, кандидат экономических наук, доцент факультета социологии РГГУ

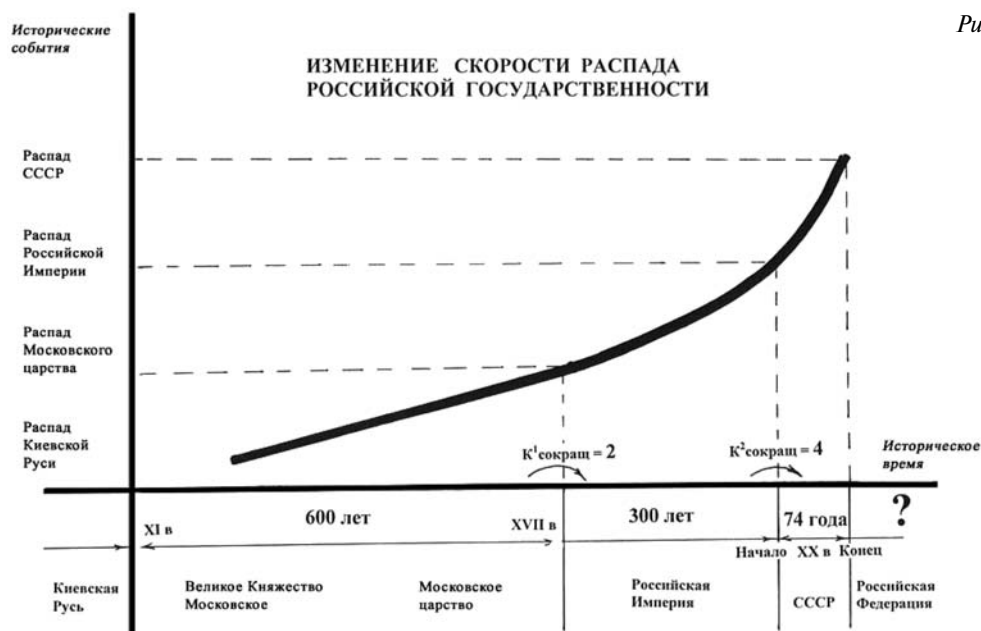
Автор статьи считает, что коррумпированная, неэффективная российская бюрократия XXI века — продукт отечественной высшей школы.

Бюрократия как отражение качества образования

Самые благотворные усилия политических перемен нередко сопровождаемы неудачами, когда образование гражданское не предуготовило к ним разум.

М. Сперанский

Двукратный в течение одного лишь XX века крах российской государственности не позволяет с наивным благодушием относиться к политике правящей бюрократии. При этом если в начале XX века страной управляли представители привилегированных групп, то в конце — выходцы из массовых слоев. Однако тождественный исторический результат объективно свидетельствует о низком качестве стратегического национально-государственного управления. Более того, периодическая повторяемость катастроф российской государственности¹, вынуждает задуматься о причинах последовательного сокращения жизненного цикла каждой следующей ее версии (см. график на рис. 1).

Как видно из графика, существование СССР ограничилось всего 74 годами, и с момента его распада 15 лет уже прошло. Речь не идет о предсказании неизбежности очередного распада государства. Задача автора принципиально иная: привлечь внимание к социокультурным и политическим механизмам, периодически порождающим катастрофы отечественной государственности, а также способам блокирования, демонстрации и преобразования этих механизмов с целью повышения жизнеспособности возникшей государственной модели.

Отмеченная на графике историческая динамика есть отражение социального качества, под которым понимается способность образующих общество социальных групп вносить вклад в его выживание, благополучие и развитие. К сожалению, анализ интегральных показателей этого параметра свидетельствует о том, что макросоциальные стратегии основных групп современного российского общества вновь направлены на его дезорганизацию и дезинтеграцию.

Для бизнес-элит в качестве интегрального показателя социального качества принят массивированный вывоз капитала из России в условиях предельной изношенности ее инфраструктуры и основных фондов². **Массовые слои общества** характеризует критически низкий уровень взаимного межличностного доверия (всего 24%, при среднеевропейском уровне доверия 80–85%)³.

Это порождает политическую беспомощность (более 90% россиян заявляют о том, что не могут влиять на решения властей) и влечет отказ от политической ответственности за судьбу России (порядка 80% респондентов снимают с себя ответственность за происходящее в стране)⁴. **Интеллигенция России** также не продемонстрировала необходимой политической культуры и способности действовать солидарно для того, чтобы

блокировать разрушительные антисоциальные реформы и навязать правящей бюрократии политику национального развития.

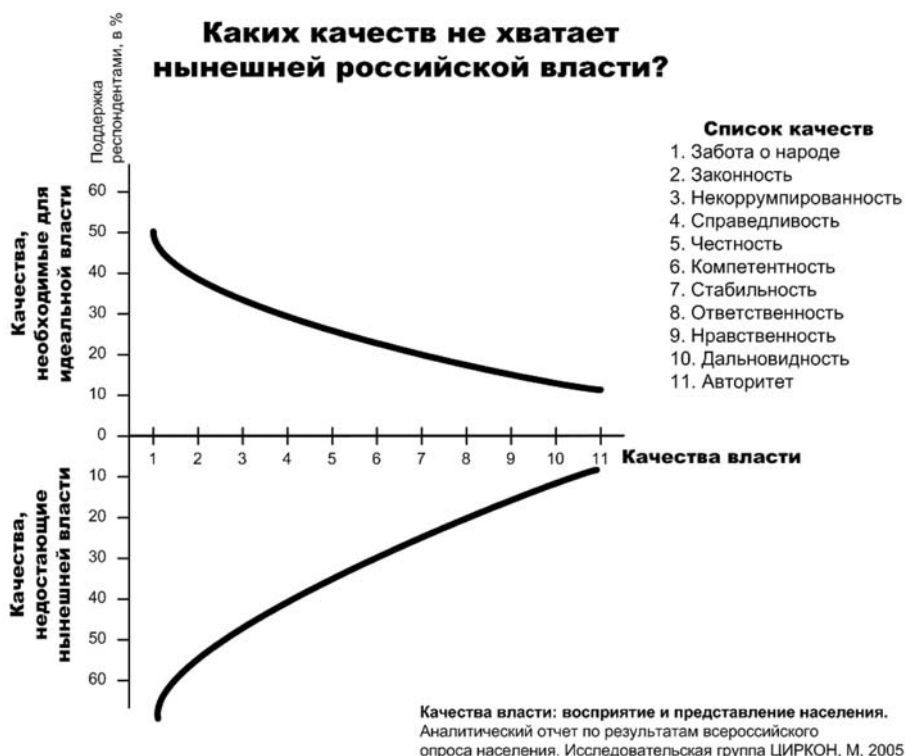
Отечественную бюрократию чрезвычайно выразительно характеризует масштаб коррупции, оцененный Генпрокуратурой в 240 млрд долл., что сопоставимо с доходами федерального бюджета⁵.

Продажность государственного аппарата и национальные интересы России несовместны. В очередной раз это наглядно зафиксировали данные общероссийского мониторинга 10 тыс. сделок по государственным закупкам 2006–2007 годов. Из общей суммы в 4 трлн руб. «украден каждый четвертый рубль», то есть «потери от воровства достигают 1 трлн руб.»⁶, что составляет порядка 40 млрд долл. Способна ли подобная «элита» осуществлять политику национального развития? Закономерно, что эта публика убеждена: «Задаёт направление развития и определяет соответствующий политический курс исключительно... Путин»⁷. Подобные представления едва ли могут быть признаны рациональными. Социология фиксирует: представления россиян о должном качестве государственной власти, по существу, противоположны их же оценкам существующей российской власти (см. график на рис. 2).

Что мешает нам сформировать государственную власть, адекватную нашим собственным представлениям о должном?

Современная генерация отечественной бюрократии воспроизводит ее худшие исторические черты: взяточничество, казнокрадство, некомпетентность. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические источники⁸.

В частности, Крымская война (1853–1856 гг.) наглядно зафиксировала технико-технологическую отсталость России, пре-

одолевать которую могла лишь существенно иная экономика. Но для ее создания нужно было воспитать самостоятельные, экономически активные слои населения, что, в числе прочего, требовало качественно иного правосудия. Традиционно отечественное правосудие опиралось на набор предзаданных решений. Фактически узаконенный произвол администрации и полиции, сословная неполноценность и известная «беззащитность» представителей нарождающейся буржуазии в судах, взятки и незаконные поборы, все это являлось долгое время тормозом развития промышленности и торговли, поскольку не создавало прочных гарантий охранения буржуазной собственности⁹. Развивающаяся экономика, генерируя новые и сложные правовые коллизии, нуждалась в более гибких процессуально-юридических нормах, в состязательной системе правосудия, что позволило бы адаптироваться к новым типам дел. Нужен был суд, независи-

мый от администрации, в то время как традиционно в России правосудие управлялось по принципу: «Власть указала и суд приговорил».

По мнению Ключевского, одним из побуждений Петра I к разделению службы на военную и гражданскую была мысль о том, что кроме невежества и произвола, прежде достаточных для исправного отправления гражданской должности, теперь требуются еще некоторые познания. Ввиду скудости или почти полного отсутствия образования по предметам гражданским, предписано было «учинить краткую школу» и в ней обучать «гражданству и экономии».

В результате длительной эволюции именно образование стало дорогой, которая вела малоимущих дворян к должностям в ведомстве юстиции, а затем и к высоким правительственным постам. Суд в России в годы Великих реформ второй половины XIX века был совершенно иным, чем в его начале. Путь же к корен-

ной перемене в качестве и умонастроениях чиновников правосудия проложили реформы в системе образования первой половины XIX века¹⁰.

Помимо служащих среднего уровня, были необходимы профессионалы высшей квалификации. Для их подготовки Сперанский в свое время советовал Николаю I вначале направить в каждый университет хотя бы по одному профессору отечественного права, поскольку ни в одном из университетов такой курс не читался и готовить отечественную профессию пришлось на ходу. В результате из числа наиболее способных учащихся московской и петербургской духовных академий были отобраны 12 человек, которых направили для изучения юриспруденции во Второе отделение императорской канцелярии (орган кодификации законов Российской империи). Преподавателями стали Балугьянский и его коллеги по Петербургскому университету: Плисов, Клоков и Куницын, ранее преподававший в Царскосельском лицее. Студенты изучали римское право, русское публичное право, политическую экономию, знакомились с кодифицируемыми законами, учились составлять докладные записки. Для завершения образования они были направлены в Берлин, где прослушали общие курсы по праву. По возвращении им было устроено испытание при Петербургском университете на степень доктора права, после чего они получили назначение на университетские кафедры. *Так был образован первый состав профессоров отечественного права.* Согласно Университетскому уставу 1835 года преподавание права стало одной из главных функций университетов. Устав учреждал самостоятельные юридические факультеты в составе 7 кафедр¹¹. И хотя многие из новых кафедр оказались не заняты, юридическое образование стало более полным и

разносторонним, чем когда-либо ранее. В десятилетия, последовавшие за восстанием декабристов, в университетах число дворян увеличилось, особенно на юридических факультетах, куда определялось до половины студентов.

Выпускники университетов этого периода и стали новым пополнением Министерства юстиции. Дворяне средней руки, а то и неимущие, отличались от прежних высших чиновников ведомства социальным происхождением, типом карьеры и, что важнее всего, образованием. Большинство из этих новых бюрократов росло вдали от отцовского дома и потому не впитало ценности военно-служивого дворянства. Они осваивали жизненные ориентиры и идеалы в процессе образования, черпая их из книг и от преподавателей. Тон в формировании нового правового этоса задавал Московский университет, где читали лекции Кавелин, Редкин, Крылов, Грановский¹². Они формировали у студентов новый способ мышления, воспитывали уважение к праву, как интеллектуальному достоянию. Отвергая суд в качестве инструмента, подчиненного и обслуживающего административное управление, эти профессора формировали представление о правосудии как о самостоятельной ветви государственной власти, призванной воспитывать правосознание общества. Студенты видели в своих преподавателях живой пример для подражания, воплощение благородства, которое предстояло достичь.

Один из студентов того времени писал: «Молодежь толпилась вокруг кафедр, прославленных силой раздававшегося с них вечно-живого, вечно-духотворящего слова, уводившего аудиторию, вслед за профессором-наставником, в светлую область грядущих гражданских идеалов»¹³. Преподаватель стал кумиром университетской молодежи.

Редкин открывал свой курс вопросом: что привело студентов в его аудиторию, и сам отвечал: поиск истины и желание стать «защитником правды в отечестве. Вы жрецы правды!» В лекциях Грановского студенты находили те руководящие принципы, «те гражданские чувства, которые, вложенные в молодую душу, вели и охраняли ее потом на предстоящем жизненном пути»¹⁴. Кавелин, комментируя судебные установления Древней Руси, иронизировал над варварством предков. Наиболее любознательным студентам он читал частные лекции по отечественному гражданскому праву. Профессора устраивали домашние вечера для того, чтобы обсуждать со студентами правовые проблемы, злободневные вопросы, новую литературу; охотно давали студентам книги из своих библиотек. Чичерин вспоминал: «Всякий молодой человек, подававший надежды, делался предметом особенного внимания и попечения»¹⁵. Выдвигая идеи, преподаватели передавали их следующему поколению. Наука виделась им универсальным средством формирования новой личности. Деятельность этих ученых изменяла взгляд студентов на жизнь. Становление нового этического идеала, нового способа мышления означало конец пассивному принятию существующего порядка.

За период 1850–1866 годов доля выпускников университетов возросла: среди чиновников Правительствующего Сената в составе обер-секретарей и секретарей — с 29 до 62%; среди помощников секретарей — с 20 до 62%; среди губернских учреждений юстиции в составе товарищей председателя — с 21 до 46%; прокуроров — с 21 до 39%; среди стряпчих — с 15 до 44%¹⁶.

Когда в 1861 году Александр II одобрил план работы над судебной реформой, статс-секретарь Департамента законов Государственного Совета Зарудный¹⁷

собрал вокруг себя группу прогрессивно мыслящих чиновников: Ровинского, Победоносцева, Буцковского, Плавского, Вилинбахова, Даневского, Стояновского и Шубина-Поздеева. Они и разработали основополагающие принципы реформы. Эти люди представляли собой новый тип служителя правосудия, сформировавшийся в царствование Николая I. Четверо имели университетское образование, четверо закончили училище правоведения. Мелкопоместные дворяне по происхождению, *они были чиновниками по должности и подлинными либералами-интеллигентами по убеждениям. И воспитала их отечественная высшая школа.*

Указывая на отсутствие правовой традиции в России, группа добилась дозволения использовать при подготовке судебной реформы западные принципы и модели. В 1862 году ею были подготовлены «Основные положения преобразования судебной части». Независимая судебная система ставилась под контроль профессиональных юристов; вводился состязательный судебный процесс; предусматривалась устная процедура судебного разбирательства; создавалась коллегия адвокатов; вводился суд присяжных, что, по мнению реформаторов, было принципиально важно для воспитания населения в уважении к закону и институтам правосудия. Коллегия присяжных особенно полезна в отсталой стране, где невежественное население было отчуждено от правосудия.

Для дальнейшей работы составления законопроектов, комиссия была расширена. Были привлечены опытные чиновники ведомства юстиции, эксперты из других отраслей администрации, а также ученые из университетов. Из 26 сотрудников комиссии 12 окончили университеты, в том числе 5 — Московский университет и 12 человек — училище правоведения.

Манифестом от 20 ноября 1864 года Александр II ввел новые Судебные уставы, что стало началом практической реализации реформы. По губерниям были разосланы специальные эмиссары для отбора из состава старых судов тех, кто был достоин включения в новую систему. К началу 1870-го новые суды были открыты во всех губерниях европейской России. Реформа также

ускорила приток новых деятелей, преимущественно дворянского происхождения, в корпус образованных служащих юстиции, что привело к существенному повышению образовательного уровня чиновников. В 1866 году лица с высшим образованием занимали 56% должностей товарища председателя губернских судебных палат. В 1870-м порядка 80% всех судей в новых судах четырех округов — Петербургского, Московского, Харьковско-Одесского — имели высшее образование.

Императору докладывали: «В числе обер-прокуроров, председателей, товарищей прокуроров и обер-секретарей есть уже много лиц с такими юридическими познаниями и нравственными качествами, которые дают полное право ожидать, что при участии сих лиц осуществление судебной реформы пойдет успешно»¹⁸.

Свои ценности эти люди обрели в кругу интеллектуального общения в учебных заведениях, куда они поступали подростками. С изменением ценностей менялся и менталитет бюрократии. Реформа породила в России новый тип уважаемого и щепетильного судьи-дворянина, строго соблюдавшего беспристрастие и справедливость в своих постановлениях. Возникло новое чувство профессионального достоинства. Су-

дья в новых судах культивировали представление о компетентности и чести. По мнению многих специалистов, судебная реформа была одной из наиболее успешных.

Современная генерация отечественной бюрократии воспроизводит ее худшие исторические черты: взяточничество, казнокрадство, некомпетентность

Правоведы оказали влияние и на провинциальное общество. Выпускники юридического факультета Московского университета Унковский, Головачев, князь Оболенский донесли до провинциальных дворянских собраний понимание важности независимого суда, как способа действенного контроля общества над административными органами.

Таким образом, реформа 1864 года создала современную, для условий того времени, судебную систему и тем самым необходимые предпосылки для продвижения законности в систему государственного управления.

Однако дальнейшее становление профессионального суда вызвало враждебное отношение в высших правительственных сферах. Это было закономерно: независимая от администрации судебная власть неизбежно ограничивает любой автократический режим. Правомочия нового суда, способствовавшего развитию самостоятельных и динамичных общественных сил, явно противоречили традиционным схемам ортодоксально-консервативного самодержавного мышления. Представления Александра II о неограниченной власти как «личном достоянии» ставило пределы рационализации, которые он мог допустить.

Кроме того, политические процессы 1870-х годов в свою очередь продемон-

стрировали существенное расхождение между самодержавием и крепнущим правосудием: суды отказывались от вынесения беспощадных приговоров революционерам. Относительно мягкий приговор 1877 года по делу 193 народников и оправдание Засулич в 1879 году обусловили перемену настроений в верхах. Даже сенаторы, имевшие статус судей, были сочтены ненадежными, и правительство передало дела по политическим преступлениям военным судам. Из 74 процессов над революционерами в 1879–1882 годы 71 дело слушалось в военных судах¹⁹. Закон от 14 августа 1881 года об усиленной и чрезвычайной охране, предусматривал перевод губернии на особое положение по ходатайству губернатора, подчинял ему губернского прокурора и наделял администрацию полномочиями ускоренного судопроизводства по политическим преступлениям. Этот закон действовал до самой революции.

Натянутая терпимость к суду сменилась неприкрытой враждебностью. Были приложены усилия к ущемлению, а при возможности и полной ликвидации суда присяжных, восстановлению подчинения суда администрации. Тем самым власть встала на путь войны с собственной судебной системой. Судебные уставы были ревизованы, независимость судей ограничена, законодательство перестало обновляться, отставая от жизни и проблем общества.

В 1903 году было завершено составление нового Уложения уголовных, а в 1913-м — гражданских дел. Однако большая часть этого законодательства при монархии так и не была введена в действие. Реформой полиции, от которой зависело совершенствование уголовного правосудия, после 1860 года, по существу, не занимались. В последние два десятилетия XIX века

бывшие чиновники Министерства юстиции, ставшие членами Государственного Совета, противодействовали упразднению суда присяжных, а также возврату административного контроля над судами. Однако, несмотря на это, модернизация правосудия не обрела необратимого характера. Сама монархия стала тормозом тех самых сил, которые она же и вызвала реформой к жизни.

Формирование и распространение современного для того времени правосознания ограничилось населением городов. Возникновение этого сознания было важным, но все же лишь эпизодом, не оказавшим решающего влияния на дальнейший ход исторических событий. В 1864 году основная масса населения России — крестьяне — остались в стороне от вновь созданных институтов правосудия, за исключением мировых судей, к которым они могли обращаться по малозначительным делам. В соответствии с «Положениями 19 февраля 1861 года» крестьяне получили собственный сословный волостной суд. Он находился в ведении чиновников Министерства внутренних дел, а судьями были сами крестьяне, избираемые из числа уважаемых общинников. Естественно, такие суды могли вершить суд только по нормам крестьянского обычая, поскольку для многомиллионной крестьянской массы право как таковое оставалось «культурной фикцией».

Сама идея подчинения государственной власти нормам права вошла в противоречие с идеей единого самодержавия. Взгляд автократора на правосудие был емко выражен министром юстиции Российской империи Щегловитовым в речи, произнесенной в Думе в 1914 году: «Начало законности в российском государстве явилось свободным проявлением высшей воли русских самодержцев»²⁰.

Отказ от политической модернизации стоил жизни императору Александру II, обусловил историческое опоздание с введением представительных институтов власти и стал значимым фактором распада Российской империи. Ставя себя над законом, любая власть теряет доверие и уважение граждан и, тем самым, подрывает собственную легитимность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: А.С. Ахиезер. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему. — Новосибирск, 1997. — С. 734.
- ² Кумулятивный вывоз капитала уже на рубеже 2000 года оценивался почти в 1 трлн долл. (С.Ю. Глазьев. О стратегии развития российской экономики / Научный доклад. ЦЕМИ РАН, М., 2001).
- ³ Институциональная политология. Под ред. С.В. Патрушева. — М.: ИСП РАН, 2006. — С. 516.
- ⁴ С.В. Патрушев. Власть и народ: Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. — М: ИСП РАН, 2003. — С. 13.
- ⁵ Труд, 7.11.2008.
- ⁶ См.: А. Щеглов. У России украли еще один триллион. // *Независимая газета*, 17.10.2007.
- ⁷ Л. Гудков, Б. Дубин. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // *Pro et Contra*. — М., 2007, № 3. — С. 86.
- ⁸ См.: В.О. Ключевский. Курс русской истории. Ч. 4. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. — С. 144, 81–83; Ч. 5. — С. 66, 69; Д. Андреев, Г. Бордюгов. Пространство власти: от Владимира Святого до Владимира Путина. — М.-СПб. — С. 69, 89; В.В. Ефимова. Формирование особых условий прохождения государственной службы в Олонецкой губернии первой половины XIX века. // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках. Материалы XII Всероссийской

научно-теоретической конференции. — М.: РУДН, 2008. — С. 164; Б.Н. Миرونнов. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 2. — СПб.: Дмитрий Булавин, 1999. — С. 235–236.

- ⁹ См.: Н.П. Ерошкин. История государственных учреждений дореволюционной России. — М.: Высшая школа, 1983. — С. 180.
- ¹⁰ Р.С. Уортман. Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М.: Нов. лит. обозрение. — М., 2004. — С. 116.
- ¹¹ Были введены курсы: «Общее обозрение системы законоведения», «Российские государственные законы», «Римское законодательство и история оно-го», «Гражданские законы», «Законы благоустройства и благочиния», «Законы о государственных повинностях и финансах», «Законы полицейские и уголовные», «Начала общенародного правождения». ПСЗ — II. (Т. 10, отд. 1).
- ¹² Р.С. Уортман. Властители и судии. — С. 375.
- ¹³ П.Н. Обнинский. Сборник статей. — М., 1914. — С. 20–21.
- ¹⁴ Воспоминания о студенческой жизни / Под ред. В.О. Ключевского и др. — С. 28.
- ¹⁵ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — С. 27–28.
- ¹⁶ Р.С. Уортман. Властители и судии. — С. 393.
- ¹⁷ С.И. Зарудный, выпускник математического отделения Харьковского университета, выходец из обедневшей дворянской семьи.
- ¹⁸ РГИА.Ф. 1275. Оп. 1. Д. 52. Л. 10–11.
- ¹⁹ Н.А. Троицкий. Безумству храбрых: русские революционеры и карательная политика царизма. 1876–1882. — М., 1972. — С. 185–202.
- ²⁰ Е.А. Привалова. Законность и права личности: Административная юстиция в России (вторая половина XIX в. — октябрь 1917). — СПб., 2000. — С. 55–58.

CONTENTS
N 3–4 (46) 2008

To Our Reader	
<i>Yuri Senokosov</i>	5
Seminar	
Power and Society	
<i>Lyudmila Alekseeva</i>	7
Discussion	18
Notes from the Seminar	
<i>Alisa Lisitsyna</i>	25
Theme of the Issue	
Scenario of Modernisation	
<i>Andrei Klepach</i>	27
Russian Transformation	
<i>Ruslan Grinberg</i>	34
Two Philosophies, Two Approaches to Modernisation	
<i>Andrei Ryabov</i>	38
Modernisation Theory and Traditional Cultures	
<i>Ronald Inglehart, Christian Welzel</i>	47
Challenges and Threats	
Role of the UNO in Upholding International Security in the XXI st century	
<i>Thomas Nichols</i>	58
A Forecast	
Foreign Policy Matters	
<i>Dmitri Trenin</i>	64
Society	
Confidence and Solidarity	
<i>Boris Dubin, Natalia Zorkaya</i>	68
Concept	
Myths about Cultural Predestination of Authoritarianism in Russia	
<i>Emil Pain</i>	74
The "Vertical" in People's Minds	
<i>Dmitri Gruschevski</i>	86
Values and Interests	
A Conversation about Inner Language	
<i>Maxim Trudolyubov</i>	92
Mythology and Politics	
<i>Anton Chablin</i>	97
Viewpoint	
Local Authority: a Shortage of Evidence	
<i>Victor Pankrashchenko</i>	102

The Problem of Moral Leadership in Russia <i>Aleksei Makarkin</i>	107
About Modernization <i>Alexander Volkov</i>	116
A Life in the Profession	
What does It mean to be a Modern Politician? <i>Lord George Robertson</i>	119
Regional Experience	
Kabardino-Balkaria and the Internet <i>Madinat Kumykova</i>	124
Ideas and Notions	
Enlightenment <i>Irina Busygina</i>	130
Horizons of Understanding	
Where did Utopia go? <i>Alessandro Scafi</i>	137
In memoriam	
Freedom as an Idea and Ideal <i>Alexei Salmin</i>	148
Announcement	
Democracy and Problems of Security Information Revolution in China <i>Minxin Pei</i>	156
Books	
A One-way Ticket <i>Andrei Zakharov</i>	163
Regional Book Review <i>Viktoria Yevlikova</i> <i>Olga Artamonova</i>	165
Counter-Point <i>Alexander Arkhangelksi</i>	169
Nota bene	
Bureaucracy as a Mirror of the Quality of Education <i>Serguei Magaril</i>	172

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2008 г.

К читателю (№ 1, 2, 3–4)

Семинар

Алексеева Людмила

Власть и общество (№ 3–4)

Коукер Кристофер

О политическом возрождении религии в начале XXI века (№ 1)

Лисицына Алиса

Заметки с семинара (№ 3–4)

Хиль-Роблес Альваро

Ценности и современная демократия: взгляд из Европы (№ 2)

Шепилов Александр

Заметки с семинара (№ 2)

Тема номера

Гринберг Руслан

Российская трансформация (№ 3–4)

Инглхарт Рональд, Велцель Кристиан

Модернизационная теория и традиционные культуры (№ 3–4)

Клепач Андрей

Сценарий модернизации (№ 3–4)

Обращение международного общества «Мемориал»

О «национальных образах прошлого» (№ 1)

Рябов Андрей

Две философии, два подхода к модернизации (№ 3–4)

Солдатов Андрей

Общественный контроль над спецслужбами (№ 2)

Харичев Игорь

Культура и будущее России (№ 2)

Итоги президентства В.В. Путина

Коткин Стивен

Миф о новой холодной войне (№ 1)

Вызовы и угрозы

Николс Томас

Роль ООН в поддержании международной безопасности в XXI веке (№ 3–4)

Концепция

Аузан Александр

Концепции для будущего (№ 2)

Бондарь Вадим

Проблема коррупции и местное сообщество (№ 1)

Грушевский Дмитрий

О вертикали, которая живет в головах (№ 3–4)

Паин Эмиль

Мифология культурной предопределенности авторитаризма в России (№ 3–4)

Дискуссия

Бонет Пилар, Маркедонов Сергей

Непризнанные... (№ 2)

Бусыгина Ирина

Некоторые размышления о «национальном лидере» (№ 1)

Захаров Андрей

«Национальный лидер» как симптом (№ 1)

Палеева Наталья

Толерантность в полиэтничном регионе: случай Республики Татарстан (№ 2)

Смирнягин Леонид

«Я не согласен...» (№ 1)

Тюрин Глеб

Патриотизм, идентичность и политика (№ 1)

Прогноз

Тренин Дмитрий

Внешняя политика имеет значение (№ 3–4)

Общество

Дубин Борис, Зоркая Наталья

Доверие и солидарность (№ 3–4)

Ценности и интересы

Трудолюбов Максим

Авторитет без кавычек, или Чистота взглядов (№ 2)

Трудолюбов Максим
Разговор на внутреннем языке (№ 3–4)
Чаблин Антон
Мифология и политика (№ 3–4)

Интересы и ценности

Коукер Кристофер
Трансформация Запада (№ 2)

Точка зрения

Балакирева Наталья
Демократия в России: электронный вариант (№ 2)

Волков Александр
По поводу модернизации (№ 3–4)
Макаркин Алексей
Проблема морального лидерства в России (№ 3–4)

Макаркин Алексей
Эксперт при полуавторитаризме (№ 1)

Мертес Клаус
Религия и ценности: о взаимосвязи религии и политики (№ 1)

Панкращенко Виктор
Местная власть: дефицит очевидности (№ 3–4)

Пил Квентин
Глобализация и свобода (№ 2)

Согомонов Александр
Российские реформы и общественная солидарность (№ 1)

Жизнь в профессии

Робертсон Джордж
Что значит быть современным политиком? (№ 3–4)

Гати Тоби
О государственной службе, политике и бизнесе: взгляд из Америки (№ 1)

Прохорова Ирина
Познание времени, в котором живем (№ 2)

Опыт регионов

Кумыкова Мадина
Кабардино-Балкарская Республика и сеть Интернет (№ 3–4)

Идеи и понятия

Бусыгина Ирина
Просвещение (№ 3–4)

Бусыгина Ирина, Захаров Андрей
Институты (№ 1)
Захаров Андрей
Традиция (№ 2)

Горизонты понимания

Скафи Алессандро
Куда делась утопия? (№ 3–4)

In memoriam

Салмин Алексей
Свобода как идея и идеал (№ 3–4)

Наш анонс

Захаров Андрей
Унитарная федерация. Заключение (№ 2)

Мюллер Пьер
Новый общественно-политический словарь. Предисловие (№ 1)

Пей Минсин
Демократия и проблемы безопасности. Информационная революция в Китае (№ 3–4)

Книги

Захаров Андрей
Советское детство по-английски (№ 1)

Захаров Андрей
Просто Россия (№ 2)

Захаров Андрей
Билет в один конец (№ 3–4)

Региональное книжное обозрение
Артамонова Ольга (№ 3–4)

Захаров Андрей (№ 2)
Евликора Виктория (№ 3–4)

Палеева Наталья (№ 2)

Архангельский Александр
Контрапункт (№ 1, 2, 3–4)

Nota bene

Брудеу Анн-Мари
Эйфория и отчаяние в олимпийской столице (№ 2)

Магарил Сергей
Бюрократия как отражение качества образования (№ 3–4)

Федотов Георгий
Федерация и Россия (№ 1)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

МНОГОЛИКИЙ КРИЗИС

СЕМИНАР

(Голицыно, ноябрь 2008)

Наши авторы:

Людмила Алексеева

Сергей Алексахенко

Александр Архангельский

Михаил Бергер

Андрей Захаров

Николай Злобин

Сергей Маркедонов

Артем Марченков

Эмиль Паин

Владимир Познер

Никита Соколов

Дмитрий Тренин

Евгений Ясин

Подписано в печать 16.12.2008.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура Newton.

Усл.-печ. л. 11,5.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

123104, Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 30.

e-mail: msps@msps.ru

<http://www.msps.ru>

ISBN 978-5-91734-002-9

9 785917 340029